Кашин.
Торговля и
торговый
капитал в
Московском...
Л, 1926,

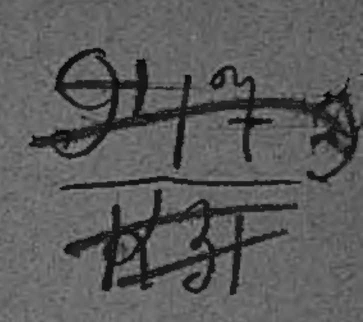
ПАМЯТНИКИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
Под редакцией
А. И. ЗАОЗЕРСКОГО и В. Н. КАШИНА

В. Н. КАШИН

ТОРГОВЛЯ
И
ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

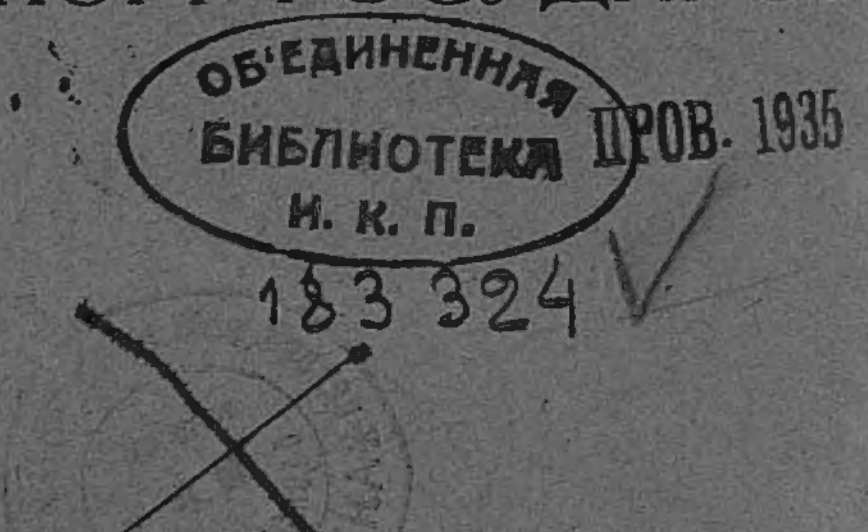

Издательство КУБУЧ
ЛЕНИНГРАД — 1926

В. Н. КАШИН

ТОРГОВЛЯ
И
ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Издательство КУБУЧ
ЛЕНИНГРАД — 1926

Ленинградский Гублит № 8426. Зак. № 2287. Тираж 3.000 экз. $18^3/_8$ п. л.

ВВЕДЕНИЕ.

Громадное расширение арены экономической деятельности, а следовательно и социально-политического кругозора европейских государств в XVI веке впервые придает географическому понятию Европы особый экономический смысл в мировом ее противопоставлении заокеанским рынкам и колониям. Медленно накопленный веками средиземноморской и внутренней европейской торговли, оттесненный было Египтом и Турцией от непосредственного соприкосновения с азиатскими рынками, торговый капитал Запада быстро развертывает свои силы на рынках Азии, побережьи Африки и территориях Америки, образующих головокружительный ряд заокеанских открытий. В кровопролитных столкновениях европейских государств, в беспощадных расправах с населением колоний растут португальские владения, расширяется мировая испанская империя, Нидерланды подготовляют свою экономическую и политическую независимость и Англия делает первые шаги на пути к ее грядущему колониальному могуществу.

Пока европейский Запад борется между собой на морских путях за конечные их пункты, европейский Восток вступает в ожесточенную борьбу за начальные пункты доступных ему морских путей. Объединив в предыдущем столетии феодальные княжества и социальные силы и при поддержке кровно заинтере-

сованного в том торгового капитала создав централизованное государство, Москва к началу XVI века окончила долгую борьбу за северное и северо-западное побережье. Присоединение Новгорода, Пскова и Заволочья позволяет Москве усилить и в середине XVI века закончить вековой спор с Казанью за волжский путь к морю, заменивший собою загражденный турками крымский торговый выход. Едва успев победить на юго-востоке, Москва бросается назад на северо-запад и в тяжелой Ливонской войне пытается продвинуться к Балтийскому морю.

В стремительном движении к западному концу пути от моря до моря Москва встречается с не менее жадной тягой Европы к Востоку. Опоздавшая и еще слабая на океане Англия пытается сделать Московское государство своим монопольным транзитным и местным рынком. Английский капитал быстро проникает в Московское государство и Персию, а политические интересы Москвы побуждают ее укреплять эти экономические связи с англичанами ради облегчения себе путем союза с Англией своего закрепления на Балтийском взморье. Но даже в разгар своих надежд на английскую помощь Грозный не соглашается распространить беломорскую монополию английской компании на Нарвский путь, открытый для всех конкурентов компании. Преемники Грозного поощряют купцов других государств и монополия англичан приходит к концу, лишь для того, чтобы смениться фактической монополией иностранного капитала вообще, придавившего и подчинившего себе более слабый туземный капитал.

Развитие уже с XV века постоянных коммерческих сношений русского северо-востока с западными польскими и литовскими областями, установление помимо прежней новгородской новой московской денежной системы, образование крупных ярмарок и мелких местных торжков, частичная замена натуральных повинностей населения, оброков крестьян и „кормов“ должностных лиц денежными взносами, — все это свидетель-

ствовало о развитии русской внешней и внутренней торговли и проникновении денежных отношений в натуральное хозяйство страны. Растущее влияние и значение торгового капитала помогло центральной власти поставить и частично разрешить ряд важнейших вопросов внутренней и внешней политики, но для их успешного и окончательного разрешения русский торговый капитал оказался недостаточно сильным.

Становясь одна за другой мировыми державами и вступая в ожесточенную борьбу между собой, европейские государства становятся ареной не менее упорной внутренней классовой борьбы. Резкое усиление изменений в силе и удельном общественном весе старой землевладельческой знати, дворянства и буржуазии приводит к обычно кровавым потрясениям социального строя, в которых принимают участие в восточно-европейских странах и широкие массы крестьянства, чей труд принудительно закрепощается дворянством, начинающим поставлять хлеб на рынок своих городов и западно-европейских стран. Войны сменяются восстаниями, революции сопровождаются войнами и на протяжении XVI века яркие фигуры королей-централизаторов и полководцев-хищников то топором палача, то мечом воина рассекают запутанные европейские узлы внутренних социальных и внешних политических противоречий Европы.

Вся вторая половина XVI века и для Московского государства была наполнена такой же ожесточенной внешней и внутренней борьбой. Одновременно с Ливонской войной шла внутренняя борьба централизующейся власти с экономически обедневшим и социально ослабевшим феодальным землевладением крупных вотчинников, вылившаяся в форму опричнины и массового обезземеления ею старинных боярских родов. Ни та, ни другая задачи не были выполнены. Финансовое истощение привело к неудачному концу затяжной войны, а невозможность опереться на одни новые классы дворянства и купечества заставила ликвиди-

ровать опричнину и даже частично восстановить боярское землевладение. Лишь ценою затяжной революции смутного времени, осложненной вмешательством крестьянства и его обезземеленной „казачьей“ части, торговому капиталу и мелкому дворянскому землевладению удалось окончательно подорвать старое натуральное хозяйство крупных боярских вотчин. Смута подорвала, однако, и торговую жизнь страны, ослабив силу сопротивляемости туземного московского капитала немедленно заполнившему русские рынки капиталу иностранному, львиная доля в барышах которого перестала, однако, принадлежать англичанам.

Громадное расширение торговых операций и хозяйственная дифференциация Европы лихорадочно ускоряет темп развития европейского капитала, цены и барыши стремительно растут и американские золото и серебро еще более раздувают социально-экономический пожар, охвативший старый материк. Приокеанские западные народы становятся добывателями редкостных заморских товаров и изготовителями промышленных изделий. Восточные страны Европы делаются поставщиками хлеба и сырья, надолго предопределив свою хозяйственную роль в системе европейской торговли. Главным между ними посредником и первым купцом Европы становятся Нидерланды, чей порт Антверпен делается экономическим сердцем европейского материка и бездонным кошельком Испанской империи, куда стекаются восточные товары и американские драгоценные металлы, добываемые остриями португальских и испанских шпаг. Голландская буржуазия оказывается поэтому во главе социальной эмансипации торгового капитала и в борьбе с испанским дворянством совершает первую буржуазную революцию в Европе. Добившись после многолетней борьбы в конце XVI и начале XVII веков своей независимости от Испании, Голландия становится сильнейшей торговой державой Европы и вступает в середине XVII столетия в ряд открытых столкновений с Англией. Став главным

купцом Европы, Голландия становится им и на московском рынке.

Но развитие торгового капитала перенесло и в западной и в восточной Европе государственные финансы, а с ними и социальные интересы государственной власти от земледелия на базис внешней и внутренней торговли. Развивается и крепнет торгово-промышленный меркантилизм XVII века. Государственная власть дворянства становится оружием и проводником интересов торгового капитала, торговый капитал должен поддерживать и обслуживать военно-бюрократический аппарат дворянского государства. Усиление вывоза русского сырья в Европу и быстрый рост хлебных цен за границей усиливают государственное значение внешней торговли Московского государства и делают ее главным источником обогащения казны и притока драгоценных металлов. Само правительство все более становится центром обширных операций торгового характера, широко развивая систему правительственных монополий. Усиливающаяся количественно и качественно верхушка торгового класса привлекается к ведению этих торговых операций, а средняя масса торгового сословия участвует в откупной системе, на которой строятся внутренние финансы государства.

Опираясь в своей военно-административной деятельности на дворянство, Московское государство в области финансово-экономической политики держалось на купечестве. Под влиянием интересов этих двух классов, среди постоянных созывов земских соборов и формировалось московское государство первой половины XVII века. Русский торговый капитализм, расширившись до национального и даже международного размера, создает довольно мощный и обладающий большим экономическим весом торгово-промышленный класс. Осознавая и формулируя свои классовые интересы, он путем организованного давления на правительство стремится провести свою экономическую программу. Ликвидировав государствен-

ные черты феодальной вотчины и оставив помещику лишь частно-правовые привиллегии распоряжения крестьянским трудом, государство должно было ликвидировать и освобождавшие крупных духовных и светских феодалов от уплаты пошлин тарханные грамоты; обелявший от налогов и повинностей, в ущерб остальным членам посадской общины, обычай закладничества, т.-е. отдачи себя в вассальную зависимость тем же феодалам; и, наконец, ту сеть внутренних таможень с ее бесконечным разнообразием таможенных поборов, которая осталась от времен полунезависимых феодальных княжеств и вотчин. Но очищение русского рынка от загромождавших его многочисленных обломков былого феодализма должно было пойти на пользу не иностранному, а русскому купечеству и поэтому в течение всей первой половины XVII века оно усиленно домогается освобождения этого рынка от господства иностранного капитала. Указы и торговые уставы второй половины столетия удовлетворяют, наконец, интересы и желания крупного туземного капитала. Московское правительство вступает на путь систематического протекционизма.

Созрев для самостоятельной торговой эксплоатации русского рынка и готовясь приступить к созданию своей национальной промышленности, русский торговый капитал и связанное с его интересами государство снова приходят к тому же, с чего начала эпоха торгового капитализма: к борьбе за западный конец великих речных путей от моря до моря. За истекшие полтораста лет русская торговля далеко, между тем, ушла вперед. Задача, неразрешимая при Грозном, была разрешена при Петре. Подготовленная за этот период переломная эпоха, связанная с именем Петра и обусловленная усилением влияния интересов торгового капитала на общее направление и ход экономического развития России, является переходом к следующей ступени истории русского народного хозяйства и как потому, так и по соображениям размера и объема

выпуска отнесена к следующей теме, — развитию русского промышленного капитала в условиях крепостной организации труда.

Те же условия объема выпуска заставили ограничиться подбором лишь наиболее ярких, содержательных и непосредственно с темой связанных источников. Нижеприводимые акты, документы и свидетельства современников должны в совокупности своей дать читателю представление о развитии и значении русской торговли на протяжении двух первых веков новой истории страны, начиная с того времени, когда она становится источником интересов и побуждений московского государства в области внутренней и внешней политики страны. Относительная скудость опубликованных до сих пор актов по истории внутренней русской торговли, особенно в сравнении с неизследованными еще документальными богатствами, таящимися в недрах московских архивов, объясняет и ту часто преобладающую роль, которая отведена в сборнике иностранным источникам и свидетельствам о состоянии внутреннего рынка и внешней торговли России в рассматриваемую эпоху. Имея по сравнению с отрывочными русскими источниками преимущество компактности и цельности, эти иностранные свидетельства в большинстве своем принадлежат перу иноземных торговых агентов и послов, глубоко и практически заинтересованных в верном изображении и освещении экономической жизни московского государства. Половина этих отзывов иностранцев, приводимых на страницах сборника, заново или даже в большей части своей впервые переведена на русский язык.

Рассчитанный на серьезное и систематическое изучение затронутой в нем стороны экономической истории России, сборник не может, разумеется, осветить влияние развития русской торговли на все стороны социального строя и политической жизни страны, не рискуя превратиться или в громадный том, или в обычного типа бегло скользящую по

материалам школьную хрестоматию. Но сборник и не ставит себе такой задачи. Включенные в него материалы дают, однако, возможность наметить и проработать ряд тем по истории роста, значения и силы торгового капитала в экономической жизни России XVI — XVII веков. Развитие внутреннего товарообмена и областной дифференциации страны; централизация многих отраслей торговли в руках правительства и „гостей", с одной стороны, и проникновение ее в толщу народных масс, с другой; транзитная и посредническая роль России в товарообмене Запада с Востоком, притязания иностранных капиталов на подчинение себе русского рынка, борьба туземного капитала с всепроникающим „англинским, свейским, бараборским" и иным „немцем", — все эти и многие другие темы могут быть освещены на основании включенных в сборник материалов и расширены привлечением других сборников серии и иных подобного рода изданий, собраний актового материала и литературы вопроса [1]).

Общее замечание. В древнем московском государстве, вплоть до издания Петром указа о переходе с 1 янв. 1700 г. к европейскому летоисчислению, счет годам вели от „сотворения мира", помещая его за 5508 лет до начала нашей эры. При упоминании цифры года для краткости тысячи откидывались. Выражение: „во сто тридцать втором году" означало, следовательно, 7132 г., считая „от сотворения мира", а вычтя 5508, мы получаем 1624 год нашего счисления. Но следует помнить, что московский год начинался с „Семеня дня", т.-е. с 1 сентября; при переводе московского летосчисления на наше следует первые четыре месяца московского года (т.-е. последние нашего) относить к предыдущему нашему году. Август 7089 г. означает, следовательно, август 1581 г., но сентябрь 7090 г. означает сентябрь не следующего 1582, а все того же 1581 г.

Были кое-какие особенности и в древне-московском численном счете. Наименование некоторых чисел заимствовано было

---

[1]) Технические условия печатания побудили несколько упростить орфографию печатаемых в сборнике документов, изъяв из них четыре упраздненных современным правописанием буквы (ѣ, ъ, і, ѳ) и допустив изменения в расстановке заглавных букв.

из книжного церковно-славянского языка: „дванадесять“ (12), „двадесять“ (20), „тридесять“ (30) и пр. Допускалось слияние в устной и письменной речи половины целого числа с целым числом в одно слово. Наше „полтора“ ($1^1/_2$) возникло именно таким образом из „полвтора“, т.-е. „одна целая и половина второй единицы“. В старину говорили поэтому: „полтретья“ ($2^1/_2$), полчетверта“ ($3^1/_2$), „полшеста“ ($5^1/_2$), „полтретьядцать“ (25, т.-е. два с половиной десятка), „полчетвертадцать“ (35) и т. д. Исчисление дробей почти совершенно не давалось древне-русским математикам. Существовало поэтому несколько типичных дробей, к которым приблизительно подгонялись остальные. Такими основными были: половина, треть, четверть, полчетверти ($^1/_8$), полтрети ($^1/_6$), полполчетверти ($^1/_{16}$), полполтрети ($^1/_{12}$), полполполчетверти ($^1/_{32}$) полполполтрети ($^1/_{24}$).

ПОСОБИЯ.

А. Источники.

„Акты археографической экспедиции“[1]), 4 тома (А. А. Э.).

„Акты исторические“, 5 томов (А. И.).

„Дополнения к актам историческим“, 12 томов (Д. к А. И.)

„Русская историческая библиотека“, т. т. 2, 3, 15, 16, 23, 32, 35 (в 16 томе собраны русские акты Копенгагенского архива[2]) и др. (Р. И. Б.).

Щербачев, Ю. Н. „Копенгагенские акты“, выпуск I, М. 1915 г.

То же Вып. II, в „Чтениях Моск. О-ва ист. и древн. российских“, 1916, II.

Форстен, Г. В. „Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII ст.“ I и II вып.; СПБ, 1889—1893.

„Сборники русского истор. о-ва“, т.т. 41 и 95 (Крым), 38 (Англия), 24 и 116 (Голландия) и др. (Сб. Р. И. О).

Матерьялы по (для) истории городов; изд. москов. купечества (несколько выпусков по городам: Торопец, Устюг Вел., Зарайск., Тула, Рязань, Переяславль, Углич, Тобольск и др.).

Толстой, Ю. „Россия и Англия“, СПБ., 1875 г.

Якубов, К. „Россия и Швеция в первой половине XVII в Сборник материалов“, М. 1897 г.

---

[1]) Буквы в скобках указывают на сокращенное обозначение.

[2]) Во всех вышеперечисленных собраниях актов, изданных Археографической комиссией, напечатано в числе прочих материалов и очень много ценных данных по истории торговли. С содержанием их можно ознакомиться по оглавлениям (или, в общих чертах, по „Подробному каталогу изданий Археогр. Комиссии“, П. 1918) томов. Меньший интерес представляют „Акты, относящиеся к истории Зап. России“ (5 т.) и соответствующие „Акты Южн. и Зап. России“ (15 т. т.).

Зерцалов. „О московских мятежах“ в „Чтениях м. о. и и д. р.“ 1890 г., III.

„Сборник кн. Хилкова“, СПБ., 1879 г.

Введенский, А. А. „Торговый дом XVI — XVII веков“, Ленинград, 1924 г. (документы и матерьялы по истории фирмы Строгановых; там же список статей автора и вообще литературы и источников по истории этой фирмы).

„Собрание государственных грамот и договоров“, 5 томов (С. Г. Г. и Д.).

„Полное собрание законов“, т. т. I и II (П. С. З.); „Соборное уложение“ 1649 г. издано также отдельно в нескольких изданиях.

Котошихин. „О России в царствование Алексея Михайловича“, изд. 4, СПБ., 1906 г

Юрий Крижанич. Думы политичны (изданы Бессоновым под названием „Русское государство в половине XVII века“; см. также популярное издание: В. И. Пичета, „Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды“, СПБ. 1914 г).

Веселовский, Н. И. „Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией“, 3 тома.

„Чтения Моск. О-ва истории и древностей российских“ за разные годы. См. указатель, составленный для них И. Забелиным и А. С. Белокуровым, напечатанный в „Чтениях“ за 1916 г. и отдельно (Чтения о. и. и. д. р.).

„Торговая книга“, в „Записках отд. рус. и слав. археологии Археол. О-ва“, I, 1851 г.

Источники иностранного происхождения [1]).

1476 г. **Амвросий Контарини.** Путешествие (в Персию и Московию). Помещено в „Библиотеке иностр писателей о России“, под ред. Семенова. 1836 г. (Там же описание путешествия Барбаро).

1517 и 1526 г.г. **Сигизмунд Герберштейн.** „Записки о московитских делах“, СПБ. 1908 г., перев. Малеина.

Павел Иовий Новокомский. „Книга о московитском посольстве“. Перев. Малеина (в одном томе с сочинением Герберштейна).

1553 г. **Климент Адамс.** „Первое путешествие англичан в Россию“, пер. К. У. в „Отечеств. записках“, 1862 г., №№ 77—79 (англ. текст. у Hakluit'a) и в „ч. о. и. и д. р.“ 1884 г., т. IV.

---

[1]) Ниже указаны лишь важнейшие из иностранных источников. Указания на второстепенных авторов см. в указателе С. Р. Минцлова „Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий относящихся к истории России и напечатанных на русском языке“, Новгород, 1911. См. также примечания в книге Курца о Кильбургере и В. О. Ключевского „Сказания иностранцев о Московском государстве“.

1577—1578 г.г. **Генрих Штаден.** „О Москве Ив. Грозного. Записки немца опричника“, пер. Полосина; М. 1925 г., изд. Сабашниковых.

1553—1583 г.г. **Ричард Ченслер, Антон Дженкинсон** и др. „Известия англичан о России во второй половине XVI века“, пер. Середонина в „Чтениях о. и. и д. р.“, 1884 г., т IV (перевод сокращенный и часто неточный; английский текст этих и других английских источников см. в очень важном собрании: Hakluit's „Collection of the early voyages“ etc, том I).

1584—1590 г.г. **Джером Горсей.** „Записки о Московии XVI в.“, перев. Белозерской; изд. Суворина, СПБ 1909 г.

1588—1589 г.г. **Джильс Флетчер.** „О государстве русском“, СПБ., изд. Суворина. 1906 г. (статейный список приезда и пребывания в России посла Флетчера см. в „Временнике Моск. О-ва ист. и древн. рос.“, кн. VIII).

1616—1619 гг. **Масса.** Письма к Генеральным Штатам. „Вестник Европы“, 1868 г., август; стр. 797—814.

1634—1639 г.г. **Адам Олеарий.** „Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию“, пер. Ловягина; СПБ., изд. Суворина. 1906 г.

1650—1655 г.г. **Родес.** Донесения из Москвы (напечатаны и снабжены пояснениями и примечаниями в книге: Б. Г. Курц, „Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса“, М. 1915 г.).

1661 г. **Мейерберг.** „Путешествие в Московию“, перев. Шемякина. (в „Чтениях о. и. и д. р.“. 1873 г., III- IV и 1874 г., I).

1659—1667 гг. **Коллинс.** „Нынешнее состояние России, описанное одним англичанином“ (в „Рус. Вестнике“, 1841 г., №№ 7—9; „Чтениях о. и. и д. р.“ 1846 г., № 1; и „Записках Моск. Археол. Инст.“ 1912 г., т. XV, где Семенкович перевел Коллинса под видом „неизвестного“ (!) автора в прибавлении к „Путешествию в север. страны“ Ламартиньера).

1671—1673 г.г. **Рейтенфельс.** „Сказания о Московии“; пер. Станкевича: в „Чтениях о. и. и д. р“, 1905, и отдельно, М. 1906 г. (или в „Жур. М. Н. П.“, 1839 г. № 7).

1674 г. **Кильбургер.** „Краткое известие о русской торговле“ (в книге Б. Г. Курца, „Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича“, Киев. 1915 г. См. рецензию Лаппо-Данилевского „Новые переводы и комментарии донесений и записок Родеса и Кильбургера о России“ в Рус. Ист. Жур. 1918 г. № 5).

1675 г. (Койэт). „Описание путешествия Кунраада фан—Кленка“ перев. Ловягина (в „Посольстве фан—Кленка“. изд. Археогр. ком., СПБ., 1900 г.; там же помещен текст ответа Москвы на предложения посла о заключении торгового договора).

1698—1699 г.г. **Корб.** „Дневник путешествия в Московию“. пер. Малеина; СПБ., 1906 г. (др. перевод в „Чтениях о. и. и д. р.“ 1866—1867 г.г.).

Б. Исследования.

Общего содержания:

Покровский, М. Н. Русская история. Гл. VIII и XIII.

Его же. Очерк истории русской культуры. 3-я гл. I-го и 1-я гл. II-го отделов.

Его-же. Марксизм и особенности исторического развития России. Ленинград, 1925. Стр. 20—91.

Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Соответствующие отделы III, IV и V томов).

Его же. Город и деревня в русской истории.

Его-же. Народное хозяйство Моск. Руси во второй половине XVI века. Жур. „Дела и дни", П. 1920, кн. I.

Ключевский, В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. П. 1918.

Кулишер, И. М. История русской торговли. П. 1923 г.

Его же, История русского народного хозяйства. М. 1925 г. изд. „Мир", т. II (том I посвящен эпохе до XVI ст.).

Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII ст. (в „Москва в ее прошлом и настоящем", Ч. III. вып. 2; М. 1910 г.).

Костомаров. Очерки истории торговли московского государства в XVI—XVII ст. СПБ. 1862 г. или Собр. соч., т. XX.

Павел Смирнов. Экономическая политика московского государства в XVII веке. Киев. 1912 г. (и в „Книге для чтения по рус. ист." под ред. Довнар-Запольского. т. III).

Его-же. Посадские люди Московского государства. Киев, 1912, (и в той же „Книге для чтения", т. III).

А. Семенов. Изучение исторических сведений о росс. внешней торговле и промышленности с пол. XVII в. по 1857 г. СПБ. 1859 г, часть 1.

Соловьев. Московские купцы в XVII в („Современник", 1858, № 10).

Его-же. Русская промышленность и торговля в XVI в. („Современник", 1857 г. № 1).

Сташевский, Е. Д. Экономическая политика моск. госуд. в XVI—XVII в. („Книга для чтения по рус. ист.", под ред. Довнар-Запольского, т. III).

Бочкарев, В. Н. Экономический быт России в XVII в. („Три века", т. II, М. 1912 г.).

Более частного или специального содержания:

Лаппо-Данилевский. „Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в." (Ж. М. Н, П., 1898, кн. X и 1899, II; и отдельно).

Фирсов. Русские торг.-промыш. компании в первой половине XVIII ст. Казань, 1896.

Мулюкин. Приезд иностранцев в московское государство СПБ. 1909.

Его-же. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912.

Гамель. Англичане в России (Записки Академии Наук, т. VIII, приложение № 1; Ж. М. Н. П., 1865, № 2 и 3; отдельно СПБ. 1865).

Инна Любименко. История торговых сношений России с Англией. Выпуск I, XVI век. П. 1917 г.

Ее-же. Английские торговые компании в России в XVI в. (Историческое Обозрение, т. VII).

Ее-же. Проекты Англо-Русск. союза в XVI—XVII вв. (Исторические Изв., 1916, № 3—4).

Ее-же. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых (Ж. М. Н. П. 1916, ноябрь).

Ее-же. Английский проект 1612 г. о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I (Науч. Ист. Жур., 1914, № 5; текст проекта см. в примечаниях Ю. Толстого к переводу „Московии“ Мильтона в „Чтениях о. и. и д. р.“ 1874, III).

Ее-же. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией („Русское прошлое“, № 5; П.-М. 1923).

Ю. Толстой. Первые сношения Англии с Россией (Рус. Вест. 1873, № 6).

Его-же. Англия и ее виды на Россию (Вест. Европы, 1875, № 8).

Его-же. Россия и Англия. СПБ. 1875.

Лаппо-Данилевский. Иностранцы в России в царств. Мих. Фед. (Ж. М. Н. П., 1885, IX).

Иконников. Статьи об Ордине-Нащекине (Рус. Старина, 1883, чч. X—XI).

В. В. Святловский. Накануне меркантилизма (в его сборнике „К истории полит. экономии в России“. СПБ. 1906).

Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII ст. СПБ. 1873.

Его-же. Борьба из-за господства на Балт. море в XV и XVI вв. СПБ. 1884.

Его-же. Сношения Швеции и России во второй пол. XVII в. (Ж. М. Н. П., 1898, II).

Б. Г. Курц. Донесения Родеса и Архангельско-Балтийский вопрос в пол. XVII в. (Ж. М. Н. П. 1912, № 3).

Е. Замысловский. Сношения России с Швецией и Данией в царств. Федора Алекс. („Руск. Вестн.“ 1889, № 1).

А. Ф. Малиновский. Известие об отправлении в Индию Рос. посланников, гонцов и купчин с товарами и о приезде в Россию индейцев с 1469 по 1751 гг. (Труды и летописи Общ. Ист. и Древн. Российских, т. VII).

Уляницкий. Сношения России со Ср. Азией и Индией (Чтения о. и. и д. р. 1888, III).

С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. П. 1915.

А. Я. Шпаковский. Торговля Московской Руси с Персией в XVI — XVII вв. (Сбор. Ист.-Этногр. кр. при ун. св. Владимира, вып. VII, Киев, 1915).

В. И. Пичета. Внешняя политика России при ц. Алексее Мих. („Три века“, изд. Сытина, II, М. 1912).

А. Е. Пресняков. Международное положение Моск. госуд. в первой пол. XVII в. (там же, т. I).

Г. Перетяткевич. Поволжье XV — XVI вв. М. 1877.

Его-же. Поволжье в XVII и начале XVIII ст. Одесса, 1882.

С. Ф. Огородников. Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышл. отношении. 1890.

Хлебников. Астрахань в старые годы. СПБ. 1907.

А. М. Гневушев. Экономич. положение В. Новгорода в XVI в.

О. Ф. Терешкевич. Экономическое положение В. Новгорода во втор. пол. XVI в. (Юбил. сборник Ист.-Этногр. Кружка при унив. св. Владимира. Киев, 1914).

С. Ф. Платонов. К ист. городов и путей на южн. окраине Моск. госуд. в XVI в. (Ж. М. Н. П. 1898, № 3).

А. Тищенко. Из истории Колы и Печенги в XVI ст. (Ж. М. Н. П., 1913, № 7).

А. Н. Вершинский. К истории внутр. торговли Моск. государства. Торговля в Тверском у. в XVI в. (Твер. старина, 1911, № 7 и 8).

Д. Богородицкий. Очерк торговли Н.-Новгорода за XVI и XVII вв. (Киев. Унив. Изв., 1912, № 7).

Г. М. Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI — XVII вв.; Киев, 1915.

М. И. Смирнов. Соль Переславская. Владимир, 1916 (и в XVIII кн. Трудов Влад. Уч. Арх. Ком.).

Н. Д. Чечулин. Города Моск государства в XVI в. СПБ. 1889 г.

А. Г. Ильинский. Городское население в Новгор. области в XVI в. (Ж. М. Н. Пр., 1876, № 6; Ист. Обозр., 1897, т. IX).

Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях закладчиках. СПБ., 1910.

С. М. Соловьев. Русский город в XVII в. („Современник“, 1853, т. 37).

Е. Д. Сташевский. Пятина 142 г. и торгово-промышл. центры моск. государства (Ж. М. Н. П., 1912, № 4 и 5).

Павел Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века. Выпуски I и II; Киев 1917—1919 гг. (и в Унив. известиях“ за 1918 г., № 1 и 9).

Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. М. 1906. См. рецензию С. Б. Веселовского. в Ж. М. Н. П., 1908 г., № 2.

С. А. Богоявленский. Некоторые статистические данные по истории рус. города в XVII в. (Труды Археогр. Ком. Моск. Археол. о-ва. Т. I, вып. 3 и отдельно, М. 1898).

Белов. Материалы для истории города XVII и XVIII ст.

Н. Н. Овсянников. Тверь в XVII в. Тверь 1889.

Б. Г. Курц. Город Верхотурье в XVII в. (Юбил. сб. Ист.-Этн. кр. при ун. Владимира. Киев, 1914).

А. Изюмов. Размеры рус. торговли XVII в. через Архангельск. (Изв. Арханг О-ва изучения рус. севера, 1912, № 6).

Н. Л. Эрнст. Путивль и его посад в пер. полов. XVII в. (Юб. сб. Ист.-Этногр. кр.).

П. Дахнович. Н.-Новгород в первой пол. XVII в. по писц. книге.

Павел Смирнов. Новое челобитье 1627 г. московского купечества об изгнании иноземцев (Чтения в историч. о-ве Нестора Летописца, 1912, кн. 22, вып. IV; и отдельно).

С. Коломинский. Торговля солью на Руси в XVI и XVII вв. (Киев. Унив. Изв., 1912, № 12).

И. Яницкий. Торговля пушным товаром в XVII в. (Киев. Унив. Изв. 1912, № 9).

Платонов, С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея. Жур. „Русское Прошлое“, П. 1923 г. № 3.

А. С. Николаев. О рус. путях сообщения до конца XVII в. (Краткий историч. очерк развития водяных и сухоп. сообщений и мор. портов в России, СПБ., 1900).

Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Казань, 1909. (с приложением атласа карт).

П. Смирнов. Движение населения Москов. государства („Книга для чтения по рус. ист.“, под ред. Довнар-Запольского, т. II).

Е. Д. Сташевский. Очерки по истории царств. Мих. Фед. Киев, 1913.

Вулих, Е. З. Из мира торговых отношений в Москве XVII в. (В сборнике „Россия и Запад“, под ред. А. И. Заозерского). П. 1923 г.

А. И. Заозерский. Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве. СПБ. 1917. (рецензия А. Е. Преснякова в „Рус. Ист. Жур.“ № 5, 1918).

С. Б. Веселовский. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царств. Мих. Фед. М. 1909.

П. Смирнов. Окладной список гостей, гостиной и суконной сотен 1632 г. (Чтения в о-ве Нестора, 1912, т. XXIII)

А. Н. Зерцалов. О мятежах в Москве. (Чтения о. и. и д. р. 1890, III; 1893, III).

В. А. Гагемейстер. Розыскания о финансах др. России, СПБ. 1833 г.

Е. Осокин. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850.

В. О. Ключевский. Русский рубль XVI — XVIII ст. в его отношении к нынешнему („Первый сборник статей“; М. 1912, или Госиздат, 1918).

А. А. Кауфман. Серебряный рубль России от его возникновения до нач. XIX в.; СПБ., 1910.

С. И. Чижов. Монеты Москов. государства („Книга для чтения“ Довнар-Запольского, т. III).

I. Борьба за торговые пути.

1. Из описания путешествия Контарини в 1473 г.

I. Город Киев находится на границе Татарии. Сюда съезжается множество купцов из Великой России с различными мехами, которые они отправляют в Кафу с караванами; но эти караваны, подобно овцам, весьма часто подвергаются в пути нападениям татар.

II. Город сей [1]) стоит на берегу Черного моря, производит значительную торговлю, населен жителями всех известных нам стран и славится богатством своим.

III. В Тавризе пробыли мы до 22 сентября. В нем находятся несколько рынков, куда привозят весьма много шелку, отправляемого потом с караванами в Алеппо и где сверх того производят значительный торг Джездскими шелковыми тканями, янтарем и разными другими мелкими товарами. Драгоценных же камней в целом городе вовсе нет.

IV. Нас всего было тридцать пять человек [2]), включая в то число хозяина и шесть матросов; прочие же

---

[1]) Т.-е. Кафа, впоследствии Феодосия.

[2]) На том судне, на котором Контарини плыл из Дербента в Астрахань (Цитрахань) при возвращении через Россию из Персии, которую он посетил в 1473 г. в качестве посла Венецианской республики с целью склонить шаха к войне с турками, завоевавшими к этому времени проливы и берега Черного моря и пре-

пассажиры состояли почти все из купцов, ехавших в Цитрахань с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и др. мелкими товарами, для промена оных русским и татарам на меха и иные предметы, требуемые в Дербенте.

V. Неподалеку от Цитрахани, на пути к морю, находится соленое озеро, — столь обширное, что добываемой из него соли достаточно бы было для продовольствия большей части вселенной. Оно снабжает превосходною солью почти все Российские владения.

VI. Говорят, что прежде Цитрахань была значительным торговым местом и что сюда привозились все товары, отправляемые из Венеции через Тану. В обмен же за оные, сколько мог я понять и разведать, брали разные пряности [1]), которые отвозили потом в Тану [2]),

---

рвавшими торговые связи итальянских республик с Азией. Контарини составил описание своего путешествия („Библиотека иностранных писателей о России", т. I, пер. Семенова; СПБ. 1836 г.). Одновременно с ним в Персии находился и постоянный посол Венеции, Барбаро, проживший до того 16 лет в Азове (перевод в том же томе).

[1]) В итальянском тексте подразумеваются, повидимому, не только разные пряности, но вообще „разные товары". Барбаро говорит о городе Астрахани, что „теперь он почти совершенно разорен, но прежде славился своею обширностью и богатством. До разрушения его Тамерланом, пряные коренья и шелки, отправляемые ныне через Сирию, доставлялись в Тану через Цитрахань и потом уже на шести или семи венецианских галерах перевозились в Италию, ибо в то время ни венециане, ни другие приморские жители не производили еще в Сирии никакой торговли... Вверх по Эрдилю (т.-е. Волге) легко можно в трое суток (!) доплыть до Москвы, столицы России. Оттого-то Москвитяне каждый год отправляют суда свои в Цитрахань за солью по Оке и Волге" (Тамерлан завоевал Астрахань в 1395 г.). Тот же автор говорит о Казани, по поводу временного взятия ее русскими в 1467 г., что „за 25 лет пред сим русские платили ежегодную дань татарскому хану, а ныне сами завоевали город Казань (слово это на нашем языке значит котел)... Город сей производит значительную торговлю, снабжая Россию, Польшу, Персию и Фландрию мехами, которые сам получает с Севера".

[2]) Тана — Азов (от греческого Танаис—Дон).

Торговая колония древних греков, Азов переходил затем из рук в руки и в XIII в. сделался складочным местом для гену-

отстоящую как говорят, от Цитрахани не далее 8 дней пути. 10 августа 1476 г., в день св. Лаврентия, мы, как выше сказано, выехали из Астрахани в следующем порядке. Ежегодно государь Цитраханский, именуемый ханом Казимом, отправляет посла своего в Россию, к великому князю, не столько для дел, сколько для получения какого-либо подарка. Этому послу обыкновенно сопутствует целый караван татарских купцов с Джездскими тканями, шелком и другими товарами, которые они променивают на меха, седла, мечи и иные необходимые для них вещи... Посол начальствовал всем караваном, состоявшим из 300 человек русских и татар, имевших при себе более 200 заводных лошадей, как для прокормления своего пути, так равно и для продажи в России.

VII. В конце октября река, протекающая посреди Москвы, покрывается крепким льдом, на котором купцы ставят лавки свои с разными товарами и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе. Они полагают, что это место, будучи с обоих сторон защищено строениями, менее подвержено влиянию стужи и ветра. На таковой рынок ежедневно, в продолжении всей зимы, привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы; в конце же ноября все окрестные жители убивают своих коров и свиней и вывозят их в город на продажу.

VIII. В Москву, во время зимы, съезжается множество купцов из Германии и Польши, для покупки различных мехов, как-то: соболей, волков, горностаев, белок и отчасти рысей. Меха эти добываются не в самой Москве, а гораздо далее на север и северо-восток, но привозятся обыкновенно в Москву на продажу. Ими производит также значительный торг еще другой

эзской торговли с Индией и Китаем, а в 1471 г. был завоеван турками. Турки и открытие морского пути в Индию лишили Азов прежнего значения.

город, называемый Новгородом и граничащий почти с Франциею и верхнею Германией. Этот город лежит на запад от Москвы в расстоянии 8 дней пути...

Из грамоты 1492 г. великого князя Ивана III турецкому султану.

А се такова грамота послана к турскому с Костянтином же, руским писмом а велено ему дати та грамота Менли-Гирею царю [1]). Салтану великому царю... Величеству твоему слово наше то. Межи нас с тобою наши люди не ежживали нашего здоровья видети, толко наши гости из наших земель в твои земли ездят, нашим и вашим людем многа корысть бывала. И наши гости нам били челом и сказывали нам, что им в твоих землях от твоих людей велика сила чинится. [2]) И мы своих гостей речей не слушали,

---

[1]) Грамота переслана через крымского хана, получившего тождественную же грамоту от посольства, целью которого было приглашение совместно воевать с Литвой и указание на обиды русским купцам в Крыму (Сб. Р. И. О. № 41, стр. 162).

[2]) Длинные списки обид, вымогательств, грабежей, „зауморщины" и прочее на стр. 296—300, 398—411 и др. (там же). В 1490 г., например, после умершего в Кафе Григорья Ручки зауморщики взяли всю рухлядь, „а рухляди было с ним на 370 рублев". „Лета 7003 шли гости москвичи к Азову... всех их пол-50 человек и на Донце на Северном пришли на них Азовские татарове да турчанин Костя Арменин да убили у них 22 человека, а 23 за мертвых пометали". По челобитью уцелевших азовским пашам, награбленное было отобрано и переслано в Кафу, но кафинские „баши им рухляди не отдали. А всего того товару взяли у них на пол-2000 рублев". В 1500 г. у ехавших с послом в Кафу „гостей великого князя" татары отняли у одного шуб лисьих, бельих и заячьих, однорядок лунских, горностаев и коней на 182 рубля, у другого „сороков собольих и горностаев и белки и шуб бельих и черев рысьих и однорядок лунских и шуб горл лисьих и зубов рыбьих и коней и меринов" на 1364 рубля, у третьего „шуб бельих, и шапок и ножев и тясем и лошадей" на 30 рублей и т. д. (всего упомянуто 15 гостей). В 1500 г. шли Доном с другим послом 13 москвичей, 5 тверичей, 12 коломничей, можайцы, ярославцы, новгородцы, всего 60 человек (везли кроме упомянутых товаров холст, юфть и пр.). Из них умерли в Кафе

в Азов и в Кафу ежелет есмя своих гостей отпускали. И нынечя наши гости нам били челом и сказывали нам, что летось велми велика сила в твоих землях от твоих людей над ними учинилася: в Азове твой паша велел им ров копати и камень на город носити. Также в Азове и в Кафе и в иных твоих городех товар у них, оценив, возмут да половину цены дадут, а другие не дадут. Еще наших гостей будет человек пять или шесть в одном котле, и один человек из них разболится какою болестью, да еще он жив, бог един волен в животе и в смерти, а они от него всех его товарищов отошлют, а у тех у всех его товарищов товар запечатают; и как тот человек умрет, и они у всех у них товар возмут, а назовут тот товар того мертвого человека; а и не умрет, и они половину товары отдадут, а другие не отдадут. Еще слышим, ни в которой земле такая сила не чинится над нашими гостьми, как в твоей земле: разболится человек да учнет товар свой давати брату своему, или племеннику, или с товарищом своим учнет посылати к жене своей да к детям, и они еще у живого у него товар его отоймут, а товарищов его к нему не припустят. Да и иные, сказывают, многие силы нашим гостем в твоих землях от твоих людей чинятся. И мы ныне, тех для дел, на сей весне своих гостей в Азов и в Кафу и в иные твои городы не отпустили; где над нашими гостми сила чинится, и мы там своих гостей не отпускаем. Наперед того, сказывают, наши гости в ваши земли езживали, одну тамгу платили, а сила над ними никоторая не бывала; ныне при тебе ново в твоих землях твои люди над нашими гостми учяли силу чинити. Твоему величеству ведомо ли то, или неведомо. Буде по твоему велению

и Азове 22 человека, 4 проданы в рабство, 2 убиты, остальные ограблены на обратном пути. Среди отобранных у них еще в Кафе зауморщиками товаров упоминаются: камки, тафты, жемчуг, безь (также „безь халяпская“ из г. Алеппо в Сирии), седла, стрелы, саадаки, шелк и „шелковая рухлядь“ и другие материи.

твои люди над нашими гостми такую силу чинили, и мы и вперед своих гостей в твои земли не хотим отпустити... А писан на Москве, в лето 6900 девятьдесять десятое, месяца августа 31 день. А на подписи: салтан Баазитову величеству.

Из наказа русскому послу в Крым в 1500 г.

I. Князь велики велел тобе говорити [1]): нынеча пак опосле того били нам челом наши купцы, Иван Володимеров, да Иван Михайлов, да Гридя Алексеев с товарищи, а сказывают, что шли изо Царягорода с Михайлом с Плещеевым да хотели ити на Киев и били тебе челом, чтобы еси их отпустили на Киев, а сулили тебе от того тысячю алтын; и ты их на Киев не отпустил; а их еси задержал; и как они пошли на поле с Михайлом, и ты велел на них взяти своему человеку Ахмет Азею полторы тысячи алтын, а молвячи то: хотите пойти на Киев, и вы на Киев пойдите; а хотите полем итти, и вы полем пойдите,— да тысячю алтын и взял на них твой человек Азмут Азей, а пять сот алтын отдал еси Михайлу за его поминки: ино гораздо ли такая сила от тебя чинится нашим людем и ты бы ту тысячу алтын велел отдати. Также наш гость, Степан Васильев сын, шел из заморья да хотел ити с киевскими гостми на Киев, и ты его не отпустил; и он от того тебе дал две тысячи денег, и ты его отпустил. И ты и сам про то писал ко мне в своей грамоте с Казимиром да с Хозяшем, что сказывал тебе Степан: с собою мои куны, и ты его за тем не отпустил, что ординские казаки на дороге есть, а две тысячи денег поминка взял есми, и яз его здорово отпустил, а опроче того силы [и] истомы не учинил есми,—так еси писал. Ино сам и посмотри,

---

[1]) Сб. Р. И. О. № 41, стр. 304—305 и 312—313. „Тебе", т.-е. хану; послу кн. Ив. Кубенскому было поручено сообщить хану о расторжении перемирия с Литвой, пригласить его совместно воевать с ней и указать ему на обиды русским торговым людям.

пригоже ли так делаешь. Как две тысячи денег взял еси, ино и дорога чиста учинилася и казаков на поле нет. А боле того какой силе и истоме быти, коли наш гость продан безлеп [1]). И ты бы ту две тысячи денег велел отдати. Еще купца нашего Тереха Галичанина поимал еси, а товару, сказывает, взял еси у него на двести рублев; и ты о том Терехе писал ко мне в своей грамоте с своим человеком Шевалом, что еси его поимал в том, что ты ему дал наших же людей, изошлых куны на триста тысяч денег и боле того, а те куны было ему отдати здесе племяни тех людей которых не стало, и он те куны сюды не довез. А нынеча писал еси к нам в своей грамоте с своим послом с Ази Халелем о том же Tepexy, что те куны он отдал, ино бы ему здесе силы не было. И ты сам и посмотри того, гораздо ли еси учинил: в кунах наших людей изошлых, да наших же людей имаешь и грабишь.

II. Сказывал Семен Башенин да и гости, Иван Володимеров, да Иван Михайлов, да Гриша Ивашов сын Алексеева, что из старины пошлина русским гостем в Перекопской орде, которые гости придут полем в орду с послом ли, без посла ли, ино с них таможник емлет на царя тамгу со ста денег по семи денег, а князю Ширину с головы по три алтына без дву денег; а иные пошлины с них нет никому ничего, опроче того, что который гость придет ко царю с честью, с поминком, или ко князю, а в Кафу придут из орды, да в Кафе исторгуют, ино в Кафе с них нет никоторые пошлины, и он и назад воротится в орду, а не дасть никому ничего, а поедет за море, ино с него в Кафе тамга со ста денег по пяти денег; а пойдет из орды назад, быв за морем, полем, ино с него нет никому ничего; наймет себе проводника по своей воле; а приедет кто Доном в Азов, ино с него

---

[1]) „Сила и истома“, — насилие и обида, вред; „продан безлеп“,— т.-е. безпричинно подвергся нехорошему обращению с ним.

в Азове тамга; а приедет в Кафу, ино с него в Кафе тамга ж; а поедут из Кафы полем, ино с них в орде тамги нет, а со всего каравана хозяин несет царю поминок, камку куфтерь кафинскую, да зуфь, да ковер да тясму, а князю несет тоже; а не уговоряся с проводником приедет в орду, ино с него возмут со всего каравана тысячю алтын. А нынеча таможники товар окладывают не по цене, втрое, да с того тамгу емлют, а сверх тамги емлют с котла однорядку, а с иново котла возмут однорядку да и шубу белилну, а иной таможник возмет с того же котла став блюд, а иной возмет ковш, а проводное емлют однако, с послом ли, без посла ли которые гости приедут; а в новом городке в Очакове емлют новую тамгу, наперед того тут тамга не бывала. А которые гости перевезутся Днепр на Тавани да пойдут в Перекопь полем старою дорогою, а в Очакове им дела нет, и они на них однако очаковскую тамгу емлют.

Грамота Василия III турецким купцам; 1516 г.

А се такова грамота дана гостем туретцким, а послана за ними с Олгазеем с Дворянкиным. — Мы, великий государь Василей, божиею милостию един правый государь всея Русии... (титул). Бил нам челом Искендерь бурсянин, что из за моря многие люди торговые хотят ити от Белагорода прямо к Путимлю в наши государства с торгом, и нам бы их пожаловати ослободити им тою дорогою от Белагорода прямо к Путимлю в наши государства ходити и торговати добровольно, и которые гости заморяне и торговые люди всякие похотят итти тою дорогою от Белагорода прямо к Путимлю в наши государства с торгом, и мы тех гостей и торговых людей пожаловали, ослободили есмя им тою дорогою от Белагорода прямо к Путимлю в наши государства приехати с торгом и отъехати добровольно без всякие зацепки и боязни; а силы им и обиды им в наших землях и лишних пошлин от

наших людей никак не будет никоторые. А ся им наша грамота и опасная. Писан в нашем государстве, в нашем граде Москве, лета 7024, июнь 25 день. [1])

Из жалованной грамоты Василия III датским купцам, 1517 г.

Мы, великий государь Василей, божиею милостию царь и государь всеа Русии и великий князь... (титул). Говорил нам от брата нашего от Кристерна, короля датцкого... (титул), посол его, майстр Давыд Гералд, чтобы нам для брата своего, Кристерна короля, пожаловати его купцов Датцкие земли, в своей отчине в Великом Новгороде да и на Иванегороде велети указати место на дворы, и церковь бы нам им пожаловати ослободити поставити, и попа или мниха у тех церквей велети им держати и торговати бы нам им ослободити в своих государствех, в Великом Новегороде и на Иванегороде, всяким товаром без вывета. И мы, великий государь Василей, божиею милостию царь и государь всеа Русии и великий князь, для брата своего прошения Кристерна, короля датцкого и свейского и иных, купцов его Датцкие земли пожаловали местом и в своей отчине в Великом Новегороде и на Иванегороде указати велели, и попа или мниха у тех церквей велели держати. А на Иванегороде поставити им двор и церковь деревеная и ограда деревеная, и торговати есмя им ослободили в своих государствех, в Великом Новегороде и на Иванегороде и в иных наших государствех, всяким товаром без вывета по тому ж, как есмя пожаловали купцов семидесяти трех городов, ослободили есмя им торговати в своих государствех всяким товаром без вывета [2]).

---

[1]) Сб. Р. И. О., т. 95, стр. 337. Путивль,—уездный город Курской губ., отошел к Литве в XIV в. и был присоединен к Москве в 1500 г.

[2]) Р. И. Б., т. XVI, № 9. Семьдесят три города, т.-е. ганзейский союз, известный в древней России под этим наименованием.

Из письма рязанца Зудова и азовского правителя Санчаги в. к. Василию III в 1521 г.

... к тебе есмя, г-рь, отписали о всех вестех оотманских, и о крымских и о азстороканских и о казанских, что, г-рь, посылали к крымскому царю просити салтана на царство в Казань... А ныне, г-рь, тебя смущал крымской царь с турским, а посылал своего князя Абдрохмана на твоего, г-рь, недруга с тем, что к тебе, г-рь, приходил посол от Кызылбаша, а прошал у тебя пушек и пищалей, и ты будто, г-рь, послал к нему тритцать тысечь пищалей да и мастеров; а хотя, г-рь, вам великие недружбы, а отманский государь всему тому не потачил, знает его собачью обманку, а хочет, г-рь, с тобою дружбы, как и отец его... А царь, г-рь, пошел на твою землю на Ондреев городок, а сказывают, вожи у него, где ему Ока перелезти, а с ним, г-рь, кажут силы сто тысячь, ино, г-рь, отгадывают, что с ним тысячь патдесят или шездесят, а жил бы еси, г-рь, бережно и лете и зиме, занже, г-рь, тебе крымской недруг сердечной [1].

---

[1]) Сб. Р. И. О. т. 95, стр. 706. Проживавший в Азове рязанский торговый человек Зудов писал в том же году. что когда он был 4 месяца в плену в Астрахани, туда являлся крымский посол с сообщением от хана. что „московский“ ему „изменил“. так как „Казань была юрт наш и ныне он посадил салтана из своей руки, а казанская земля не хотела того“ и прислала к хану просить „салтана и яз им салтана и отпустил на Казань, а сам иду на московского со всею силою“; астраханцы отказались присоединиться к хану. В 1515 г. Московскому послу поручено на возможный вопрос хана объяснить, что „из Астаракани, господине, у г-ря нашего посол есть, а ездят, господине. из Астаракани и из Нагаи во г-ря нашего земли торговые люди, а г-ря нашего люди в Астракань и в Нагаи ездят; ино, господине, из Астаракани и из Нагаи послы ко г-рю нашему ездят тех для людей торговых, а у г-ря нашего люди молодые в Астрахань и в Нагаи тех же для людей торговых ездят“ (люди молодые, т.-е. второстепенные, незнатные послы).

Герберштейн о Казани.

I. Слово Казань у татар значит кипящий медный котел. Эти татары,—образованнее других, так как они и возделывают поля, и живут в домах и занимаются разнообразною торговлею. Государь Московии, Василий, довел их до того, что они ему подчинились и стали принимать царей по его усмотрению; сделать это с ними было нетрудно, отчасти вследствие удобства сообщений по рекам, впадающим из Московии в Волгу, отчасти по причине взаимной торговли, без которой татары не могли обойтись[1]).

II. Они[2]) пребывали в Москве еще и в нашу бытность там и тогда все еще не предвиделось никакой надежды на заключение в будущем между ними мира. Ибо и ярмарку[3]), которая обычно устраивалась около Казани на острове купцов, Василий, с целью обидеть

---

[1]) Герберштейн. „Записки о московитских делах", стр. 145 и 157. Незадолго до падения Казани, завоеванной в 1552 году, ногайский князь Измаил заявил своему брату Юсуфу, переменившему свою московскую ориентацию на турецкую, что „твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве и только мне завоеватися с Москвою, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет савапов шить" (Соловьев, история России т. II, с. 92). В 1552 г. в Москву приехало 100 нагайских послов, 1500 „гостей" и их людей с 10000 лошадей, в 1553 г. 28 послов и 2260 гостей с 11000 лошадей, в 1555 г. 2500 человек с 40.000 лошадей и 24.000 овец и т. д.

[2]) Т. е. казанские послы.

[3]) Автор „Казанского летописца" повествует (П. С. Р. Л., т. XIX, с. 23) о том, как казанский хан, изменив договору с Москвой, „присече Русь всю в Казани и во всех улусех, з детми и з женами, в лета 7013, на рожество Иванна Предтечи — на тои же день съеждяхуся в Казань изо всея Русския земля богати купцы и многия иноземцы дальния и торговаху с Русью великими драгими товары,—не ведующи Руские люди беды на себя никакия, без боязни живущи в Казани, надеющеся яко на своего царя, и не боящеся его... И взят весь драгии товар, безчисленное богатство, у купцов Руских, в казну свою, насыпа полату полну до верха Руского злата и сребра и подела себе царь венцы драгия и сосуды и блюда сребряные и златыя и царскии наряд драгии свои устрои".

казанцев, перенес в Нижний Новгород[1]), при чем назначил тяжкое наказание всякому из своих подданных кто отправится впоследствии для торговли на остров. Он надеялся, что это перенесение ярмарки принесет большой урон казанцам и что их можно даже принудить к сдаче, отняв у них возможность покупать соль (которую татары получали в изобилии от русских только на этой ярмарке). Но от подобного перенесения ярмарки Московия ощутила столько же невыгоды, как и сами казанцы. Ибо следствием этого явились дороговизна и недостаток в весьма многих товарах, которые привозились по Волге с Каспийского моря, из торжища Астраханского, а также из Персии и Армении. Особенно же заметен был недостаток в отличнейших рыбах, к числу которых относится белуга и которые ловятся в Волге по сю и по ту сторону Казани.

О проекте транзитной торговли с Индией (из книги Павла Иовия).

Повод предпринять настоящее посольство подал Генуэзский капитан Павел, который прибыл в Москву ради торговли, с одобрительною грамотою от папы Льва X, и лично от себя повел переговоры с близкими к государю Василию людьми о соединении обрядов той и другой церкви. На самом деле Павел, человек с безумной и ненасытной душою, искал нового и невероятного пути для добывания пряностей из Индии. Именно, занимаясь торговыми делами в Сирии, Египте и Понте, он узнал по слухам, что пряности можно подвозить вверх по реке Инду из отдаленной восточной Индии, откуда по непродолжительному сухому пути, перевалив через горный хребет Паропанисид-

[1]) Запрещение относится к 1524 г. Ярмарка была перенесена к монастырю, основанному Макарием унженским, и стала впоследствии знаменитой Макарьевской ярмаркой, в 1817 г. переведенной в Нижний-Новгород.

ский, их можно перевезти в реку Бактрианов, Окс; эта последняя берет начало почти из тех же гор, как и Инд, и в противоположном с ним направлении изливается при порте Страве в Гирканское море, приняв предварительно в себя много рек. Далее, по разведкам Павла, от самой стравы представляется безопасное и легкое плавание вплоть до торжища Цитрахи и устья р. Волги; оттуда же, поднимаясь непрестанно вверх по рекам, а именно: по Волге, Оке и Москве можно добраться до г. Москвы, от Москвы же сухим путем до Риги и в самое Сарматское море, а также во все западные страны. Павел сильно и превыше меры рассержен был на несправедливость Лузитанцев, которые покорили значительную часть Индии оружием и, заняв все рынки, скупали затем все пряности и отправляли их в Испанию, после чего обычно продавали их всем народам Европы за более значительную, чем раньше, цену и с огромною выгодою. Мало того, они с таким тщанием и старанием держали под неусыпной охраной своих кораблей берега Индийского моря, что, повидимому, совершенно прекратились и были оставлены те торговые сношения, которые происходили в изобилии по всей Азии и Европе через Персидский залив, вверх по Евфрату, по узкому Аравийскому морю, а затем по течению Нила и по нашему (Средиземному) морю, хотя при этих сношениях товары стоили гораздо дешевле. Кроме того, Павел жаловался, что товар Лузитанцев был гораздо хуже, так как, повидимому, от неудобств весьма дальнего плавания и от недостатков нижней части корабля, пряности портятся, их сила, вкус и душистый запах от продолжительного пребывания в Олизиппонских торговых кладовых исчезают и выдыхаются; затем Лузитанцы постоянно приберегают более свежие товары, а продают только старые и притом заплесневелые от долгого лежания. Но хотя Павел с великим ожесточением рассуждал со всеми об этих делах и, стараясь возбудить сильную ненависть против Лузитанцев, ука-

зывал, что в случае открытия этого пути, пошлины с товаров значительно приумножат государеву казну, а кроме того сами Московиты могут гораздо дешевле покупать пряности, которые употребляются ими в огромном количестве во всех блюдах, однако, он ничего не мог добиться в отношении этих торговых сношений, так как Василий отнюдь не считал возможным открывать человеку иноземному и неизвестному те страны, которые представляли доступ к Каспийскому морю и царствам Персидским[2]).

---

[1]) Павел Иовий Новокомский. Книга о Московитском посольстве; пер. Маленна, изд. Суворина, СПБ., 1908, (в одном томе с переводом „Записок о Московитских делах“ Герберштейна) стр. 252 — 254. Павел Иовий, итальянский епископ и историк первой половины XVI века, написал свою появившуюся в 1537 г. книгу о России со слов отправленного послом в Рим в 1525 г. толмача Дмитрия Герасимова („очень сведущего человека“, по отзыву Иовия, побывавшего ранее послом в Дании, Швеции и др. странах. Когда капитан Павел потерпел неудачу, то он „из купца стал послом“ и при его вторичной поездке в Россию с ним проехал в Рим (для переговоров о союзе против турок) и Дмитрий Герасимов.

[2]) Окс — р. Аму-Дарья; Страва — г. Н. Астрабад в сев. Персии; под названием Цитрахи разумеется Астрахань; Лузитания — Португалия; Олизиппон, — Лиссабон. „В лето 7041-го... сентября 4 приидоша к великому князю Василью Ивановичю всеа Руси на Москву послы Нагайские, Баубек с товарыщи, а с ним гости с коньми от Кошюм Мурзы и от иных мурз. и били челом великому государю, чтобы князь велики пожаловал гостем Нагайским велел торговати и князь велики их пожаловал ослободил торговати; и как гости исторговали и князь велики послов Нагайских и гостей отпустил к их государю. Того же месяца сентября пришел на Москву к великому князю Василью Ивановичю всея Руси из Индейские земли гость хотя Усеин. а привез грамоту от Бабур падши Индейские, земли государя; а писал Бабур падша, чтобы великий государь Василей с ним был в дружбе и в братстве и люди бы промежь их ходили на обе стороны, их здоровиа видети. И князь велики Хозю Усеина отпустил к Бабур падше. а писал с ним в грамоте, что того хочет, чтобы промежь их ездили; а о братстве к нему не приказал, неведомо как он на Индейском государьстве: государь ли или урядник и великому бы государю в том низости не было, будет он тоя земли урядник, и великий государь того ради о братстве к нему не писал“ (П. С. Р. Л. т. VIII, Воскресенская летопись, стр. 280).

Из грамоты о причинах Ливонской войны.

Почалася брань от Москвы с Ливонскими Немцы за то. Во многие лета Ливонские Немцы над Московскими гостьми и над Ноугородцкими и на(д) Псковичи и нады Иванегородцы чинили неправды великие. Да церкви русские, и полаты, и погребы, и концы были истари Русские в Риге и в Юреве и на Колывани [1]). И те Немцы церкви разорили, и коньцы и погребы и полаты поотнимали; а на церковных местех паракели [2]) поставили. А на Колывани, за церковью, на церковной земли на старинной монастырь был, и они пушечной двор поставили. Да исстари была дань царей Русских на Юрьевской дерьжаве и тое дани не плачивали много лет. И царь благоверный Иван всеа Руссии положыл был гнев за те их за все неправды на вьсю землю Ливонскую, хотел их воевати, четыре тому годы минуло [3]).

---

[1]) Колывань,—Ревель.

[2]) Паракель,—отхожее место.

[3]) Р. И. Б., т. XV, № 68. Далее рассказывается, что ливонцы прислали послов, обещавших „церкви руские, и концы, и полаты, и погребы, и места по старине очистить“, дань платить, „а торговым людем Московские всей державы торговати у них з заморцы самим, без обиды“. Цитируемая грамота утверждает, что светские и духовные власти Ливонского ордена, несмотря на клятвенное обещание, „в том во вьсем солгали: церквей, и концов, и полат не поставили по старине, а погребов и мест церковных старых не отвели; а в Риге церков Рускую Николу чюдотворца, которая была отдать купцом Руским, отдали королю Литовьскому; а купьцом Руским з заморцы торговати не дали никакими товары и во вьсем обиды учинили болши старого... а гостем Рускимь з заморцы им торговати не давати, а барышничать Ливонцам промеж их самим“. Не дождавшись „исправления“ ливонцев, „царь благоверной положил на них гнев свой: рать нарядил мьногу да и отпустил“. Текст грамоты, посланной или г. Ревелю, или императору Фердинанду, повидимому, в 1558 г., сохранился, как в Ревельском, так и в Копенгагенском архиве и, кроме того, ливонский хроникер Russow дает его перевод. В 1551 г. Рига, Ревель и Дерпт запретили ганзейским купцам непосредственную торговлю („гостю с гостем“) с русскими, сделав обязательным посредничество местных купцов.

Из дипломатического отчета 1567 г. нюренбергского купца Фейта Зенга о ливонских делах

Мне говорят, и это, действительно, правда, что наступившая перемена чрезвычайно велика, так что великий князь уже не нуждается в немцах ради многого того, к чему он постоянно стремился и из-за чего ухаживал за ними, потому что теперь он получил это другим путем. Дело именно в том, что русские и московитские области были совсем как бы отрезаны и заперты со всех сторон ливонцами, поляками, пруссаками и ганзейскими городами, а потому-то ливонцы в качестве соседей приезжали на русские границы у Новгорода и Пскова, куда русские привозили, как уже упоминалось, свои товары, и заключали с ними торговые сделки, как бы засунув русских купцов, как говорится, в мешок так, что русские принуждены были совершать купли и продажи лишь с ними, тогда как всюду и везде на свете в обыкновении, что купцам предоставляется свобода провозить свои товары через все страны и беспрепятственно, по своему благоусмотрению, заниматься торговыми делами и промыслами. Для них, ливонцев и ганзейцев, запрещавших другим ездить в Россию, было, однако, чрезвычайно выгодным то, что они одни могли получать всю прибыль, так как никому не позволяли появляться рядом с собой, но для остальных в германской империи от этого был большой вред, потому что это было совсем подобно монополии: вышеупомянутые товары, обойтись без употребления которых не позволяла крайняя нужда в них, ливонцы одни держали в своих руках и за них приходилось давать столько, сколько они пожелают. Как бы, однако, великому князю, как могущественному государю, ни было очень затруднительно оказываться в таком принуждении, с чем приходится, конечно, согласиться, но он чувствовал такую робость и страх перед немцами, что долгое время сам не хотел

вторгаться к ним силою оружия [1]), а искал и предлагал им дружбу, дабы путем мирных переговоров и договоров получить для своих областей открытый выход к нам, немцам... Но так как ливонцы обнаруживали совершенно излишнее презрение к великому князю и совершали один высокомерный поступок за другим, а он, между тем, видел, как германская империя покинула ливонцев за то, что те хотели воевать с польским королем, и что им не окажут ни помощи, ни поддержки, и узнал, что князья и государственные сословия империи распались на многие партии, не имевшие единения ни между собой, ни со своим императором, а враждовавшие с ним и поднявшие против него мятеж, то тогда великий князь откинул свой упомянутый страх и так воодушевился, что объявил войну, и разбив ливонцев, отнял и захватил проход к Нарве, чем открыл выход из своего государства к нам, немцам, чтобы благодаря свободе плавания к Нарве (замок и укрепление на границе, на глубокой реке в Лифляндии; находится теперь, таким образом, в его руках) он мог иметь возможность получать все то, что пожелает... Великий князь прямо заявил, что не отдавай он предпочтения немцам, так сумел бы получить все и из других стран и несомненно, что он получит это из Франции, Англии, Шотландии и Нидер-

---

[1]) Казань была взята в 1552 г., Астрахань в 1556 г., Ливонская война началась в 1558 г. Russow (в своей Chronica der Provintz Lyfflandt. Rostock. 1578) говорит: „пока оба эти татарские государства владели еще своими землями, они были для ливонцев великой помощью и поддержкой с тылу, но когда московиты завоевали эти государства, то они стали превосходить могуществом не только ливонскую область, но и всех соседних государей". Сам Грозный объяснял в 1559 г. датскому королю (Р. И. Б., т. 16, № 16), что „как есмя возрасту своего дошли и своим недругам, царю казанскому и царю астараханскому, недружбы их мстили и государства их взяли и, не хотя видети розлития невинных кровей христьянских, послали есмя к маистру... и ко всем людям Ливонские земли, чтобы к нам по своим грамотам и по крестному целованью во всем исправилися". В чем должны были „исправиться" ливонцы, показывают приводимые документы.

ландов через купцов, которые привезут ему по Балтийскому морю соль, пряности, вина, пива, сукна, всевозможные шелковые ткани и прочее[1]).

Письмо ревельцев к датскому королю в 1560 г. [2]).

Сиятельнейшему, высокорожденному государю, — всегда готовые к вашим услугам. Милостивейший король и государь, в дополнение к нашему прошлому письму к вашему королевскому величеству относительно вредного и справедливо запрещенного мореплавания к наследственному врагу всего христианства, — к русскому, мы не можем, будучи готовы к услугам, скрыть от вашего королевского величества, что ежедневно корабли по одному и по два проплывают мимо Ревеля к врагу в Нарву и посещают его, как еще только что вчера случилось, что целый флот из 18 кораблей проплыл мимо нас и прямо в Нарву

---

[1]) Русско-ливонская война 1558 — 1561 г.г. повела к распадению ливонского ордена в 1561 г., причем Курляндия подчинилась Польше, в качестве вассала, Лифляндия была присоединена к Литве, Эстония перешла к Швеции, остров Эзель к Дании. России пришлось воевать с Польшей и Швецией (1561 — 1583), потерять отошедшую к Польше западную Смоленскую область и уступить Швеции побережье Финского залива (т.-е. кроме Нарвы еще города Иван-город, Ям, Копорье и Корелу). Попытка Годунова снова завоевать Нарву при царе Федоре (1590—1593) неудалась, но вернула России остальное побережье, снова потерянное затем в Смутное время. Россия владела Нарвой с 1558 по 1581 г. и за это время ливонский вопрос получил обще-европейское значение. Швеция всячески боролась против укрепления Москвы на Балтийском море, поддерживаемая Ригой и Ревелем, но конкурировавшая со Швецией Дания и надеявшийся поправить торговлей с Россией свое падавшее значение Ганзейский союз во главе с Любеком были на стороне Москвы. Ганзейские и богатые прирейнские (Нюренберг и др.) города западной Германии склонялись к поддержке Москвы ради Нарвской торговли. Их точку зрения излагает Фейт Зенг, наиболее деятельный агент баварского герцога. Восточная Германия, боясь дальнейших завоеваний Грозного, поддерживала Польшу и Швецию. Проект Фейт Зенга о союзе Германии с Москвой полностью см. у Форстена. „Акты и письма к истории балтийского вопроса“. Т. I, № 33.

[2]) Щербачев. Копенгагенские акты. Вып. I, № 76; М. 1915.

к врагу. Усердно и покорно просим поэтому ваше королевское величество, чтобы вы приказали вашим начальникам, которым капитаны этих судов должны заплатить установленную пошлину, когда они будут на обратном пути и захотят пройти через Зунд, обратить на них должное внимание и пр. Мы считаем это христианским и очень полезным делом для этих бедных угнетенных провинций и для всех нас, и если ваше королевское величество, как прославленный христианский государь, милостиво соблаговолит на это, мы охотно в любое время всеми силами это заслужим. Самым усердным образом молим господа бога за ваше королевское величество. Ревель, 13 мая 1560 года. Готовые к услугам вашего королевского величества бургомистры и ратманы города Ревеля.

Из письма „царского комиссара" в Нарве, Иеронима Линде, к корсару Роде. 11 июня 1570 г.[1]).

Ваш покорный слуга, любезнейший господин капитан! Сердечно рад слышать о здоровье вашем и ваших людей и довожу до вашего сведения, что в течение некоторого времени здесь крейсируют 14 данцигских кораблей, а в гавани находятся 130 судов, и данцигцы со шведами караулят перед гаванью, чтобы причинить им вред. Поэтому не плохо было бы, если бы любчане и датчане направились сюда, чтобы...[2]) доведено до сведения любчан и датчан; что они думают предпринять, покажет время... (и т. д.).

[1]) Щербачев. Копенгагенские акты, стр. 17. В „Чтениях о. и. и д. р.", 1916, II. Для борьбы с польскими и шведскими пиратами Грозный нанял датчанина Роде (1569—1570), организовавшего эскадры царских карсаров и обязавшегося отдавать царю один из каждых трех захваченных кораблей. Количество царских кораблей дошло до нескольких десятков, но слишком большой успех Роде, вызвавшего панику среди купцов и приостановившего плавание через Зунд в Швецию и Польшу, заставил датский флот разоружить его, тем более, что в 1570 г. Дания заключила мир со Швецией, боясь взятия Ревеля русскими и излишнего усиления Москвы на море.

[2]) Пропуск в тексте документа.

II. Русский рынок в XVI веке.

Таможенная Белозерская грамота 1497 г.[1])

Лета 7005 Маиа двадесят первы, от царя Констянтина и Оленина дни, на год, до царя Констянтина до лета семь тысячь шестаго до двадесять перваго дни Маиа, откупили Белозерскую тамгу да пятно коневое Тит Окишов да Есип Тимофеев да Семен Бобр; а откупа им дати сто рублев и двадцать рублев; а имати у них те денги Часовнику подъячему по сроком, шестьдесят рублев взяти у них на великое заговейно на мясное, а шестьдесят рублев взяти у них на царя Констянтина и Еленин ден. Кто привезет городской человек Белозерецъ и окологородецъ и изо всех волостей Белозерьских товар свой, и таможником у них имати со всякого товару с рубля по полудензе; да у них же имати с саней, что привезут свою рухлядь, по полудензе за церковную пошлину, что емлют на Москве. А которой Белозерец городской человек купит себе на лавку мед, или икру, или рыбу, и им имати у них с рубля по полудензе порядного. А купит себе на лавку Белозерець городской человек мех соли, или рогозину соли, или пошев соли, или бочку рыбы, или кадь рыбы, или бочку селдей, и им со всего с того с одного имати

---

[1]) А. А. Э. т. I, № 134. Древнейшая из сохранившихся таможенных грамот.

у них по полудензе. А кто мясо привезет на санех, городской человек Белозерець и окологородець и изо всех волостей Белозерских, и им у них имати с стяга по полудензе. А кто коровы пригонит, и им имати с коровы по полу ж дензе. А десять полоть стяг мяса [1]), двадцать гусей стяг же мяса, тридцать поросят стяг же мяса, тридцать утят стяг же мяса, десять баранов стяг же мяса, тридцать сыров стяг же мяса, двадцать зайцов стяг же мяса. А привезет кто Белозерець городской человек и окологородець изо всех волостей Белозерских лен, лук, чеснок, орехи, яблока, мак, золу, деготь и им у них имати с воза и с саней по дензе. А повезет с Белаозера Белозерець городской человек и окологородець и изо всех волостей Белозерских бочку рыбы, или кадь рыбы, или мех соли, или рогожу соли или пошев соли, и им у них имати со всего с того по полудензе. А с служилого человека, которой поедет без товару, и с того пошлины не имати; а кто служилой человек поедет, а имет каким товаром торговати, ино с того имати тамга и все пошлины по тому ж, как и с торгового человека. А кто купит человека в полницу [2]), и ему давати наместнику ставленного с головы по алтыну, то и с приставом; а диаку имати, которой грамоты полные пишет, с головы по алтыну; а таможником имати с головы по алтыну ж. А кто купит лошадь в рубль или менши рубля, и им имати у того от пятна с лошади по дензе; а кто продасть лошадь в рубль или менши рубля, и им у того имати с лошади по дензе. А всем торговцом, Белозерьцом городским людем и окологородным и изо всех волостей Белозерьских и изо всее Московские земли, и из Тферьские земли, и из Новгородские земли Великого Новагорода, являти товар свой таможником не скла-

---

[1]) Т.-е. приравнивается в отношении пошлины к стягу мяса.
[2]) Купить человека „в полницу“, т.-е. приобрести его в качестве „полного“ холопа, раба.

дывая с воза и из судна: а не явя таможником сложит товар свой с воза и из судна, и он то протамжил, ино товар его ему назад; а будет того товару на два рубля, или колко нибудь боле дву рублев, ино с него протамги два рубля, рубль наместнику, а рубль таможником; а кто протамжит своего товару на рубль, ино товар его ему назад, а с него протаможья тридцать алтын без гривны, четыре гривны наместнику, а четыре гривны таможником, а кто протамжит своего товару боле рубля, а менши дву рублев или менши рубля, ино товар его ему назад, а с него протаможье имати наместнику и таможником по тому ж по росчету, как емлют протаможье по колку с рубля. А кто продаст лошадь или купит кто, а не явя таможником ни пятня, ино с него заповеди пропятенья два рубля, рубль наместнику, а рубль пятенщиком. А Белозерець городской человек на Белеозере в городе купит товар или продасть, ино с него тамги не имати. А продасть или купит судно городской человек Белозерець и окологородець и изо всех волостей Белозерьских, и им у них имати тамга, как у них и с иного товару емлют, с рубля по полудензе. А с Москвитина и изо всех городов Московских, и из вотчины братаничев великого князя, и из всее Московские земли, и из Тферьские земли, и из Новгородские земли, со всех с тех имати тамга по старине, с рубля по алтыну; да у всех же у тех имати с саней по полудензе, за церковную пошлину и за гостиное, что емлют на Москве. А купит кто судно или продаст, и им у них имати тамга у всех по тому ж, как у них емлют с иного товару, с рубля по алтыну. А придет кто с товаром на судне из московские земли, и из Тферьские земли и из Новогородские земли, и колко у него будет людей на судне, и им у них имати со всех с тех с головы по дензе. А кто приедет из Московские земли, и из Тферьские земли, и из Новогородские земли, и изо всех монастырей Московские земли, и из Тферьские, и из Новогородские,

и из Белозерьских монастырей, из Кирилова и из Фарафонтьева и изо всех белозерьских монастырей, всем им всяким товаром и житом торговати в городе на Белеозере, а за озеро всем им торговати не ездити; а по волостем им и по монастырем не торговати, ни житом ни всяким товаром, опроче одные Белозерьские волости Углы; а на Угле быти торгу по старине, а тамга имати у них потому ж, как емлют на Белеозере в городе. А кого изымают, кто поедет за озеро или кто учнет торговати по волостем и по монастырем по белозерьским, и они с купца возмут два рубля, рубль наместнику, а рубль таможникам; а с продавца возмут два же рубле, рубль наместнику, а рубль таможником; а что у них будет товару, у купца или у продавца и тот товар емлют у них таможники на великого князя, а их дают на поруки наместники и таможники да ставят перед великим князем. А городским людем Белозерцем и посажаном за озеро ездити по старине торговати. А имати им тамга и церковная пошлина и пятно с великого князя селчан, и с великие княгини селчан, и с митрополичих, и с княжих, и со владычных, и с монастырских, и с боярских, и с грамотников, и со всех без оминки, чей бы кто ни был.

Герберштейн о русской торговле [1]).

Всякий, кто привезет в Москву какие бы то ни было товары, должен немедленно объявить их и обозначить у сборщиков пошлин или таможенных начальников. Те в назначенный час осматривают товары и оценивают; после оценки никто не смеет ни продать их,

---

[1]) Барон Сигизмунд Герберштейн, посол австрийского императора, был дважды послан в Россию, в 1516 и 1526 г.г., с поручением содействовать примирению между Россией и Польшей для привлечения их затем к совместной борьбе с Турцией в качестве союзников императора. Получив ученую степень в Венском университете, Герберштейн с детства хорошо ознакомился на родине (Крайна) с славянским языком и оба эти обстоятельства помогли ему написать свой знаменитый труд: „Записки о московитских

ни купить, если они не будут прежде показаны государю. Если государь пожелает что-нибудь купить, то купцу тем временем не дозволяется ни показывать товары, ни предлагать их кому-нибудь. Отсюда купцы задерживаются иногда слишком долго.

Точно так же не всякому купцу, кроме литовцев, поляков или подчиненных их власти, открыт свободный доступ в Московию. Именно шведам, ливонцам и немцам из приморских городов позволено заниматься торговлей и торговать только в Новгороде, а туркам и татарам в городе, по имени Холопий город, куда во время ярмарки собираются различные люди из самых отдаленных мест[1]). Когда же в Московию отправляются посланники и полномочные послы, то все купцы отовсюду принимаются под их защиту и покровительство и могут беспрепятственно и беспошлинно ехать в Москву; так у них вошло в обычай.

Большую часть товаров составляют серебряные слитки, сукна, шелк, шелковые и золотые ткани, жемчуг, драгоценные камни и золотые нитки. Иногда

делах", в основу которого легли не только вдумчивые и добросовестные наблюдения очевидца, но и тщательное ознакомление с литературой: летописями, юридическими и др. памятниками и т. п. Многие из писавших впоследствии о России иностранцев широко пользовались его трудом, появившимся впервые в 1549 г. и до конца столетия выдержавшим 6 изданий латинских, 5 немецких, 2 итальянских и чешское. Новейшее русское издание Суворина, 1908 г., перевод Малеина.

[1]) „Холопий город... отстоит на две мили от Углича. Недалеко оттуда видна крепость, ныне разрушенная, при р. Мологе... В этом месте бывает самый многолюдный базар изо всех существующих во владении московского государя, о чем я упоминал уже и в другом месте. Ибо кроме шведов, ливонцев и московитов туда стекаются татары и другие весьма многие народы из восточных и северных стран, которые ведут только меновую торговлю. Ибо употребление золота или серебра у этих народов редко и почти вовсе отсутствует. В огромном большинстве случаев они обменивают на меха готовое платье, иглы, ножики, ложки, топоры и другое тому подобное" (Герберштейн, стр. 124). Ныне это—село Борисоглебское, иначе Старое Холопье, Яросл. губ., Мологского у., в 50 вер. от Мологи.

своевременно ввозятся какие-нибудь дешевые вещи которые приносят немало прибыли. Часто также случается, что всех охватывает желание иметь какую-нибудь вещь, и тот, кто первый привез ее, выручает гораздо более надлежащего. Затем, если несколько купцов привезут большое количество одних и тех же предметов, то иногда следствием этого является такая дешевая цена на них, что тот, кто успел продать свои товары возможно дорого, снова покупает их по понизившейся цене и с большой выгодой для себя привозит обратно в отечество. Из товаров в Германию отсюда вывозятся меха и воск, в Литву и Турцию — кожа, меха и длинные белые зубы животных, называемых у них моржами и живущих в северном море; из них обыкновенно турки искусно приготовляют рукоятки кинжалов, а наши земляки считают эти зубы за рыбьи и так их и называют. В Татарию вывозятся седла, уздечки, одежды, кожа; оружие и железо вывозятся только украдкой или с особого позволения начальников в другие места, расположенные к северо-востоку. Однако, они вывозят и суконные и льняные одежды, ножики, топоры, иглы, зеркала, кошельки и другое тому подобное. Торгуют они с великими обманами и коварством и дело не обходится без большого количества разговоров, как о том писали некоторые. Мало того, желая купить какую-нибудь вещь, они оценивают ее, с целью обмана продавца, менее чем в половину стоимости и держат купцов в колебании и нерешительности не только по одному или по два месяца, но обыкновенно доводят некоторых до крайней степени отчаяния. Но тот, кто знает их обычаи, не обращает внимания на коварные слова, которыми они уменьшают стоимость вещи, и затягивает время или делает вид, что не обращает внимания; такой человек продает свои вещи без всякого убытка (стр. 90—91).

Иностранцам они продают каждую вещь гораздо дороже, так что за то, что при других обстоятель-

ствах можно купить за дукат, они запрашивают пять, восемь, десять, иногда двадцать дукатов. Впрочем, и сами они в свою очередь иногда покупают у иностранцев редкую вещь за десять или пятнадцать флоринов, а на самом деле она вряд ли стоит один или два флорина.

Далее, если при заключении сделки ты что-нибудь случайно скажешь или слишком неосторожно пообещаешь, то они тщательно помнят это и настаивают на исполнении, сами же отнюдь не исполняют того, что обещали в свою очередь. Точно так же, как только они начинают клясться или божиться, то знай, что тут сейчас же кроется коварство, ибо они клянутся с намерением провести и обмануть [1]) (стр. 94).

Недалеко от крепости [2]) существует обширный и обнесенный стенами дом, называемый двором господ купцов, в котором живут купцы и раскладывают свои товары; там продаются перец, шафран, шелковые ткани и др. товары такого рода гораздо дешевле, чем в Германии. Это обстоятельство следует приписать обмену товаров. Именно, если московиты начинают очень дорого ценить меха, приобретенные ими

---

[1]) О новгородцах Герберштейн пишет (стр. 119): „Народ там был очень обходительный и честный, но ныне является весьма испорченным; вне сомнения, это произошло от московской заразы, которую туда ввезли с собою заезжие московиты“, а о псковичах (стр. 121): „Иоанн Васильевич совершенно умалил свободу жителей Пскова. От этого вместо общительных и даже утонченных обычаев псковитян почти во всех делах введены были гораздо более порочные обычаи московитов. Именно псковитяне при всяких сделках отличались такою честностью, искренностью и простодушием, что не прибегали ни к какому многословию для обмана покупателей, а одним только словом указывали на самую вещь“. О москвичах же (стр. 101—102): „Народ в Москве, как говорят, гораздо хитрее и лукавее всех прочих и в особенности вероломен при исполнении обязательств; они и сами отлично знают про это обстоятельство; поэтому всякий раз, как вступают в сношения с иноземцами, притворяются, будто они не московиты, а пришельцы, желая этим внушить к себе большее доверие“.

[2]) Герберштейн подразумевает Московский кремль.

на самом деле за дешевую плату, то и иностранцы в свою очередь, может быть по их примеру, противопоставляют свои товары, купленные также задешево, и запрашивают за них дороже. Отсюда те и другие, произведя равный обмен вещей, могут продавать в особенности вещи, полученные за меха, по умеренной цене и без прибыли (стр. 94—95).

Налог или пошлина со всех товаров, которые или ввозятся, или вывозятся, вносится в казну. Со всякой вещи стоимостью в одинь рубль платят семь денег, за исключением воска, с которого пошлина взыскивается не только по оценке, но и по весу. А с каждой меры веса, которая на их языке называется пудом, платят четыре денги (стр. 96).

Денежный рост у них обычен; хотя они говорят, что это большой грех, однако, никто почти от него не воздерживается. Но он является до известной степени невыносимым, именно с пяти всегда один, т.-е. со ста двадцать. Церкви, как сказано выше, повидимому, поступают более мягко, именно (как говорят) они получают десять со ста (стр. 96).

Город Калуга, на р. Оке, отстоит на 36 миль от Москвы и на 14 от Серпухова. Там выделываются искусно вырезанные деревянные кубки и др. вещи из дерева, имеющие отношение к домашнему хозяйству. Отсюда они вывозятся повсюду, в Москву, в Литву и другие окрестные страны (стр. 108).

Из царской грамоты в Дмитров об отмене тарханов в 1549 г.

От ц. и в.к. Ивана Васильевича вс. Р. в Дмитров, Грише Левонтьеву сыну Оникеева. Били ми челом Дмитровские и Кимерские откупные таможники Тараско Федоров сын Кобелев с товарыщи, сказывают: что деи приезжают в Дмитров и на Кимру и в село Рогачево, из моих из царевых и великого князя из подклетных сел и из деревень, да из Переславля из

царицины слободы из Мироноситцкие и митрополичи, и владычни, и княжие, и боярские, и монастырские, Симонова монастыря, и Песношского, и Рожественского, и Вознесенского, и Пречистые Соборные церкви с площади, и Перемерского монастыря изо Твери, да в селе деи на Кимре Кимряне и в Рогачеве в лавках торгуют монастырские крестьяне, тутошние жильцы, солью и рыбою и всяким товаром и на торгу хлебом и животиною, а емлет деи с них таможеные пошлины игумен Песношской с братьею; да в Дмитров же деи, и на Кимру и в Рогачево приезжают торговати сведенцы смолняне, паны Московские, Тиша Смывалов, да Федко Кадигробов с товарыщи, и бараши, и огородники, со всяким товаром, а нашим деи Дмитровским и Кимерским таможеником не являются и пошлин таможных и явки не дают, а сказывают деи у себя мои царевы и великого князя грамоты жаловалные тарханные, что им наших таможных пошлин таможником никоторых не платыти. И яз, ц. и в. к., ныне те все свои грамоты жаловалные тарханные в одных в своих в таможных пошлинах и в померных порудил, опричь Троецких Сергиева монастыря, и Соловецкого монастыря, и Нового девича монастыря, что на Москве, и Кириллова монастыря, и Воробьевские слободы[1]).

---

[1]) А. А. Э., т. I, № 223. Тарханные грамоты, освобождавшие от уплаты пошлин, давались как монастырям и духовенству, так и светским владельцам. Жалуя, напр., в 1487 г. Ивашку Глядящего (А. А. Э. I, № 120) „половиною селом Глядячим со всем с тем, что к его половине исстарины по тому ж потягло“, вел. князь Иван Васильевич добавляет: „и кто у него иметь жити людей на его половине села Глядячего и тем его людем ненадобе моя дань великого князя никоторая, ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни явка“ и т. д. Жалованные грамоты светским владельцам, как и многочисленные тарханы монастырям продолжали даваться и во второй половине XVI века и даже в XVII веке, хотя в XVII веке они обычно предоставляются лишь монастырям (подробнее см. в исследовании Н. П. Павлова-Сильванского „Феодализм в удельной Руси“, СПБ. 1910 г.; переиздано в 1924 г изд. „Прибой“). Но приводимое ограничение тарханов является первым из известных.

Из таможенной Белозерской грамоты 1551 г. [1]).

... А померное имати со пшеницы, и со ржи, и с ячменя, и с солоду, и с конопель, и с гречи, и с гороху, и с заспы, и с толокна, и с репы, и со всякого жита, и с хмелю, також и с рыбы с сухие и с вандышев и с хохолков, имати им с продавца с четырех четвертей денга; а будет болши или менши четырех четвертей и им имати померное по расчету; а тамги им с жита и с сухие рыбы не имати. А кто продаст всякого жита воза два или три без меры, или кто купит не в их пятенную меру, ино с него заповеди два рубля, рубль наместнику, а рубль померщиком; а кто продаст всякого жита четыре четверти Московских, или кто учнет купити или продавати не в их пятенную меру, ино с него заповеди рубль, полтина наместнику, а полтина померщиком; а кто продаст всякого жита менши четырех четвертей, а болши дву четвертей или менши дву четвертей, а не явя померщиком, и наместнику и померщикам имати с них протаможья по тому ж расчету, как емлют протаможья с четырех четвертей Московских; а кто продаст того всего менши осмины, и им того померщиком не являти, а померщиком у них с того померного и за поведей не имати.

... А дворовая пошлина, на гостиных дворех, таможником имати: кто приедет, приезжей человек или Белозерец, товару купити какого-нибуди на гостине дворе, и дворники емлют поворотного с тысячи белки Шувайские или с Устюжские по четыре денги с тысячи, а с Кляземские белки с тысячи по две денги; а кто купит болши тысячи белки или менши тысячи белки, Шувайские или Устюжские или Кляземские, и дворники емлют по росчету по тому ж, по колку, с которые с тысячи емлют с белки; а с сорока соболей емлют по росчету по тому ж, как и с белки с Шувайские; а с куницы емлют с сорока по денге; а с десяти

---

[1]) А. А. Э., т. I, № 230.

бобров емлют по росчету по тому ж, как с тысячи емлют с белки с Шувайские; а с сукна с постава, с Ипского или с Лунского с добрых, емлют с постава по три денги, а с Новогонского емлют с постава или с Трекунского по денге; а с иного товару емлют поворотное по росчету по тому ж, как емлют с сукна с постава с Новогонского; а с меду емлют дворники поворотное: будет кадь пудов в семь, или в восемь, или в десять пуд, и они с нее емлют по денге; а будет кадь менши семи пуд и они емлют поворотное по росчету; а кто купит перцу боле рубля, или менши рубля, и они емлют по тому ж росчету; а с бочки селдей по денге; а с лукна икры по денге; а с бочки слив имати им по полуденге; а с круга воску имати им по четыре денги; а с стопы бумаги имати им по полуденге.

Из отчета Чэнслера о своем путешествии 1553 г.[1]).

От Вологды до Ярославля 200 миль и этот последний,—очень большой город. Произведениями его являются кожи, сало, в изобилии хлеб и некоторое количество воска, но не так много, как в других местах.

Москва в 200 милях от Ярославля. Область между ними очень хорошо населена народом, так переполняющим маленькие деревни, что вид их вызывает удивление; область хорошо снабжена хлебом, который отвозится в город Москву в таком обилии, что приходишь в изумление. В течение одного утра вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда или оттуда, из которых некоторые везут хлеб, а некоторые рыбу. Вы найдете, что одни везут хлеб в Москву, а другие, проживая по крайней мере за 1000 миль, привозят хлеб оттуда, при чем всю перевозку они совершают на санях. Те, кто приезжает из таких далеких мест, живут в северных частях владений вели-

[1]) Hakluit, I, стр. 264. О Гаклюйте и Чэнслере см. первый и второй документы в III отделе сборника.

кого князя, где холода столь чрезвычайны, что не дают расти хлебу. Они привозят сюда рыбу, меха и звериные шкуры. В тех местах у них очень мало скота.

Москва сама по себе велика; я полагаю, что город в целом обширнее Лондона с его предместьями, но она очень примитивна и расположена без всякого порядка.

Из письма Джона Хасса в 1554 г. [1]).

I. Во-первых, следует заметить, что во всей стране русского царя нет другой монеты, кроме серебра, которое обращается между купцами в качестве средства платежа, но несмотря на то, имеется и медная монета, служащая для облегчения бедных в Москве, но нигде кроме нее и то только [при уплате] за квас, воду и фрукты, как орехи, яблоки и иное тому подобное. Название этих денег пула или пулы, при чем самая маленькая серебряная монета равна по ценности 18 этих пул. Но я не буду настаивать на этом, потому что они не являются ходячей монетой среди купцов.

Серебряная монета делится на три сорта: самая маленькая—полденьга, другая—деньга, третья—новгородка, что значит то же, как по-английски мы говорим: полпенни, пенни и два пенса [2]); другой же ценной монеты нет. Нередко попадаются золотые монеты, но они поступают из иностранных государств и не имеют установленного курса, обращаясь по соглашению купцов между собою.

Их порядок счета следующий: как мы говорим в Англии—полпенни, пенни, шиллинг и фунт, так они говорят—полденьга, деньга, алтын и рубль. Две пол-

---

[1]) Hakluit, I, стр. 285. Джон Хасс был агентом английской компании в России и написал свое письмо для сведения и руководства английских купцов. См. письмо Лэйна ниже, в III отделе этого сборника.

[2]) По-английски говорят „пенни“ в единств. числе и „пенсы“ во множ. числе, т. е. 1 пенни, но 2 пенса.

деньги равны одной деньге, шесть денег — одному алтыну, а 33 алтына и две деньги—одному рублю.

II. Относительно торговых сборов и пошлин в России мне сообщали в Москве, что турки и армяне платят десятую деньгу пошлины со всех товаров, привозимых ими в страну царя, а сверх того они уплачивают за все такие товары, которые взвешиваются ими на царских весах, по 2 деньги с рубля стоимости, о которой покупатель или продавец должен сообщать смотрителю за весами. Они уплачивают также определенную пошлину с лошадей, которая в разных местах владений царя равна 4 деньгам с лошади.

Голландцы освобождены от этого; но несмотря на то, за некоторые злоупотребления, они потеряли свои привилегии, которые они вернули себе этим летом с большими издержками. Один судья в этой стране сообщил мне, что они заплатили за них 30000 рублей[1]), а также, что Рига, Дорпат и Ревель признали над собой власть русского царя. Было ли это хвастовством

---

[1]) „Новгород считается после Москвы самым главным городом в России, потому, что уступая ей в величии, он превышает ее по величине. Это самый главный и величайший городской рынок всей Московии, и хотя резиденция царя не там, а в Москве, все же удобства реки, впадающей в залив, называемый Финским, благодаря которой город часто навещается купцами, делают его еще более славным, чем сама Москва. Этот город превышает все остальные по производству льна и пеньки. Он производит также кожи, мед и воск. Фламандцы имели там когда-то торговый дом, но вследствие того, что они совершали там также злоупотребления, как и в своих делах с нами, они потеряли свои привилегии, о возобновлении которых они ревностно старались в то время, когда наши люди были там. Но эти фламандцы, прослышав о прибытии наших людей в те края, написали от себя письма к царю против них, обвиняя их в пиратстве и разбое и добиваясь от него задержания и заключения их в тюрьму. Когда наши узнали об этом, они начали бояться, что им никогда не придется вернуться домой. Но царь более верил письмам короля, привезенным нашими людьми, чем лживым и клеветническим наветам фламандцев, и не сделал им никакого зла". (Из описания английской экспедиции Чэнслера, составленного Клементом Адамсом; Hakluit, I, 280). Фламандцы—голландцы.

русских или нет, я не знаю, но он так сказал, и действительно, во время нашего пребывания там, туда прибыл великий посол из Лифляндии для обеспечения их привилегий.

Говоря кое-что о произведениях этой страны, следует знать, что в 80 милях от моря находится место, называемое Холмогорами, куда стекаются всякого рода товары северных областей, как-то: жир, соль, вяленая треска, семга, перья и меха. Соль они выделывают из соленой воды на морском побережье, жир делают из тюленей [1]), имея большой запас, доставляемый с моря оттуда, где наши суда входят в него. Они делают его ранней весной и доставляют в Холмогоры на продажу, а там купцы отвозят его в Новгород и затем продают голландцам. Их вяленая треска и семга доставляются из местности, называемой Mullums [2]), неподалеку от Вардэгуса. Свою семгу и соль они доставляют в Москву [3]), а вяленую рыбу они отвозят в Новгород и продают ее там лифляндцам.

Меха и перья, доставляемые в Холмогоры, как-то: соболи, бобры, выдры, горностаи, сибирские белки, россомахи и песцы, вместе с оленьими шкурами привозятся туда людьми с Пинеги, Лампожни и Пустозера, которые получают их от самоедов, считаемых диким народом [4]). Купцы, привозящие эти меха, выменивают их обычно у холмогорских купцов на сукно,

---

[1]) „Жители очень искусны в ловле семги и небольшой трески; они добывают много жира, который зовется ворванью и большая часть которого добывается около р. Двины. Ворвань получается и в других местах, но не в таком количестве, как там. Они много промышляют также вываркой соленой воды".

[2]) Хасс подразумевает, вероятно, Мурманское побережье.

[3]) „Холмогоры снабжают солью и соленой рыбой Новгород, Вологду и Москву со всеми прилегающими областями" (Чэнслер).

[4]) „Там добывается также зуб одной рыбы, которая называется морж. Охотники за ним обитают в местности, называемой Пустозерск, и на оленях привозят свою добычу в Лампожню на продажу, а из Лампожни ее везут в место, называемое Холмогорами, где в Николин день устраивается большая ярмарка". (Чэнслер).

олово, медную посуду и т. п., а холмогорские купцы отвозят их в Новгород, Вологду или Москву и там продают их. Перья, получаемые с Пинеги, они мало ценят.

Если наши купцы желают знать о наиболее подходящем месте для постоянного дома в России, то мое мнение, что это Вологда,—большой город, расположенный в сердце России и окруженный многими большими и хорошими городами. Там в изобилии хлеб, съестные припасы и все такое сырье, которое производится в России, особенно же лен, пенька, жир, сало. Там имеются также большие запасы воска, но его доставляют из Москвы [1]).

Город Вологда наиболее подходящий для наших купцов, потому что он расположен посреди всех лучших городов России и нет ни одного русского города, который бы не торговал с Вологдой, а также и водный путь представляет большое удобство. Если они обоснуются в Москве или Новгороде, то их издержки будут велики и поразительны; иное дело в Вологде, так как все можно получить там вдвое дешевле. А что касается сбыта, то я не знаю иного такого подходящего места. Возможно, что кто-нибудь сочтет Москву наиболее удобной, как резиденцию двора, но именно потому я считаю ее менее удобной, так как благодаря вымогателям и издержкам расходы там будут столь велики, что поглотят целиком половину прибыли, которая в другом месте будет сохранена. Но несмотря на это, наши купцы могут все же бывать там зимой для обслуживания царя и его двора. Сам царь является крупным торговцем воском и соболями, которые они могут при надлежащей предусмотрительности заполучить в свои руки. Что же касается других товаров, то их в Москве мало или совсем нет помимо выше-

---

[1]) „Есть еще место, называемое Вологдой, произведениями которой являются сало, воск и лен, но не в таком изобилии, как в Новгороде“ (Чэнслер).

указанных; а если и есть другие, то они привозятся туда турками, которые будут очень разборчивы в покупке наших сукон, считаясь со стоимостью сухопутной перевозки.

Наши купцы могут с успехом снабжать русских такими товарами, которыми их снабжают голландцы, как фландрское и голландское сукно, которыми по моему мнению они могут снабжать с меньшими издержками и лучшего качества, чем из Риги, Дерпта или Ревеля, потому что это не легкое предприятие,—доставить свои сукна из Фландрии в любое из этих мест, а перевозка их сухим путем в Новгород, расположенный за 900 русских миль от Риги, сопряжена с немалыми издержками для них.

Этот Новгород хорошо снабжается льном, воском, кожей, говяжьим салом и многими другими вещами. Лучший лен в России привозится туда и продается там сотнями тюков, что делается также и в Вологде, а те, кто доставляет лен в Новгород, обитают в таком же расстоянии от Новгорода, как и от Вологды, и когда они услышат о сбыте, который они могут найти у наших соотечественников, они также охотно явятся к ним, как и к другим.

Из таможенной Весьегонской грамоты 1563 г.

I. И после де того [1]), в 69 году, бил челом царю и великому князю князь Михайло Федорович Прозоровской, а сказал, что де за ним в Ярославском уезде,

---

[1]) А. А. Э. I. № 263. В 1556 г. Симонов монастырь бил челом царю, что „в их монастырьском селе в Веси Егонской торг еженедельно по вся дни и на тот де торг съезжаются торговые люди со всякими товары“, а тамгу и пошлины держат на откупу „Бежачане, Городецкие посадские люди и сельские крестьяне“, причиняющие монастырским крестьянам большие обиды, почему монастырь и просил об отдаче ему таможенного откупа за 35 р. в год. Ходатайство было удовлетворено, но в следующем году приказчики кн. Прозоровских перевели торг „в государей своих вотчину к Борису и Глебу на Старой холопей, лавки ставили и кабаки

на Старом Холопье, у Бориса и Глеба на Песку, вотчина и мимо де его деревень ездят торговые люди рекою Мологою вверх в Городетской уезд, в Бежецкой верх, в Весь Егонскую, о Петрове заговейне торговати и назад де едучи из Веси Егонские пристают к берегу в его вотчинных деревнях, на погосте у Святых Чюдотворец Бориса и Глеба, да всходят молитись и в те де поры его крестьяне, у кого лучится холстина или мережа, или иной какой крестьянской товар, и тот де свой товар тем людем продают для государей своих пошлины и, что у них его крестьяном надобеть, купят; а от городов де те его деревни отошли далече, а до Веси Егонские семдесят верст, а до иных городов по девяносту верст, а иных де торгов ближе того нет нигде и его де людем и крестьяном в весну и в осень нужа великая.

II. ...Кто приедет в село в Весь Егонскую из иных городов и волостей Московские земли, и Тверские, и Новагорода Великого, и Псковитин с товаром торговати, а не Городецкого уезда, а привезут товар,

---

держали и торги чинили и гостем и всяким торговым людем со всяким товаром, Углечанам и Ярославцем и Костромичем и всяким приезжим людем торговати в государей своих вотчине давали, а в Весь де Егонскую торговати их не пропущали" отчего „их монастырской Весьской тамге недобор был великой". По жалобе монастыря велено было в княжеских селах „кликати бирючом не по одно утро, чтоб у них в селех торжков не было", но приказчики не подчинились и силой помешали осуществить закрытие торга. Дело дошло до суда в Москве, но перед судом стороны помирились и торг остался за монастырем, Прозоровские обещали закрыть свои торжки и дали обязательство заплатить 70 руб. монастырю в случае нарушения обещания. Но в 1561 г. кн. Прозоровский подал челобитную, изложение которой представляет приводимый нами отрывок. и получил право торга в своих вотчинах за 3 руб. оброку в год, — если оттого не будет уменьшения в сборе тамги в Веси Егонской. Тогда приказчики снова „перевели тот торг опять на свой берег... и торг де у них был великой", что повело к новому спору и в 1563 г. дело решено было в пользу монастыря с запрещением всякого торга на торжках у Прозоровских. Монастырю дана была обычная таможенная грамота, выдержки из которой здесь приводятся во втором отрывке.

воск, хмель, мед, соль, рыбу, икру и мягкой товар, бобры, куницы, белки, и сукна, и всякой товар и им являтися таможником, а таможником у них имати тамги со всякого товару с рубля по четыре деньги, да с воза с товарного имати таможником по две деньги; а кто Городецкой городской и тутошней посадской человек или Городецкого уезда становой или волостной человек приедет в село в Весь Егонскую торговати, с каким товаром нибуди, и таможником у них имати тамги с рубля по полуторе денги... А приедет в село в Весь Рязанец или Казанец, також и всякой иноземец и у всех тех таможником имати тамга со всякого товару с рубля по семи денег... а около села Веси Егонские в царевых и великого князя подклетных селех и у архангела Михаила, и у Пятницы Святые в Ясеницех, и во княж Семеновском селе Палецкого у Пречистые на усть реки Себлы, и во княгинине Огрофенине селе Сицкого в Ярославском в Горинском приселье и у Спаса на реке на Себле ж, о девятой и о десятой пятнице не торговати никаким товаром. А как торговые люди с товаром и без товару скупщики поедут рекою Мологою в Весь, в Петрово Говейно, на Петровской торг, и им едучи в Прозоровских князей отчинах и на усть реке Ламы и в Моложских князей отчине и у Леонтия Святого на усть реки Чеснавы и по иным селом и по деревням и по берегу по обе стороны реки Мологи от Моложских деревень вверх рекою Мологою до Симоновского села Веси, також и назад поедут из Веси с торгу не торговати им в тех князей отчинах одноличио никаким товаром и в иных царевых великого князя селех, и в деревнях, и в станех, и в волостях, и на погостех, и в слободках, и во княжих и в боярских и в монастырских селех, по праздникам и по неделям, Бежатчанам и иногородцам и между себя никому не торговать по вся годы, ни рыбою, ни солью, ни мясом, ни житом, ни иным никаким товаром, опричь села Веси Егонские.

Из летописного отрывка 1563—1567 гг.

Того же лета (т.-е. 1563 г.), июля в 20 день ко ц. и в. к. Ивану Васильевичю вс. Р. пришли из Нагай послы... а с ними послов и гостей 1000 человек, а лошадей с ними 8 тысечь.

... Того же лета, ноября в 1 день, приехали ко ц. и в. князю из Шамахи от Абдулы, царя Шамахинского, послы... а писал ко ц. и в. князю Абдула царь в своих грамотах: чем ему ц. и в. князь себе велит служити и он тем ц. и в. князю служити рад. Да писал о торговых людех, чтобы ц. и в. к. торговым людем велел дорогу отворити и торг бы им велел давати поволной.

... Того же лета (т.-е. 1564 г.), июля, прислал ко ц. и в. князю Бухарской царь Абдула послов своих... а писал с ними ко ц. и в. князю, чтобы пожаловал, для его челобитья, дорогу дал в свое государство людем его торговати ходити.

... Того ж месяца декабря в 27 день пришли ко ц. и в. князю из Нагай послы... Того ж дни пришли ко ц. и в. князю от Абдулы, царя бухарского, посол Хозя Исуп, а от Юргенчского Азима царя посол Белий Суп.

... Того же дни (т.-е. 1 февраля 1565 г.) ц. и в. к. отпустил Самарханского посла Хозя Хурта с товарыщи, да Бухарского Ябдулы царя, Хозя Исупа с товарыщи, и грамоты им к их государем с ними послал о купечестве.

Того же дни пришли ко ц. и в. князю Шамаршанского Септа царя посол Хозя-Фурт; а приходили те послы ко ц. и в. к. от своих государей с челобитьем и с поминки, чтобы ц. и в. к. пожаловал, гостем их поволил ходити в Астрахань и в Казань и в иные городы его государства.

... Того ж дни отпущен юргинчского царя посол, а у ц. и в. князя не был, потому что Юргинчской царь грабил государьских людей, подъячего Оксена Иванова с товарыщи, и государьскую бологодеть поимал; а грамоту у Юргенчского посла ц. и в. к. велел при-

няти своим приказным людем. А к Юргенчскому свою государьскую грамоту послал о том: сыщет он государьскую бологодеть и пришлет к государю и все грабежи государьских гостей поотдает и государь его пожалует по прежнему обычаю, дорогу гостем и купцом велит отворити без зацепки и послом ходити.

... Того ж лета, марта месяпа, ц. и в. к. отпустил во Царьгород к Митрофану патриарху и во Святую гору и в иные монастыри с своею милостынею, по царице своей и великой княгине Анастасии да по брате своем по князе Георгие Васильевиче, своих купцов Афонасья Глядова да Ивана Коткова; да с ними же ц. и в. к. послал бологодеть от своей казны.

... Того ж лета ц. и в. к. отпустил с своею бологодетью от своей казны своих гостей и купцов в поморские государства: в Антроп, к бурмистром и к ратманом послал гостя Ивана Афонасьева да купца Тимофея Смывалова. В Гурмыз купцов Дмитрея Ивашева да Федора Першина. В Английскую землю, к Елисавети королевне, купцов Степана Твердикова да Федота Погорелова...

Того ж дни (т.-е. 5 июля 1565 г.) пришли ко ц. и в. к. из Нагай послы... а с ними Нагайские гости с конми, а всех послов и гостей 500 человек, а лошадей пол 3000; и государь велел им корм давати по прежнему обычью [1]).

Штаден о ярмарке в Холопьем.

Там, где р. Шексна впадает в Волгу, лежит на мысу незащищенный посад, по названию Устье; вверх по Волге [2]) лежит еще один большой посад, по наз-

---

[1]) Отрывок летописи, охватывающий 1563—1567 гг. и хранившийся в библиотеке Александроневской лавры, напечатан в т. III Р. И. Б. Юргенч, — Хива. Шамарханский, — Самаркандский. Святая гора, — Афон. Антроп, — Антверпен. Бологодетью назывались товары, посланные лично царем.

[2]) Вернее, — по Мологе. Генрих Штаден, „О Москве Ив. Грозного. Записки немца-опричника". М. 1925; стр. 66. Штаден пробыл в Москве с 1564 по 1576 год.

ванию Холопий, где круглый год бывал обычно торг; на нем встречались: турки, персы, армяне, бухарцы, шемаханцы, кизильбаши, сибирцы, нагаи, черкесы, немецкие и польские торговые люди. Из 70 городов русские торговые люди были приписаны к этой ярмарке и должны были приходить к ней ежегодно. Здесь великий князь собирал из года в год большие таможенные доходы; теперь же этот посад совсем запустел.

Из таможенной откупной грамоты 1588 г. Ярославскому Спасскому монастырю.

Лета 7097 октября в 12 день бил челом г-рю ц. и в. к. Федору Ивановичу вс. Р. из Ярославля Поволского Спаской архимарит Сергей с братьею, а сказал: отчина деи их в Ярославском уезде село Еремейцево и то деи село от городов и от торгов далече, верст по двадцати, и по тридцати, и по сороку и крестьяном деи того села торговати ездити далече; а наперед деи того в том селе Еремейцове тамга в откупу не бывала ни за кем, и на веру ее не сбирывал никто, и к Ярославской деи тамге и к наместничю доходу то село Еремейцово тамгою не приписано, и вперед деи Ярославской тамге и наместничю доходу от того торгу недобору не будет никоторого: и государь бы их пожаловал, велел в том селе Еремейцове тамгу дати в откуп ново впервые того ж села крестьянину, а откупу б велел государь у него взяти на год полтора рубли, а торговати б в том селе велел по суботам...[1]).

---

[1]) А. А. Э. I. № 342. Ходатайство было удовлетворено. Архимандрит того же монастыря в 1595 г. бил челом царю, что в монастырском сельце Федоровском на р. Касти Ярославского же уезда „торгу нет, а от городов деи и от торгов то село поудолело от Ярославля пятьдесят верст, а от Костромы пятьдесят же верст, а от Любима полпятадесят верст и крестьяном деи их летом в Ярославль и на Кострому и в Любим торговати ездити не можно, грязи и болота

Из таможенной грамоты Дим. Годунову 1592 г.

Се яз, ц. и в. к. Федор Иванович, вс. Р., пожаловал есми боярина своего Дмитрия Ивановича Годунова, велел на Чаранде и на Коротком уставити торг и торговати по вся дни, как и в иных городех; а пошлины с товаров и с судов со всяких торговых людей велел сбирати на боярина своего на Дмитрия Ивановича [1]).

великие; а к Ярославской деи тамге и к наместничю доходу то селцо Федоровское тамгою не приписано и вперед деи Ярославской тамге и наместничю доходу от того торгу недобору не будет" и просил повелеть, „торг учинити ново впервые" с отдачей тамги на откуп кр-ну того села за полтора рубля в год и торговлей по пятницам. Просимое разрешение было дано (А. А. Э. I. № 362).

[1]) А. А. Э. I. № 356. Так как Годунов бил челом, что торг уставлен и „торговати всякие люди съезжаются по вся дни", но у него нет уставной грамоты и тамги и проезжих пошлин „его пошлинным людем сбирати не по чему", то ему была дана уставная грамота; в ней между прочим предписывалось: „кто привезет Чарандец или с Коротково посадской человек или из волостей товар свой на Чаранду и на Короткое, откуда нибуди, и тамги с товару имати с рубля по полуторе денге да за церковную пошлину по полуденге" (при привозе местными людьми мяса, пригоне коров, покупке соли, икры, меда, рыбы и сельдей в лавки и при отвозе товаров взимались пошлины по особому расчету). „А с торговых людей Московские земли", с новгородца, псковитина, тверитина, рязанца „и со всякого человека, с тех людей тамга пошлинным людем имати по старине, с рубля по алтыну; да с того ж рубля имати за церковную пошлину и за возничье по денге; да с того ж рубля за мыт по денге: да свалного с воза и с телеги по 2 денги, да онбарного по 4 денги, да явки гостиного по алтыну с человека". При проезде мимо или приезде на судне с товаром чаранца или коротковца мыта с судна не взимать, а „сколко будет у него людей в судне и наймитов, а не чаранцы или не коротковцы" по алтыну с человека (и при обратном проезде по ½ д.), чаранцы же или коротковцы, ничего не платят. Если же проедет или приедет на судне „из всех городов и из волостей Московские земли, ноугородець", псковитин, тверитин, рязанец, нижегородец, балахонец, казанец, „и всякой иноземец", то с устюжны, ржевки, насада, подвозка, белоозерки, матицы и дощаника 10 сажен по 1 р., а длиннее,— по расчету; с более мелких судов от 2 ал. до полтины, с каждого человека на судне по 4 р. мыту, а с товарных плотов по алтыну с угла.

О сельских торжках в Тверском уезде, конца XVI века[1])

С. Лотошино на р. на Лби... да в с. жа в Лотошине торг, а торгуют в нем еженедель по середам всяким деревенским товаром, а с приезжих людей и с товару пошлины емлют откупные таможники, а лавок в торгу 17; да в с. ж в Лотошине места порозжие меж лавок, ставятца на них горшечники, а иные места оплетены плетнем, а владеют или в наем отдают Лотошинские ж крестьяне — 5 мест, да против тех мест 15 мест, 15 лавок и всего в с. в Лотошине 32 лавки, да мест лавочных 21 место, а преж сего оброк на них не положен и-писцы Петр Матвеевич Свечин да Тимофей Олександрович Козин да дияк Богдан Забродов те лавки и места лавочные пооброчили, а давати им с тех лавок и с мест лавочных оброку на год полтора руб. и 3 алт., с лавки и с места по алт., да пошлин дворецкого и дьячих 2 алт. и 4 ден., а дати им тот оброк в великого князя казну в Дворцовой Приказ... а ровнятися им в том оброке и в лавках и в местах лавочных меж собя самим.

С. Городищо на р. на Шоше... да в с. ж в Городище торг, а торгуют в нем еженедель по четвергом, а тамгу емлют таможники откупные, а в торгу всего в с. в Городище живущих лавок 21 лав., а пустых

---

[1]) Писцовые книги. Изд. Рус. Геогр. о-ва, ч. I, стр. 340, 343. 361; с. Лотошино лежало на пути от Москвы к Новгороду и принадлежало ранее к Микулинскому уезду, б. удельному княжеству. В числе лавок 7 принадлежали „Микулинцам", т.-е. из г. Микулина (ныне большое село). С. Городище недалеко от впадения Ламы в Шошу, на торговой водной дороге. С. Кушалино было резиденцией князя Симеона Бекбулатовича, очень крупного землевладельца. В том же томе (с. 25) помещена писцовая книга 1593 г. земель Троице-Сергиевского монастыря в Угличском уезде и в ней следующее описание сельского торжка:

„С. Прилуки, на р. на Волге... да в селе-ж в Прилуках торжишко, а торгуют съезжал из сел и из деревень с мелкими товаришки по овторником, а тамгу сбирают на государя угличцкие таможники, а пятинную пошлину с лошадей и с животины явку сбирают на монастырь".

лавок выморочных 8, а приказаны те лавки беречи старосте Суботе Чадину, а оброку им платити с тех лавок с живущих в вел. князя казну в Дворцовой Приказ 20 алт. с алт., с лавки по алт., да пошлин по 7 ден., а приказан тот оброк с лавок сбирати старосте... а ровнатися им в том оброке и в лавках меж себя самим, а с пустые лавки отдавати из оброку хто похочет, а пустые места давати на лготу на год и на 2, а как лгота отойдет, и тем людям платити оброк (с) своею братью ровно.

В селе ж в Кушалине торг, а торгуют по пятницам волостные крестьяне всяким деревенским товаром, а тамгу сбирают откупные таможники Иванко Латвиновской с товарыщи, а в торгу 20 лавок, по другой стороне 9 лавок с полулавк. и всего 29 лавок с полулавкою, а оброку на них положено на год 49 алтын с денг., с лавки по 10 ден., да пошлин дворетцкого и дьячих полтретья алт., с рубля по 10 денег.

Из писцовой книги города Тулы 1587—1589 г.г.

„И всего тяглых лавок и клетей 262 л. да 32 онбара да 2 пристенца да 2 лавки пусты да 12 мест лавочных, а оброку платить с лавок в Большом Приходе по 17 рублев и по 23 алтына по 2 деньги, с лавок и с анбаров по 2 алт., а с дву пристенцов по алтыну, да пошлин с того оброку 29 алт. 3 ден., с рубля по 10 ден., а разводят торговые люди с лавок оброк

---

[1]) Писцовые книги XVI в.; изд. Рус. Геогр. О-ва. Ч. I, стр. 1077—1079. Всего принимало участие в торговле на рынке около 390 чел.; по характеру владения: по 1 торгов. помещению,— 173 лавки, 9 мест лавочных, 116 скамей и 54 проч. помещения. По 2 торг. помещения, — 20 лавок, 2 скамейки. Наконец, в совладении, — 16 лав., 3 места лав. Но из всего числа торговых помещений на рынке собственно посадским черным людям принадлежало лишь 75 из 393½ (а из числа принимавших участие в торговле, - посадских людей было около 75). 114½ помещения принадлежали ратным людям (затинщикам, пушкарям, стрельцам, казакам). 124 торг. пом., — лицам, зависевшим от служилого сословия или от церкви, а остальные, — другим группам населения; таким образом 83,91% торг. помещ. были в руках лиц не тяглых, — не

меж собя сами, смотря по человеку и по товару... В торгу ж против Мясного ряду на площади скамьи, а торгуют всяким товаром... От Мясного ряду направо скамьи, а торгуют на них хлебами и колачи и всяким товаром... Меж Месного и середнего ряду скамьи, а торгуют на них всякими мелкими товары... Лубенки москотилные по конец Болшого ряду, а торгуют москотилным товаром... И всего 118 скамей, да скамья пуста, да 5 мест скамейных. На площади ж против города шелаши естовные... И всего 13 шелашов, да 5 шелашов пустых. А оброку платити в Большом Приходе с скамей и с шелашов 3 руб. и 31 алтын, с скамьи и с шелаша по алт., да пошлин с того оброку 6 алт. полчетверты денги, с рубля по 5 ден...

Иностранцы о торговле монастырей.

I. Я был в одном из монастырей, Троицком, очень сильно укрепленном подобно замку окружающими его кирпичными стенами, с большим количеством медных пушек на стенах.

входивших в посадский мир, тянувший по разверстке „государево тягло“, т. е. определенную сумму податей и повинностей со своей торговли.

По роду торговли: случаев торговли съестными припасами 187 (мясом 71 случай, хлебными продуктами 36, солью 35, рыбой и сельдями 19, медом 17, маслом 5, солодом 4); продуктами кожев. производства 23 (кожей 12, сапогами 8, ремнями и уздами 2, подошвами 1); предметами одежды 19 (шубы и платье упоминаются в 5 случаях, сермяги в 4, сукна в 5, шапки в 2, крашенины в 2, шелк в 1 случае); железом 7 и ножами 4; горшками 8, ставцами, ложками, судами (судками?), блюдами 8; затем мылом, иконами, свечами, сергами, льном, овчинами, овчинами, хмелем, крупами и горохом, „москатиньем“, лаптями (2 случая). В одних и тех же лавках встречаются: рыба, соль, мед и отчасти масло (в 1 случ. железо и мед), но кожа и кожаные изделия, деревянная посуда, горшки, ткани и предметы одежды, мясо, железо, кожи, хлебные изделия,—продаются по отдельности. Вид товара указан лишь в $255^1/_2$ торговых помещениях, так как частью он не указан, а кроме того писцовая книга сохранилась лишь в дефектном виде. См. Т. М. Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1915.

Сами монахи сказали мне, что в монастыре 700 человек братии. Большинство земель, городов и деревень на 40 миль вокруг монастыря принадлежит ему же... В государстве много таких монастырей... Эти монахи крупные торговцы и в этом не уступят никому в России и столь же много занимаются куплей и продажей, как и какие-либо другие люди. Они владеют судами, которые плавают взад и вперед по рекам с товарами из одних мест в другие, где только кто-либо из их страны занимается торговлей [1]).

II. Монашествующих у них безчисленное множество; гораздо более, нежели в других государствах, подвластных папе. Каждый город и значительная часть всей страны ими наполнены, ибо они умели сделать (так точно, как добились того же католические монахи посредством суеверия и лицемерства), что все лучшие и приятнейшие места в государстве заняты обителями или монастырями, сооруженными во имя того или другого святого... Никто не может поступить в монастырь (кроме лиц, которых принимают по царскому повелению) иначе, как отдав ему свои поместья или принеся с собою капитал, который обязан внести в общую монастырскую казну. Одни вносят 1000 руб., другие более; но с капиталом менее 300 или 400 рублей никого не принимают... Кроме того, что монахи владеют поместьями (весьма значительными), они самые оборотливые купцы во всем государстве и торгуют всякого рода товарами. Некоторые из монастырей имеют доходу от поместьев по 1000 или по 2000 руб. в год. Один монастырь, называемый Троицким, получает от поместьев и повинностей в его пользу до 100000 руб. или марок годового дохода [2]).

---

[1]) Hakluit, I, 358. Из „Описания России“. составленного, повидимому, кем-либо из спутников Дженкинсона при посещении им Москвы в 1557 г.

[2]) Флетчер, „О государстве русском“, СПБ 1906, стр. 99—100. Был в Москве в 1588—1589 гг.

III. Монастырский устав для монашествующих обоего пола в России очень не строг; монахи — крупные торговцы ячменем, хмелем, рожью, лошадьми и всем тем, что может дать им барыш [1]).

Флетчер о мерах к обогащению царской казны имуществом подданных [2]).

Отправлять нарочных в области или княжества, где добываются особенные произведения, как-то: меха, воск, мед и проч., и там забирать и захватывать целиком какое-либо одно произведение, а иногда два или более по дешевым ценам, какие сами назначат, и потом продавать их по высокой цене как своим, так и иноземным купцам, а если они будут отказываться от покупки, то принуждать их к тому силою.

Точно также поступают, когда какое-либо прозведение туземное или иностранное (как-то: парча, тонкое сукно и проч.), захваченное царем и принятое в казну, испортится от долгого лежания или по другой причине: испорченное принуждают купцов покупать волею или неволею по цене, назначенной царем. В прошлом 1589 г. был забран весь воск в государстве, так что никто не имел права торговать им кроме царя.

Присваивать иногда таким же образом иностранные произведения, как-то: шелковые материи, сукно,

---

[1]) Коллинс. „Нынешнее состояние России". Записки Моск. Археол Инст., 1912, XV, с. 142. Коллинс с 1659 г. по 1666 г. был придворным царским врачом и написал свою книгу в форме „письма" к другу в Лондон.

[2]) Отрывок из соответствующей главы сочинения англичанина Флетчера, „О государстве русском", изданного в Лондоне в 1591 г. после совершенной Флетчером в 1588 г. поездки в Россию в качестве посла для переговоров о возобновлении отнятого в этом году у английской компании права торговли с половинной пошлиной (по жалованной грамоте царя Федора 1586 г.). Флетчер достиг своей цели и, вернувшись в Лондон, издал свою книгу. Но компания, испуганная неприкрашенным отзывом Флетчера о Московских порядках, добилась запрещения и уничтожения первого издания его книги.

свинец, жемчуг и проч., привозимое в государство купцами турецкими, армянскими, бухарскими, польскими, английскими и другими, и потом принуждать своих купцов покупать эти произведения у царских чиновников по цене, назначенной им самим.

Обращать на некоторое время в монополию произведения, вносимые в подать, и возвышать цену их, как-то: меха, хлеб, лес и проч. В продолжение этого времени никто не может продавать тот же товар до тех пор, пока не распродастся весь товар царский. Таким способом царь получает от оброчного хлеба и других припасов (как было сказано выше) около 200000 руб. или марок в год, а от оброчного леса, сена, и проч. 30000 руб. или около того.

В каждом большом городе устроен кабак или питейный дом, где продается водка (называемая здесь русским вином), мед, пиво и проч. С них царь получает оброк, простирающийся на значительную сумму: одни платят 800, другие 900, третьи 1000, а некоторые 2000 или 3000 руб. в год. Там, кроме низких и бесчестных средств к увеличению казны, совершаются многие самые низкие преступления. Бедный работник и мастеровой часто проматывают все имущество жены и детей своих. Некоторые оставляют в кабаке 20, 30, 40 руб. или более, пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят. И это делают они (по словам их) в честь господаря или царя. Вы нередко увидите людей, которые пропили с себя все и ходят голые (их называют нагими). Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода.

Из дела о приезде персидского гонца Анди-Бека и купца Али-Хосрова в 1596 г.

Бьют челом государю царю и великому князю Федору Ивановичю вс. Русии Кизылбашские земли шаховы

купчины, которые пришли к Москве с кизылбашским послом, с Анди беком вместе, с товаром, а к Москве ден едучи, оставили в Казани и в Астрахани для торговле Хозю Алея да Кемала, да Хозя Ахметя, да Хозя Махмута, да с ними людей своих, а товару с ними 600 литр шолку, 50 косяков миткалей, 4 пуды краски, 60 киндяков, 7 пуд. бумаги хлопчатые; а которые товары пошли с ними к Москве и те дей товары все в Казани и в Астрахани пересмотрены. И государь бы их пожаловал, тамги взяти не велел (помета: государь пожаловал, тамги имать не велел). Да Али Хосров да Хозя Усейн государю бьют челом о полоне немецком, чтоб государь их пожаловал, велел им, едучи в Касимов или в Казани, купити Али Хосрову 12 душ, Хозе Асану 6 душ (помета: велеть купить). Купцом про шаха купить: пансырей, 6 пуд. рыбья зубу, 10 пуд. олова, 50 пуд. свинцу, чорных лисиц, 20 душ полону (помета: купить).

...А того Юрью, едучи по городом до Казани и до Астрахани, беречи накрепко, чтоб Кизылбашской гонец Анди бек и купец Али Хостров и люди их заповедного товару, пансырей и шеломов и саадаков и сабель и ножей и новозаповедного железново товару отнюдь не покупали, опричь того, что с ними с Москвы отпущено, и тому роспись дана Юрью за приписью дияка Василья Щелкалова.

...Роспись, что пошло с Москвы с кизылбашским гонцом Анди беком и с купцом с Хосров Алеем товаров мяхкие рухляди и заповедных товаров:

120 пансырей, 15 пуд. олова, 60 пуд. свинцу, 27 сороков с полусороком соболей, 29 поставов сукна еренку, 150 юфтей телятины, 2400 гзов лошадиных, 180 лисиц красных, 14 шуб собольих пупчетых, 100 юфтей собольих пупков, 50 юфтей ролдуги, 2 сундука стекол, 4 пуда бобровой струи,... бумаги пищей, 70 (?) песцов, 2 пуда чистого воску, 3 шубы бельи хрепътовые, 7 цки лисьи красные, 3 тцки карсачьи, цки хорьковые, 200 тахилей ножей, полтора сорока

куниц, шуба собольья, шуба кунья ношеная, 7 портищь пупков собольих, 7 портищь хорьков, 30 пуд. бересты, 13000 деревец стрельных, сто юфтей пупков собольих, 5 лисиц черных, 28 зубов рыбьих, не велики [1]).

---

[1]) Памятники диплом. и торг. сношений Москов. Руси с Персией. Под ред. Н. И Веселовского. Т. I, стр. 305—311. Под полоном немецким подразумеваются пленные, захваченные во время военных действий в прибалтийских провинциях. Юрий, — Ю. Стромилов, посланный с персами в качестве провожатого. В переписке 1601 г. упоминается: „Роспись товаров кизылбашского Аббас шаха купчины Магметя, что он повез с собою с Москвы. 3 портища лисиц, 12 сороков соболей, 2 сорока соболей, 20 поставов сукон, 22 портища горностаев, 4 пуда рыбья зубу, пол-2 бочки ножей, 3 пуда слюды, 20 пуд. олова, 20 пуд. меди дощатой, 4 пуды перья пуху, 14 пуд. бересты, 12000 стружи стрельные, 150 юфтей кож телятинных красных, 2 ястреба. Да в Казани ему велено купить 30 ведр вина. Да людей его 5 человек, да девка куплена немецково полону... Да ему ж поволили есмя купить в дороге 11 душ полону немецкого в Касимове или в Казани“ (То же, т. II в „Трудах Вост. Отд. Рус. Археол. О-ва, т. XXI“; стр. 58).

III. Английский капитал во внутренней и транзитной русской торговле.

Из сочинения Клемента Адамса о первом плавании англичан в Белое море [1]).

Когда наши купцы заметили, что произведения и товары Англии находят незначительный сбыт среди соседних с нами и окружающих нас стран и народов и что те предметы торговли, которых во времена и на памяти прежних поколений ревностно разыскивали и добивались иностранцы, были теперь в пренебрежении и цена их понизилась, хотя они и отвозились нами в собственные порта иностранцев, а все иностранные товары в большом спросе и цена их поразительно поднялась, — тогда некоторые серьезные жители Лондона, люди большой мудрости и заботившиеся о благе своей страны, начали раздумывать о

---

[1]) Hakluit. „The principal navigations", I, 270 (издание 1809 г.).
Гаклюйт, английский географ (1533—1616) и ученый, известен, главным образом, своим собранием описаний совершенных англичанами путешествий и плаваний, при чем каждое такое повествование он старался сопроводить оффициальными документами и актами, жалованными грамотами, письмами и пр. Собрание Гаклюйта содержит много ценных свидетельств англичан о России XVI века. Изданное в 1589 г. в Лондоне, оно было переиздано несколько раз. Клемент Адамс, составивший на латинском языке описание путешествия Ченслэра (см. дальше), был воспитателем придворных пажей королевы Елизаветы.

средствах против этого зла. Нашлось и средство (как тогда оказалось) для удовлетворения их желания и избежания столь великого неудобства: ибо, видя, что богатство испанцев и португальцев было чудесно увеличено поисками и открытием новых стран и торговых путей, и считая, что подобный образ действий был средством и для них добиться той же цели, они поэтому решились на новое и необычное плавание. А когда в то самое время некоему Себастьяну Каботе, человеку в те дни очень прославленному, случилось быть в Лондоне, они начали прежде всего усердно советываться и сговариваться с ним и, после многих бесед и совместных совещаний, было, наконец, решено, что будут приготовлены и снаряжены три судна для поисков и открытия северной части света, чтобы проложить нашим людям путь для путешествий в новые и неведомые царства.

Письмо Генри Лэйна к почтенному Вильяму Сандерсону, содержащее краткий рассказ о том, что в исследовании северо-востока произошло в течение тридцати трех лет [1]).

Капитан Сандерсон, согласно вашей недавней просьбе я поискал и, хотя я не могу найти вещей, которые я до сих пор сохранял в записках и одолжал другим, все же просматривая в Лондоне копии моих старых писем с целью удовлетворить одного, который хочет сделать удовольствие многим, я вкратце и насколько мог правдиво написал нижеследующее. Грубая топорная работа может быть на досуге отделана вами или как захочется тому, кто не пожалеет на это труда.

Первая почтенная попытка открыть морским путем северовосток и северозапад, называемый Китаем, будучи главным образом вызвана привилегией от

---

[1]) Hakluit, I, c. 523.

короля Эдуарда VI и иным его благородством, за счет и хлопотами г. Себастиана Каботы, бывшего тогда губернатором для открытий, с сэром Эндрью Джюд, сэром Джорджем Бэрнсом, сэром Вильямом Гарардом, г. Антони Гусси и компанией купцов [1]), состоялась в последний год царствования Его Величества, 1553. Общее руководство ею было поручено некоему сэру Гюгу Уилогби, рыцарю, приятному джентльмену, сопровождаемому достаточным числом кормчих, шкиперов, купцов и моряков на трех хорошо снаряженных судах, а именно: „Благое упование", „Эдуард Благое предприятие" и „Доверие". „Эдуард Благое предприитие", имея Ричарда Чэнслера кормчим, а Стефена Бероу шкипером, открыв Вардэгус на побережье Финмаркена, отделился от остальных вследствие бури или тумана, нашел залив св. Николая, теперь главный порт России,

---

[1]) Английская торговля XVI в. велась почти исключительно торговыми компаниями. Королевской хартией 1555 г. исключительное право на торговлю с „вновь открытой" Россией и др. странами, лежащими к северо-востоку от Англии, было предоставлено только что образовавшемуся „Обществу купцов — искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых", известному более под названием Русской или Московской компании. Выборное правление общества состояло из 1 или 2 „губернаторов", 4 „консулов" и 24 „ассистентов", а ведение дел в России поручалось 2 или 3 „агентам", один из которых назывался главным агентом и которым подчинялись остальные многочисленные служащие компании в России. К агентам перешло постепенно все заведывание торговыми операциями, переговоры с царем и т. д. Свои торговые дела К-я вела на „соединенный капитал" (jointstock company), т.-е. на общий капитал с распределением прибыли соответственно числу паев. В хартии 1555 г. перечислено 191 членов, в 1565 г. их было до 400, в начале XVII в. 160, а к половине XVII в. 55.

Очень важную роль в компании играла английская знать, первые лорды королевства. С конца XVI в. во главе компании стало правление из 12 директоров, стремившихся оттеснить других и обеспечить себе узкую внутреннюю монополию. Капитал компании с 6000 ливров в 1553 г. возрос к 1564 г. до 40000 ливров, а в 1583 г. доходил до 80000 ливров (ливр = фунт стерлингов).

и перезимовал там в безопасности, получив помощь у населения деревни, называемой Ненокса.

Два других судна, пытаясь пройти далее к северу (как оказалось из записок, найденных впоследствии и написанных сэром Гугом Уилогби), были встречены в сентябре столь жестокой стужей, что они повернули обратно искать место для зимовки и, пропустив названную бухту, попали к пустынному берегу Лапландии, войдя в одну реку, немедленно после того замерзшую, впоследствии открытую и именуемую р. Арзина[1]), далеко к востоку от одного русского монастыря, называемого Печенгским, откуда они никогда не вернулись, и все, численностью до 70 человек, погибли, что случилось по недостатку уменья делать пещеры и очаги. Они были найдены вместе с кораблями на следующее лето в 1554 г. русскими рыбаками, а в 1555 г. английские купцы послали людей к этому месту, о чем будет ниже.

В 1554 г. упомянутое судно „Эдуард Благое предприятие" (хотя ограбленное на обратном пути фламандцами) вернулось со своей командой в Лондон, сообщив и разгласив о своих приключениях и открытиях стран вплоть до самого города Москвы, откуда они привезли написанную по-русски жалованную грамоту за печатью короля или великого князя, а два других судна разыскивались, но где они находились, было им неизвестно.

В 1555 г. названная компания купцов для открытий на новые средства послала туда опять два судна, а именно „Эдуард Благое предприятие" и другое, носившее имя короля и королевы, „Филипп и Мария", чьи Величества в своих письмах к упомянутому Московиту рекомендовали различных своих подданных, отплывших тогда, из которых некоторые, а именно Ричард Чэнслер, Джордж Киллингворт, Генри Лэйн и Артур Эдуардс, после своего прибытия в залив, проехав вверх

---

[1]) Такой реки нет; подразумевается, вероятно какой либо залив, принятый англичанами за устье реки.

по Двине до Вологды, отправились прежде всего в Москву, где в силу упомянутых писем они вместе со своими приближенными получили особое содержание с назначенными для них помещением и столом и вскоре были допущены к повелителю [1]).

В этом году господин Киллингворт (который пробыл в Москве агентом почти два года) был послан за двумя судами, на которых находились трупы сэра Гуга Уилогби и его людей, и много товаров и съестных припасов было найдено и спасено.

В 1556 г. компания послала в Россию два судна с усиленным числом шкиперов и матросов, чтобы отвезти в Англию два судна, замерзнувшие в Лапландии, в вышеупомянутой р. Арзина. Два судна, посланные в этом году из Англии, поплыв из Лапландии в залив св. Николая, взяли на борт груз и пассажиров, а именно русского посла, которого звали Осип Непея, и нескольких из его людей, севших вместе с Ричардом Чэнслером на „Эдуарда". Но вышло так, что два корабля, плывшие из Лапландии, пропали без вести со всеми их новыми шкиперами и матросами, сделавшись, как полагают, непрочными после двухлетней зимовки в Лапландии и в плохую погоду на бурном море пойдя ко дну, причем потонуло также несколько русских купцов и слуг посла. Третье судно, вышеупомянутый „Эдуард", наскочив на скалу у северных берегов Шотландии, тоже погибло и капитан Чэнслер утонул вместе со многими другими. Король, королева и купцы компании послали в Шотландию (посланцами были г. доктор Лоренц Гусси и другие) за упомянутым русским послом, едва избегнувшим гибели, прочими его людьми, моряками и частью спасенных товаров, а затем, как явствует из хроник, они были с честью встречены и приняты в Лондоне.

---

[1]) Далее следует пропущенное нами здесь описание аудиенции, данной англичанам.

В этом году компания снарядила и послала также „Searchthrift" в поиски гаваней на северном побережье от Норвегии до Вэрдегуса и затем до бухты св. Николая. На ней находились капитан и кормчий, Стефен Берроу со своим братом Вильямом и восемь человек других. Они исследовали далее залива, в сторону народа самоедов, живущего вблизи р. Оби, и нашли там пролив или море с островом Вайгач, ими впервые занесенным на карту. В этой местности им приходилось в августе выгребать снег лопатами из своей галеры и вследствие такой крайности и недостатка времени они вернулись в Россию и перезимовали в Холмогорах.

В 1557 г. компания с четырьмя хорошими кораблями отправила обратно упомянутого русского посла, а вместе с ним и посланного в качестве агента, с целью дальнейших открытий, капитана Антония Дженкинсона, который затем в 1558 г., пользуясь большой благосклонностью князя Московии и его грамотами, спустился по р. Волге до Казани и, намереваясь отыскать Китай сухим путем, подвергался опасности при нападениях многих отрядов и шаек диких татар, но в обществе купцов из Бактрии или Бухары и Юргема[1]), путешествуя на верблюдах, он со своими спутниками доехал до Бухары, но не дальше, — об его приеме ханом можно узнать от капитана Дженкинсона, который вернулся в Московию в 1559 г. [2]). А в 1560 г. он

---

[1]) Т. е. Хивы, которая в Московском государстве была известна под названием Юргенч.

[2]) В своем отчете английской компании Дженкинсон сообщал (Hakluit, I, 372), что „ежегодно в этот город Бухару бывает большой приток торговцев, которые путешествуют большими караванами из окрестных соседних стран, - Индии, Персии, Балха, России и разных других, а в прошлые времена и из Китая, когда проезд туда был возможен; но эти торговцы так нищи и бедны и привозят товары в столь малых количествах, для продажи и их оставаясь на два или три года, что там нет никакой надежды на какую-либо хорошую торговлю". Относительно торговли пряностями Дженкинсон пишет, что „вся последнего рода торговля направляется

вместе с Генри Лэйном прибыл обратно в Англию, каковой год был первым случаем возвращения в целости и сохранности, без потерь или кораблекрушений, без балласта вместо груза или пожаров. В это время состоялась и первая торговая поездка в Нарву в Ливонии, которая граничит с Литвой и всеми владениями России; а различные служащие были посланы по всем рынкам, ярмаркам, местам производства, большим городам и рекам, — отчеты были приняты Генри Лэйном, агентом, и пересланы компании в 1561 г. Торговля с Ригой и Ревелем с давних пор часто практиковалась в прошлом нашей английской нацией, но торговля с Нарвой была до тех пор закрыта для нас жителями Данцига и Любека.

к океану и места, где добываются все такие вещи, находятся в подчинении у Португальцев. Индусы увозят в свою очередь из Бухары обработанный шелк юфть рабов. лошадей и т. п., но каразею и другие сукна они мало ценят. Я предложил товарообмен торговцам этих стран, явившимся из отдаленнейших областей Индии, даже из Бенгалии и с берегов Ганга, предлагая им каразеи за их вещи, но они не захотели менять на такой товар, как сукно.

Персы привозят туда краску, шерстяные ткани, льняные ткани, разного рода шелковую окрашенную пряжу, аргамаков и т. п., а оттуда вывозят юфть и другие русские товары, а также рабов, попадающих из разных стран, но никаких тканей они не хотят покупать. потому что они сами привозят их туда, а к ним их доставляют, как я узнал. из Алеппо в Сирии и из турецких областей. Русские привозят в Бухару юфть, овчины, различные шерстяные ткани, деревянную посуду, уздечки, седла, и т. п., а увозят оттуда разного рода хлопчато бумажные изделия, различные шелка, краски и другие предметы, но эти обороты лишь небольших размеров“. Что же касается до торговли с Персией через Шемаху и Астрахань, то Дженкинсон упоминает о „незначительности оборотов и малой прибыли“ и называет „эту торговлю ничтожною“ по сравнению с персидским вывозом через Сирию.

„В Астрахани были купцы из Шемахи, которым я предложил вступить в обмен, давая им каразеи за их товары, но они не захотели, говоря, что они могли иметь их в своей стран по той же цене, по какой я предложил им, т.-е. по 6 рублей за каразею, которые я спросил с них; а когда я был в Бухаре, туда привозились из Персии ткани и др. товары из наших стран, которые продавалась по той же цене, по которой я мог продавать наши“.

В 1561 г. упомянутый кап. Антоний Дженкинсон отправился морем в Россию и в следующем году, проехав по всей реке Волге до Астрахани и через Каспийское море, прибыл в Персию и открыл торговые сообщения с нею [1]).

---

[1]) Из инструкции, данной компанией Дженкинсону: „добудьте от названного шаха или других принцев жалованные грамоты на привилегии или охранные грамоты возможно более широкого и выгодного содержания для прочного утверждения, поддержания и продолжения в будущем нашей торговли в тех краях, — не только на свободную продажу во всех пределах его владений таких товаров, которые мы посылаем туда, но также на покупку и вывоз всякого рода любых товаров, пригодных для наших целей и пользы в пределах его владений, а также на свободный проезд для нас во всякое время и столь часто, как мы пожелаем, с нашими товарами и изделиями в любую область Индии или других прилегающих стран, а равным образом и на обратное возвращение через его владения в Россию или куда бы то ни было". (Hakluit, I, 383). В своем отчете о поездке Дженкинсон писал, что в разговоре с „королем Ширвана" (часть Персии, включавшая и Азербайджан) на вопрос последнего, дружны ли англичане с турками, воевавшими тогда с шахом, „я ответил, что мы никогда не были в дружбе с ними и что поэтому они не позволили бы нам проезжать через их страну во владения шаха, но что есть народ, именуемый венецианцами, не очень далеко от нас, находящийся в тесном союзе с упомянутым Турком и торгующий в его владениях нашими произведениями, преимущественно для обмена их на шелк-сырец, который, как мы полагаем, поступает отсюда; и что если бы упомянутый шах и другие принцы той страны соблаговолили допустить наших купцов торговать в их владениях и предоставили бы нам паспорта и безопасный проезд в них, как упомянутый Турок пожаловал тем венецианцам, то я нисколько не сомневаюсь, что это повело бы к такому росту торговли, прибыльной для них, подобного которому до сих пор никогда не бывало, и что они были бы обеспечены как получением наших товаров, так и сбытом своих, хотя бы Турок никогда и не появлялся в их стране; и многими другими словами я убеждал об учреждении торговли. Это чрезвычайно понравилось этому королю, когда он понял, в чем дело", и он снабдил Дженкинсона письмом к шаху. Надежды Дженкинсона не оправдались, „потому что, по прибытии турецкого посла и заключении мира, бывшие там в то время турецкие купцы заявили упомянутому послу, что мой приезд туда (они называли меня франком) подорвал бы в значительной степени их торговлю и что хорошо было бы, если бы он убедил шаха не оказывать мне благоволения, так как ведь его высочество

Вслед за капит. Дженкинсоном между 1568 и 1573 гг. сделали также несколько путешествий Томас Алькок, Артур Эдвардс, кап. Томас Бэнистер и кап. Джефри Докет, возвращение которых (если бы не помешало разграбление на Волге разбойничавшими ворами) совершенно покрыло бы и вознаградило большие потери, издержки и убытки компании (именуемой старой компаней). Но права пословица: в единении малое становится большим, а в раздорах большое делается малым. Лучше всех может понять это компания. Своевольство нескольких немногих людей и злоупотребления некоторых нечестных агентов послужили причиной многих неудач.

Артур Эдвардс был опять послан в 1579 г. и во время путешествия умер в Астрахани. Говоря обо всем этом, следует не забывать о поездках послом г. Томаса Рандольфа в 1567 г. и, недавно, сэра Джерома Боуса в 1583 г., оба которых стремились вести переговоры насчет дальнейших открытий, вольностей и привиллегий, чего я не касаюсь. Но в заключение, за их труды и испытания на этом пути (подобно тому как другие делают это теперь другими путями), в качестве посланных владетельными особами достойных джентльменов, с целью способствовать благу их страны, я напоминаю вам о них с моим прощальным сердечным приветом. Сен-Маргаретс вблизи Дэртфорта в Кенте. *Ваш Генри Лэйн.*

намеревался сохранить союз и дружбу со своим повелителем, великим Турком, каковую просьбу турецких купцов упомянутый посол усердно поддержал“ (Hakluit, I, 390).

Дженкинсону не удалось получить от шаха жалованной грамоты для английской компании, но зато Абдулла-хан дал ему привилегию на беспрепятственное пребывание в его владениях (Ширване и Гиркании) английских купцов и их факторов и на безпошлинную торговлю,—покупку, продажу и вывоз любых товаров. „И каждый раз, когда упомянутые английские купцы или их факторы привезут какие-либо товары, пригодные для нашей казны, наш казначей будет брать названные товары в нашу казну, а английским купцам давать или наличных денег, или шелка—сырца на сумму их упомянутых товаров“.

Из письма английской компании своим агентам в России, 1557 г.[1]),

Пусть главным грузом этих четырех судов будет преимущественно воск, лен, говяжье сало и ворвань. А если товаров будет больше, чем эти суда смогут поднять, то оставьте до следующего плавания все то, что имеет наименьшую ценность при наибольшем объеме потому что мы намерены придерживаться главным образом таких товаров, как воск, веревки и канаты, ворвань, лен и некоторое количество льняной пряжи. Что же касается мачт, смолы, пеньки, перьев и другого тому подобного, то принимая во внимание наш дорогой фрахт, они не окупят расходов. Мы послали вам скорняка, с оплатой на наш счет пищи, напитков и квартиры во время его пребывания там, для приискания и осмотра таких мехов, которые вам надлежит приторговывать или покупать, но не думая, однако, об обременении себя многими, за исключением наиболее легко сбываемых, как куницы, сибирские белки и выдры. Этих последних вы можете послать нам множество, если они будут хорошего качества и по умеренной цене. Что же касается соболей и других дорогих мехов, то они не каждому по карману и поэтому посылайте поменьше, полагаясь в этом отношении отчасти на усмотрение скорняка.

Мы слышали, что в Росси и Татарии очень много стали и хотим, чтобы вы прислали нам немного для образца, написав нам ваше мнение о том, какое количество ее следует приобрести, потому что по слышанным нами рассказам ее там очень много и татарская сталь лучше русской. До нашего сведения дошло также, что во владениях царя очень много меди и мы хотели бы удостовериться, в каком обилии она имеется и в каком виде, плитами ли или же круглыми плосками кусками; пошлите нам немного для образца.

---

[1]) Hakluit, I, стр. 331.

Нам хотелось бы также, чтобы вы сообщили нам достоверные сведения, какого рода шерстяные сукна люди из Риги и Ревеля, а также поляки и латыши привозят в Россию, и послали бы образчики их с куском кромки и полным описанием длины и ширины, окрасок и цен и указанием, должны ли они быть прессованными или нет и какое количество их может быть сбыто в течение одного года, чтобы мы могли заготовить для них подобные же сорта; а так же и о всех других фламандских товарах, которые доставляются ими туда и находят там наибольший сбыт. Поставьте нас так же в известность, будут ли наши сукна находить себе там сбыт или нет и следует ли их вытягивать и подрезывать, потому что нередко они уходят в неотделанном виде.

Сверх того, мы хотим, чтобы вы послали нам образчики всякого произведения той страны, но в небольшом количестве за исключением тех, о которых говорилось выше, а так же и всех сортов кожи, о которой мы осведомлены, что ее имеются там большие запасы, ежегодно покупаемые прибалтийцами и голландцами для верхней Аллемании и Германии... Узнав, что там имеется большое количество товаров, заготовленных царем для торговли с нами, мы склонили посла к тому чтобы вы смогли получить в кредит такое количество, которое вы признаете нужным получить для нашей выгоды. Если вы при его помощи или иначе добьетесь кредита, мы хотим, чтобы вы закупили главным образом столько воска, сколько сможете получить, потому что, если в той стране его так много, как нам сообщали, то это будет лучшим товаром, который мы только можем иметь, так как заполучив его всецело в свои руки, мы можем снабжать нашу собственную и другие страны.

Поэтому, видя намерения царя, чтобы такие товары, которые имеются в его владениях, не направлялись как прежде в Ригу, Ревель и Польшу, но были бы сохранены для нас, мы должны устроить так, чтобы

они не оставались лежать на руках тех, кто их продает, всегда считаясь с ценой и с временем, соответственно нашей ближайшей отправке... Так как мы полагаем также, что из Москвы всегда будет лучше доставлять нам письма сухим путем, то мы желаем, чтобы время от времени, при подходящих случаях, наши агенты писали тому, кто будет оставаться в Москве, обо всем случившемся и он мог бы давать нам подробные указания, как о проданном и купленном, так и о том, какой груз мы примем и какого рода товары и в каком количестве мы должны послать. Потому что до сих пор мы получили лишь незначительный список, более похожий на счет для мелочного торговца, чем на количество товаров для снабжения государства. Мы же должны обеспечить себе сбыт для порядочного количества товаров, особенно для произведений нашей страны, хотя бы нам пришлось понести значительные расходы с целью отбить охоту у других, торговавших там, и таким образом заставить ценить нас самих и наши произведения, а равно и обеспечить получение в наши руки главных произведений той страны, как воск и т. п., чтобы другие нации могли снабжаться нами и из наших рук. Потому что мы знаем, что крупнейшее количество воска, привозимого в Данциг, Любек и Гамбург, поступает из России. А поэтому, если бы часть закупили мы, а часть они, то это подняло бы тамошние цены и мало чего стоило бы здесь. И все такие письма важного и секретного содержания о товарах или иные, посылаемые вами сухим путем, вы должны писать шифром, соответственно системе в книге, посланной вам с кораблями... Если так же царь пожелает вручить вам какую-либо сумму денег или хороший воск по столь же умеренной цене, по которой вы можете купить за наличные деньги, мы желаем, чтобы вы взяли и погрузили это в наш счет в качестве нашего предприятия, а ему будет уплочено при возвращении судов бархатами, сатинами или каким-либо другим сортом шелка, мате-

рией тканой золотом, парчей или же соответственно тому, что он пошлет на комиссию с нашими кораблями и тем образчикам, которые он пришлет. Мы теперь в последнее время находим посла не столь склонным к доводам разума, как мы полагали его найти. Он очень недоверчив и полагает, что каждый намеревается его обмануть. Поэтому вам надо принять предосторожности в делах с ним или ему подобными, заключать точные сделки и совершать их письменно, потому что это хитрый народ и не всегда говорит правду, считая и других людей за себе подобных. Поэтому мы не хотим, чтобы кто-нибудь из них посылал когда-либо товары на наших судах или ехал в качестве пассажира, разве что царь заключит сделку с вами, как было уже сказано, от своего собственного имени.

Мы предписываем вам также не позволять никому из наших соотечественников посылать какие-либо товары их женам или друзьям ни с одним из наших судов, а брать от них там деньги для уплаты здесь компанией и не иначе; относитесь также со вниманием к тому, по какому курсу вы принимаете рубль, потому что хотя мы оцениваем его в 16 шиллингов 8 пенсов на наши деньги, но он не стоит более 12 или 13 шиллингов.

Из письма А. Эдвардса о персидской торговле, 1566 г.

Шах спросил меня, в состоянии ли вы[1]) доставлять к нему ежегодно 100000 штук каразеи и сукон. А я отвечал ему, сказав, что ваши милости смогут снабжать его страну двумя стами тысяч. Его величество обрадовалось этому, потому что в прошлом году турецкий посол, как мне многие говорили, привел шаха в отчаяние, сказав, что султан не позволит привозить в его страну никаких тканей.

[1]) Т. е. торговавшая с Россией английская компания, которой было адресовано это письмо и агентом которой был Эдварс.

В Сирии есть город Алеппо, в котором постоянно проживает много венецианцев, не считая других, которые ежегодно являются и покупают там шерсть, чернильный орешек, сало, шафран, кожи, хлопок, другие товары и большие запасы пряностей. Армяне же ежегодно получают из рук венецианцев каразею в обмен на шелк-сырец...

Армяне и прочие желают вступить с нами в обмен, предлагая шелк за каразею, а также хотят снабжать нас всякого рода пряностями, после того, как мы достаточно оповестили их, чтобы они доставали пряности из Индии, и намерены передавать их нам в Шемахе... Я не сомневаюсь, что с пряностями будут хорошие дела и прибыль, а в свое время и с москотильными и т. п. товарами...

Вступить в торговые сделки с вами хочет и сам шах, который даст деньги, шелк и другие товары по нашему желанию, а брать будет те наши товары, которыми мы можем снабдить его, при чем он сам хочет, чтобы я привез такие товары, на которых мы могли бы получить у него прибыль. По слухам и как я сам замечаю, армяне привозят из Алеппо ежегодно по четыре, пяти и шести тысяч штук каразей и сукон, кроме того, что привозят прочие люди. Если бы ваши милости могли найти и обеспечить сбыт или продажу для шелка-сырца и крашеного шелка, кроме других сортов шелка, обработанного и сделанного здесь, на котором можно бы было получить прибыль, тогда вы могли бы посылать сюда большое количество товаров. Но я опасаюсь, что вам помешают венецианцы, если они смогут, так как я знаю, что их огорчит ваша торговля в этих местах, потому что в короткий промежуток времени это начисто изменит их торговлю и помешает продаже их тканей в Алеппо и других окрестных местностях. Надо вам знать, что нагрузка одного мула равна 60 батманам шелка, а говорят, что одна армянская деревня ежегодно отправляет от 400 до 500 мулов, нагруженных шелком, в Алеппо, оттуда

же приводит 800 или 1000 мулов, навьюченных каразеями и венецианскими тканями. А 18 штук каразеи составляют нагрузку мула.

... Кроме того, вам следует знать, что когда я в последний раз был в присутствии шаха, мне было сказано, что мистер Антоний Дженкинсон предложил забирать весь шелк-сырец в этих областях, доставляя взамен сукна и др. товары. Уверяю вас, что в тех областях можно получить до трех или четырех тысяч лошадиных грузов, не считая шелка из Grosin[1]), а каждый лошадиный груз от 50 до 60 батманов. По временам шелк высылается из этих мест в большом изобилии, а именно от 400 до 500 лошадиных грузов сразу турками, которые привозят большие количества серебра для чеканки, а именно в талеры по 10 шахов штука. Венгерский дукат ценится в 12 шахов. Имея же деньги наготове в надлежащее время года, они покупают шелк гораздо дешевле, когда сельское население привозит его впервые на продажу [2]).

---

[1]) Повидимому, какая либо из подвластных в то время Персии областей Кавказа; возможно, — Грузия.

[2]) Hakluit, I. 401. Письмо написано Эдвардсом из Шемахи на обратном пути из его первой (но уже третьей по счету для компании) поездки в Персию. В другом письме от 16 июня 1567 г. из Астрахани он сообщает содержание привилегии, которой ему удалось добиться от шаха:

„1. Во-первых, вы пожалованы свободой от платежа каких бы то ни было пошлин и ярмарочных или дорожных сборов как в настоящее время, так и впредь и при преемниках шаха. И все английские купцы, которых вы назначите теперь или впредь, будут иметь право на проезд туда и обратно во все области его владений и других прилегающих стран по торговым делам для покупки и продажи всякого рода изделий от кого бы и кому бы то ни было.

2. Во вторых, во всех тех местах, где кто-либо из наших купцов будет проживать или которые он будет посещать, главные губернаторы, правители и судьи шаха должны оберегать нас, будучи поддержкой и защитой для нас против всех злонамеренных лиц и наказывая тех, кто причинит нам какое-либо зло.

3. В-третьих, во всех тех долгах, которые будут числиться на ком бы то ни было, с ответчиком будет поступленно по справедливости и нам заплачено в надлежащий день.

Из письма Р. Уильса о выгодах англо-персидской торговли через Россию [1]).

Удобства, которые купцы могут иметь от этой торговли с Персией, считаются большими и могут современем превзойти, может быть, торговлю португальцев с Ост-Индией, поскольку по пути из Персии в Англию обратная поездка может быть сделана по одному разу ежегодно, тогда как португальцы совершают обратное путешествие из Калькутты только раз в два года путем долгой и опасной поездки все время морем. Потому что, хотя город и остров Ормуз, расположенные в Персидском заливе, являются наиболее прославленным городским рынком всей Ост-Индии,

---

4. В-четвертых, никто, какого бы звания или состояния он ни был, не должен дерзать взять какой-либо товар или дары без всякого позволения или добровольного согласия.

5. В-пятых, если в случайной ссоре кто-либо из наших купцов или слуг, от чего боже сохрани, убьет кого-либо из его подданных, то ничего из ваших товаров не будет тронуто и никто кроме обидчика не будет замешан в этом деле, по которому будет оказана истинная справедливость, и никто из нас не пострадает без ведома и постановления шаха.

6. В-шестых, все образовавшиеся в настоящее время, а также и будущие долги подлежат уплате кому-либо из нас в случае отсутствия другого, независимо от того, жив ли или умер ответчик.

7. В-седьмых, никто не может вернуть обратно каких-либо товаров, которые были уже куплены или проданы.

8. В-восьмых, когда с божьей помощью наши товары прибудут к берегу, то люди шаха должны сейчас же помочь нам выгрузить их на сушу" (стр. 406).

В следующем году грамота была дополнена: английское имущество при кораблекрушениях охраняется и возвращается, как и имущество умершего купца передается кому-либо из англичан; разрешается наем верблюдов и погонщиков, которым запрещается нарушать договор; англичане могут в любом месте строить или нанимать дома; воспрещается вредить их караванам, а власти обязаны давать им конвойных (стр. 442).

[1]) „Из записок о четвертом путешествии в Персию, начатом в июле месяце 1568 г., составленных Ричардом Уильсом со слов Артура Эдвардса" (Hakluit, I, 440).

Четвертая торговая экспедиция в Персию была предпринята по поручению английской Московской компании пятью ее агентами.

куда свозятся все индийские товары, но они же могут быть в более короткий срок и с большей безопасностью доставлены сушей и реками через Персию вплоть до самого Каспийского моря, а оттуда через область России или Московии по рекам до города Ярославля и затем сухим путем 180 миль до Вологды, а оттуда опять сплошь морем уже до самой Англии.

Предметы торговли, которые в обмен на товары, можно получать из Персии — шелк всех сортов окраски, как сырец, так и пряжа, а также всевозможные пряности и москотильные товары, жемчуг и драгоценные камни, равно как и ковры разного рода вместе с различными другими дорогими товарами. По словам тех, кто недавно вернулся из Персии, там в любой какой-нибудь персидский город привозится больше шелка, чем сукна в город Лондон.

Жалованная грамота, данная Иваном Грозным английской компании в 1569 г. [1]

Так как наша сестра Елизавета, божией милостью королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры, написала нам грамоты о своих купцах, которые

[1] Hakluit, I, 424 Сохранилась лишь в английском переводе, размеченной по пунктам. Вступление и титул нами выпущены. Первая полученная англичанами привилегия 1555 г. погибла в багаже русского посла при кораблекрушении у берегов Англии и поэтому вопрос о содержании ее спорный. Текст ее, напечатанный у Hakluit'a (I, 295), академик Гамель считал подложным и, ссылаясь на найденный им в Англии документ, приводил свой („Англичане в России", с. 225), оспариваемый в свою очередь И. Любименко в ее книге (изд. 1917 г., с. 37). Повидимому, англичане получили право торговать беспошлинно по всей России с правом свободного въезда и выезда из нее, пользоваться помощью русских властей, получать обратно спасенное или найденное при кораблекрушениях имущество с их кораблей и владеть подаренным им царем домом в Москве. В ответ на эту жалованную грамоту Англия обещала свободу торговли и королевское покровительство русским купцам, возвращение товаров при кораблекрушениях, скорый и милостивый суд верховного канцлера в спорных делах и свободный пропуск в Россию мастеров и реме-

домогались, чтобы мы пожаловали купцов, принадлежащих к одной компании, и дали им свободу приезжать для торговых дел в нашей державе в Холмогоры, в Двинскую область, в наш великий город Москву и во все города наших владений, а через наше государство в Бухару, Персию, Казбин и Чардэй[1]) и во все другие страны:

1) Мы, Иван Васильевич, царь и великий князь всея Руси (ради нашей сестры Елизаветы, королевы Англии) пожаловали английских купцов: губернаторов, консулов, ассистентов и членов (далее следует перечисление 34 фамилий)... и всех остальных участников их компании, также и их преемников и уполномоченных, приезжать на кораблях и других судах в наше государство, в Холмогоры и на Двину и во все северные области, которые принадлежат теперь или будут принадлежать нам когда-либо впоследствии, морем, рекою или сухим путем, а также в наш великий город Москву, во все города нашего государства, в Казань и Астрахань, Новгород Великий, Псков

сленников. Право английских купцов на транзитную торговлю с Персией было оговорено впервые в жал. грамоте 1567 г., известной лишь в английском переводе (Hakluit, I, 418). В ней уже имелись в более кратком виде п. п. 1 — 8 грамоты 1569 г. (число русских дворников 2 в Москве и 1—3 вне ее); нет упоминания о ежегодности персидских поездок (п. 2) но зато оговорено право, помимо оптовой торговли, „продавать свои собственные товары в розницу в своем собственном доме“ русским и иноземцам. Сказанное в п. 12 о высылке людей ограничено условием: „без товаров“. Вместо п. п. 13—23 говорится лишь, что в торговых делах англичан судят беспристрастно в Москве „наши дьяки“, а местные власти,— лишь в случае торгового процесса в провинции, что применяется жребий и не взимается судебная пошлина. В тексте, соответствующем п. п. 27 и 29, не упоминается о Нарве и Юрьеве, а конфискация производится всецело в пользу царя. Все остальное содержание грамоты 1569 г. отсутствует в 1567 г. Сравнение этих и последующих грамот царей Федора и Бориса указывает место, занимаемое грамотой 1569 г. в истории развития английских привилегий.

[1]) Вероятно, — Чарджуй; это название употреблялось вообще для обозначения Самаркандской области.

и Лифляндию, Юрьев, Нарву и все другие города Лифляндии;

2) и проезжать через нашу страну в Бухару, Персию, Казбин, Чардэй и другие государства: и куда бы они ни пришли, там жить и пребывать свободно, а также вступать в меновые и торговые сделки на все продажные товары свободно и беспошлинно со всеми людьми и какими бы то ни было чужеземными купцами.

Если же они привезут какие-либо тонкие изделия из Англии или какого-нибудь другого государства, из Бухары, Персии, Казбина или какого-либо иного места, а также те их товары, которые ввозятся через Нарву или другое какое-либо место в наши владения, то надлежит доставлять эти товары в нашу казну, а нашим казначеям осматривать эти товары и брать из них в нашу казну такие, которые будут нам нужны. А все такие товары, в которых мы не будем нуждаться, наш дьяк вернет обратно; после же осмотра нашими дьяками пусть меняют их свободно кому они хотят, не продавая ничего из их товаров, нужных для нас, прежде, чем наш дьяк осмотрел их. А о всех других грубых и тяжелых товарах, не доставленных в Москву, которые будут нужны для нашего употребления, следует заявить и сказать нашему дьяку и дать список с указанием названий и количества оставленного там, не привезенного в Москву, и тогда, если нам не понадобятся указанные товары, английские купцы, их служащие и факторы могут сопровождать свои товары кратчайшим путем в Устюг Великий и затем в Холмогоры или в другое какое-либо место по их желанию, чтобы там менять и продавать их. Но тех товаров, которые будут нужны нашей казне, они не должны ни в коем случае скрывать от нас.

А когда наши дьяки пошлют нашу благодеть[1]) с упомянутыми купцами или их факторами, они дол-

[1]) Т. к. грамота публикуется в русском переводе впервые, то перевод сделан с соблюдением по возможности всех мельчайших

жны взять нашу благодеть с собой и продавать и менять за такие товары, которые будут пригодны для нашей казны, и вернуть их в нашу казну.

А когда мы пошлем какую-либо благодеть в Англию, тогда наш канцлер должен предупредить их за год вперед, чтобы они могли соответственно приготовить свои суда и чтобы, погрузив наши товары, они не оставили позади себя своих собственных.

И ежегодно, при своем отправлении в Персию, они должны брать с собою нашу благодеть.

Английские купцы не должны принимать или подделывать никаких товаров нашего народа, ни менять их, ни продавать каким бы то ни было образом; точно так же люди нашего народа не должны менять для упомянутых английских купцов или вести для них дела.

3) Когда же они прибудут в наши царства Казанское и Астраханское и другие места наших владений, наши наместники Казани и Астрахани и наши власти должны спокойно пропустить их, не взимая никаких сборов или пошлин с их товаров и даже не осматривая их.

А когда мы и не пошлем с ними никакой благодети, надлежит все же позволить им свободно проследовать, не осматривая их товаров и не взимая какого бы то ни было рода пошлин. Если же какой-либо английский купец будет совершать сделку с нашими купцами или факторами, товар за товар, то пусть меняют их беспрепятственно.

Если же кто-либо из их купцов или факторов будет продавать их товары в их московском доме, который я пожаловал им у св. Максима в Москве, то пусть они продают товары нашим людям или чужеземцам так,

---

особенностей английского текста. Слово „благодеть“ или „бологодеть“ употреблялось обычно для обозначения посланных с частными купцами или послами царских товаров, продать которые им поручалось (в англ. тексте слово „adventure“, т.-е. буквально „приключение)“.

как им будет выгодней, имея в своем доме аршины, меры и весы с клеймами.

4) Мы пожаловали им упомянутый дом у св. Максима даром и беспошлинно, как до сих пор мы жаловали этим упомянутых английских купцов, сэра Вильяма Гарарда и компанию, с правом содержания в названном доме одного дворника русского и двух русских слуг или нескольких из числа их собственных земляков, но никаких других русских, кроме вышеупомянутых. Упомянутые же дворники, которые будут проживать с английскими купцами в их доме, не могут ни покупать, ни продавать для них никаких товаров, но пусть лишь сами упомянутые купцы или их факторы продают, покупают и меняют их собственные товары; а нашим московским купцам не принимать товаров упомянутых англичан для продажи в наших городах и не покупать для них никаких товаров, а также и английским купцам не выдавать за свои каких либо русских товаров в каком-либо городе.

5) Любой же из английских купцов, который будет продавать свои товары в Холмогорах, Двине, Вологде, Ярославле, Костроме, Нижнем-Новгороде, Казани, Астрахани, Новгороде Великом, Пскове, Нарве, Юрьеве или любом другом городе, пусть продает там свои товары беспрепятственно; и со всех товаров как других стран, так и русских, ни власти, ни другие лица не должны ни брать каких-либо пошлин, ни задерживать их каким-либо образом где бы то ни было, ни взимать с них каких-либо сборов за какие бы то ни было их товары.

6) Если же какой-нибудь купец приторгует или купит какие-либо товары у английских купцов, то этот русский должен не возвращать эти товары обратно в руки купцов, а заплатить наличными за эти товары, а иначе они могут требовать судебного удовлетворения и со всею скоростью привести закон в исполнение по отношению к этому лицу. Когда же английские купцы или факторы поедут из Москвы, покончив

со своими товарами и делами, они должны являться к нашим дьякам; какие бы их товары ни были отправляемы из Москвы, они не должны показывать этих товаров кому-либо из наших властей или платить где бы то ни было какие-либо сборы и пошлины.

7) Буде же с английскими купцами случится какое-либо крушение и корабли будут занесены в какой-либо порт наших владений, нам надлежит приказать разузнать об этих товарах, отыскать их и передать английским купцам, которые будут в то время проживать в нашем государстве, факторам, служащим или уполномоченным вышеупомянутой компании, которой мы жалуем эту нашу милостивую грамоту.

Если же никому из английских купцов, факторов, служащих или уполномоченных не случится быть в это время в наших государствах, то мы повелим разыскать все упомянутые товары и поместить в каком-нибудь подходящем месте, а когда кто-либо из вышеупомянутой компании, привезя эти наши грамоты, явится за ее товарами, мы повелим вернуть им их товары.

8) Равным образом пожаловали мы английским купцам, их губернаторам, консулам и ассистентам, а именно сэру Вильяму Гарарду, рыцарю, Роланду Говарду и компании, позволение строить дома в Вологде, Холмогорах и на побережье, в Ивангороде, Кореле и во всех других местах наших владений, как окажется нужным для их торговли. А им держать в упомянутом доме одного дворника, русского, и двух или трех людей смотреть за их товарами в упомянутых домах; они, их факторы или уполномоченные могут продавать их, кому они хотят, упомянутый же дворник не может ни покупать, ни продавать для них.

9) Также пожаловали мы английских купцов тем, что их дом, который они, по милости нашей, имеют у св. Максима в земщине и другие их дома в земских городах, построенные для лучшего сохранения их товаров и все такие, которые будут построены ими впредь,

будут принадлежать к опричине и мы доведем о них до сведения всех из опричины.

10) А так как, по милости нашей, мы пожаловали им канатный двор в Вологде, находящийся вдалеке от дома английских купцов, то теперь мы предоставляем им построить дом для этой цели рядом с упомянутым английским домом и жалуем им (по милости нашей) землю в 180 саженей длиной и 50 саженей шириной, согласно их собственной просьбе.

11) Также пожаловали мы, по милости нашей, английским купцам позволение выстроить дом в Вычегде и искать там залежи железа, а там, где они удачно найдут его, построить дома для выделки этого железа. А для выделки его пожаловали мы им, по милости нашей, леса на пять или шесть миль в окружности упомянутых домов, для выделки упомянутого железа, но без нарушения этих границ и пределов и не основывая никаких деревень или ферм там, где они станут рубить упомянутые леса, привозя из своей собственной страны мастеров для выделки своего железа и обучения нашего народа этому искусству и так свободно пользуясь упомянутым железом в этих наших владениях, а равно перевозя часть его на родину в Англию, с обложением каждого фунта одной деньгой или полпенни.

12) Если же некоторая часть упомянутого железа понадобится для наших работ, то мы можем брать из упомянутого железа на наши работы, по соглашению о цене выплачивая за него деньги из нашей казны; а когда упомянутые английские купцы или факторы станут посылать своих собственных людей из нашей державы в их государство сухим путем через какую бы то ни было страну, то посылать их беспрепятственно с нашей грамотой.

13) Также пожаловали мы, по милости нашей, что если кто-либо будет дурно обращатьея с упомянутыми англичанами, факторами или служащими, или же упомянутые английские купцы, их факторы или слу-

жащие оскорбят кого-нибудь другого в Московии или ином каком-либо городе, где бы то ни было в пределах наших владений, при торговле товарами или иным образом, то тогда им предоставляется во всех таких делах иметь правый суд нашего опричного совета без всяких помех или промедлений, а если наше правосудие не примирит сторон, то тогда следует бросить жребий и в чью пользу жребий выпадет, тот и будет признан правым; и что только наш совет в Москве может давать судебное решение в чем-либо относительно английских купцов, но никто из наших наместников или властей или должностных лиц (our Captaines, or authorised people, or officers) в каких-либо других наших городах.

14) Если также какой-либо иноземец будет иметь тяжбу с каким-нибудь английским купцом, фактором или слугой, проживающим в пределах этих наших владений, или наоборот какой-либо английский купец, фактор или слуга против какого-нибудь другого иноземца, то во всех этих случаях наш опричный[1]) совет должен оказывать им правосудие и привести стороны к соглашению и окончанию, без всякого промедления; и никто в это не вступается, кроме нашего опричного совета.

15) А если кто-либо возбудит дело против какого-нибудь отсутствующего английского купца, то тогда в его отсутствие любой другой англичанин по доверенности от него вправе выступать в его деле.

16) Если случится, что какой-нибудь англичанин будет поранен или избит до смерти; или какой-либо русский или иноземец заколот или избит;

17) или какие-либо краденые вещи будут найдены в упомянутых английских домах, то тогда наши советники должны приказать розыскать виновных лиц и оказать правосудие по делу, а виновная сторона, если она заслуживает наказания, наказывается соответственно

[1]) В английском тексте: our Counsaile of the Opressini.

преступлению, чтобы упомянутые английские купцы, факторы и слуги не подвергнулись вследствие этого никаким помехам или убыткам.

18) А если какой бы то ни было английский купец, фактор, слуга или уполномоченный будет виновен в каком-либо проступке, заслуживающем нашего неудовольствия, то тогда наши советники заставят виновных представить поручителей за себя, а их имущество опечатывается и хранится до тех пор, пока не станет известна наша воля, а наш совет должен рассмотреть их проступок и затем доложить нам о нем, чтобы мы могли приказать, что следует сделать по этому делу, но никто другой, из невиновных в этом проступке, не подлежит ни аресту или опечатанию его имущества, ни задержанию или тюремному заключению за это в пределах какого-либо из наших владений.

19) Если кто-либо из английских купцов, факторов или служащих совершит преступление, их агент имеет законное право совершить правосудие над упомянутым лицом или же отослать его на родину в Англию, смотря по своему желанию.

20) Если кто-либо из английских купцов, факторов или слуг одолжил или впредь одолжит деньги кому-нибудь из нашего народа или даст ему в кредит товары, а затем отправится в какую-нибудь чужеземную страну или умрет ранее наступления срока уплаты долга, то тогда наши люди и купцы должны заплатить упомянутый долг тому, кому будет назначено, в указанный срок или на указанную сумму, а упомянутый английский купец, фактор или слуга должен предъявить в наш совет свою долговую расписку, чтобы показать, что подлежит уплате и какая сумма следует им за какие-либо товары, и это надлежит делать правдиво, ни копейки не прибавляя к сумме долга, а наш совет прикажет незамедлительно уплатить долг английскому купцу, фактору или слуге.

21) Если же какой бы то ни было английский купец будет арестован за долг, то наш совет тогда

прикажет передать арестованного агенту и если у него нет поручителей, то вместе с ним возьмет подписку и с агента для придания обязательству большей силы.

А если какой-либо англичанин задолжает, мы желаем, чтобы кредитор не ввергал его в тюрьму или не передавал его приставу из опасения, что власти упустят его, но чтобы взял товары в залог долга.

22) По милости нашей пожаловали мы также английских купцов посылкой нашего указа по всем нашим городам, наместникам и властям защищать и охранять упомянутых купцов от всех воров, грабителей и злонамеренных людей.

23) Если по дороге в наши владения или на обратном пути купцы, факторы или слуги будут ограблены на море, наш совет разошлет наши грамоты и велит разыскивать их, и где товары найдутся, заставит вернуть их обратно, а виновный будет наказан соответственно нашему приказанию.

24) Мы пожаловали также, по милости нашей, упомянутых купцов принимать на службу маклеров, упаковщиков, дорожных и т. п. работников, которые им понадобятся, платя за наших, как они и работники сговорятся.

25) Равным образом, по милости нашей, дали мы английским купцам привилегию в городах наших Москве, Новгороде Великом и Пскове, чтобы монетчики указанных городов плавили бы талеры и чеканили бы для них монету беспошлинно, взимая плату за уголь и другие необходимые вещи, а также за работу.

26) Пожаловали мы, также по милости нашей, названных английских купцов правом пользоваться, в случаях нужды, ямскими лошадьми, но не иначе, как оставляя нашим должностным лицам расписку, сколько они взяли, ни в каком случае не чиня помех или убытков нашей казне.

27) Ради нашей сестры, королевы Елизаветы, пожаловали мы также, по милости нашей, вышеперечисленным купцам и их преемникам эту нашу грамоту в том

что ни один англичанин или другой иноземец не может ни приезжать без позволения королевы в Холмогоры, на реку Обь [Vob?], Вычегду [Vasiagy], Печору, Колу, Мезень, Печенгу, Соловецкий остров, реку Кемь [Sham?] и ни в одну из других Двинских гаваней, а также ни в одну область к северу от Двины по эту сторону Вардэгуса [1]), ни в одну гавань, на корабле, барке или другом каком-либо судне; ни заниматься торговлей товарами какого бы то ни было рода, а только лишь упомянутая английская компания и их преемники, которым мы, по милости нашей, пожаловали эту привилегию.

28) Также, что ни один английский купец без позволения королевы не должен приезжать с товарами в Нарву или Юрьев.

29) А если какой-либо английский купец, иноземец или другой, какого бы он ни был государства, приедет на корабле, барке или другом судне в одну из упомянутых гаваней северного побережья, в какую-либо часть Двины, к северу от Нарвы или Юрьева, [2]) без позволения королевы или без ее ведома, не принадлежа к составу вышеперечисленной компании, то нам надлежит задержать и отобрать это самое судно у таких иноземцев и купцов, — половину в нашу, царя и великого князя пользу, а другую половину в пользу компании английских купцов.

30) Также, по милости нашей, пожаловали мы названную компанию английских купцов, что ни один английский купец или иноземец не проедет через наши владения в Бухару, Персию, Казбин, Чардэй или другие страны, за исключением лишь компании английских купцов и наших собственных гонцов.

31) Если также какой-нибудь англичанин приедет в наши владения из Англии или другой страны без

---

[1]) Или Варгава, как русские называли Вардэгус, — норвежскую крепость и таможню, расположенную на о. Вардэ у северной оконечности Норвегии.

[2]) „to any part of Dwina, by North the Narve, or Vriogorod".

позволения и ведома королевы, не принадлежа к названной компании, указанной в этой нашей грамоте, с целью и намерением проживать в нашей державе против воли и желания королевы, то агент волен отослать его на родину к королеве, его государыне, а если сам агент не в состоянии будет сделать это, то пусть он обратится за помощью к наместникам и властям наших городов, существующим там, и таким образом отправит его в тюрьму, а упомянутые наместники должны не препятствовать названному агенту отослать обратно в Англию таких злоумышленных людей.

32) А если кто-либо в пределах нашего государства убежит прочь в какой-нибудь другой город или местность, то английским купцам предоставляется полная свобода задержать его и взять у него обратно свои товары.

33) А что касается до нашей привилегии, данной Томасу Гловеру, Ральфу Рюттеру, Христофору Беннету, Джону Чаппелю и их приверженцам, то мы приказали отобрать у них названные привилегии [1]).

34) Также пожаловали мы, по милости нашей, названную компанию английских купцов, их преемников, слуг и уполномоченных, которые остаются или будут оставаться в Москве или где-либо в пределах наших

---

[1]) Монополия англ. компании постоянно нарушалась ее соотечественниками. Масса таких явных и тайных конкурентов, причинявших ей большие убытки, объединялась иногда в целые общества (группа англичан в 1564 г. и целая компания из полусотни лиц в 1567 г. пытались торговать с Нарвой; в конце века Рич. Барн основал было общество для торговли с Россией из Голландии), во главе которых стояли обычно изменявшие компании бывшие ее агенты и приказчики. В упомянутое товарищество 1561 г., конкурировавшее с первоначальной Московской Компанией, входили поименованные в 33 пункте лица, бывшие служащие компании. В течение нескольких лет, несмотря на все жалобы компании и королевы Елизаветы, Грозный не препятствовал деятельности Беннета и его товарищей. Уже в 1567 г. в Нарву прибыло до 70 кораблей, посланных этим товариществом, всячески и успешно вредившим монопольной английской компании.

владений, что вольны они придерживаться своего собственного закона и никто из наших никаким образом не должен принуждать их, против их желания, к нашему закону или вере.

Сверх того, кроме и на ряду с компанией английских купцов, мы позволяем всем иноземцам вести торговлю с нашим городом Нарвой, Ивангородом и другими нашими городами в Лифляндии, как они делали и раньше. Дано в лето от сотворения мира 7077, месяца июня 20 дня, индикта [1]) 12 год, нашего правления 35, а нашего царства Российского 23, Казанского 17, Астраханского 15.

Из письма Грозного к королеве Елизавете (24 окт. 1570 г. [2]).

И ныне ты к нам отпустила нашего посла, а с ним еси к нам своего посла не прислала. А наше дело зделала еси не по тому, как посол твой приговорил. А грамоту еси прислала обычную, как проежжую. А такие великие дела без крепостей не делаютца и без послов. А ты то дело отложила на сторону, а делали с нашим послом твои бояре все о торговых делех, а владели всем делом твои гости, серт Ульян Гарит да серт Ульян Честер. И мы чаяли того, что

---

[1]) В древне-русских датах указывается иногда год индикта. Индиктами назывались 15-летние периоды, начинавшиеся счетом от „сотворения мира".

[2]) Юрий Толстой. Первые 40 лет сношений России и Англии. П. 1875 г. № 28. Развитие английской торговли в России шло под шум Ливонской войны за Балтийское побережье. Грозный мечтал помимо получения из Англии боевых припасов обеспечить себе тесный политический союз с Англией. Но королева Елизавета, охотно говоря о торговых льготах и предоставляя царю просимое им на случай нужды право убежища в Англии всячески избегала как заключить с ним военный союз, так и выйти за него замуж. После неудачи своего посольства Грозный не только отменил жал. грамоту 1569 г., но и конфисковал имущество компании. Упоминаемые сэр Вильям Гарард и сэр Вильям Честер, — главы англ. компании.

ты на своем государьстве государыня и сама владееш и своей государьской чести смотриш и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые и о наших о государьских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеш в своем девическом чину как есть пошлая девица [1]). А что которой будет хотя и в нашем деле был да нам изменил, и тому было верити не пригож.

И коли уж так, и мы те дела отставим на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашим землям прибыток, а смотрят своих торговых дел и они посмотрят, как учнут торговати. А Московское государьство покаместо без аглинских товаров не скудно было. А грамоту б еси, которую есмя к тебе послали о торговом деле, прислала к нам. Хотя к нам тое грамоты и не пришлеш и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты, которые есмя давали о торговых делех по сеи день, не в грамоты. Писана в нашем государстве града Москвы, лета от созданья миру 7079, октября в 24.

Изложение жалованной грамоты английской компании, 1572 г.

А третья грамота дана такова в 80 году гостем Аглинским Савеляну Гарату с товарищи, а припись у тое грамоты диака Ондрея Щелкалова: и пожаловали есмя поволили гостем Аглинским приходить на караблех в Двинскую землю со всякими товары торговать по волною торговлею, а из Двинские земли путь им чист до г-дарства нашего града Москвы и по всем городом г-дарства, а в Казань и в Астрахань ходить с нашего царского повеленья, а без нашего

[1]) Слово „пошлина“ означало обычай, привычную старину: как пошло исстари. „Пошлая“—сущая девица.

царского повеленья не ходить, а пошлины таможенные с товаров платят половину. [1])

Из записки М. Локка в 1575 г. о выгодах для Англии от торговли с Россией [2]).

Россия достигает Северного океана и морское побережье простирается от Лапландии к востоку до Двины,

---

[1]) Сб. Р. И. О., т. 38, с. 94. „Савелян Гарат",— сэр Вильям Гаррард. Третьей грамота называется лишь потому, что стоит третьей в коротком списке, где совсем пропущена грамота 1569 г. Получена Дженкинсоном, которому удалось смягчить гнев царя. Преемник Грозного, Федор, не расширил этих прав в своей жал. грамоте 1584 г., запрещавшей кроме того розничную торговлю: „а нарозно своих товаров и в розвес и в аршин на своем дворе не продают, ни меняют, а продают и меняют свои товары местным делом, сукна кипами и поставы, а камки и бархаты поставцы, а не в аршин; а всякой весчей товар в розвес в золотники не продают, а продают местным делом, а вино фряское продают куфами, а в ведры и в стопы и в чарки врознь не продают". Грамота подтверждала свободу англ. дворов от обложения, свободу найма возчиков, сохранение имущества при крушениях, запрещение пользоваться русскими дворниками и „закупнями" для торговых операций и подсудность в торговых и иных „обидах" царским „казначеям да посольскому дьяку". Но при посылке своих людей в Англию сухим путем без товаров требовалось еще особое разрешение царя, а число дворников было ограничено в Москве одним (Сб. Р. И. О., т. 38, с. 141).

В 1586 г. англичане добились беспошлинной торговли, но о праве ездить в Казань и Астрахань грамота молчит (Сб. Р. И. О. т. 38, с. 176). Холмогорским приказным и целовальникам предписывалось брать у англичан опись всем товарам, „чтоб таможникам их товары, что у кого будет немецких и русских, было ведомо", но без осмотра тюков. Напоминалось об обязанности при выезде из России брать с собой царскую „бологодать" и повторялось в остальном содержание грамоты 1584 г. Грамота 1586 г., переписанная в 1596 г., была затем повторена Б. Годуновым в 1598 г. с пояснением, что описи подлежали как ввозные, так и вывозные товары и с характерным добавлением, что за нарушение грамоты виновных (очевидно, русских) постигнет опала и смертная казнь. Грамота Годунова известна лишь в английском переводе (книга И. Любименко, приложение № 16).

[2]) „Некоторые заметки, сделанные мною, Михаилом Локком, 8 мая 1575 г. в Лондоне, относительно выгоды, могущей возник-

Печоры, Югры, Оби и Самоедии более, чем на 2000 миль в длину и все на открытом морском пути из Англии, вне опасности со стороны всех других государей.

Естественные произведения всех областей этого побережья состоят в обилии рыбы разного рода, соли, ворвани, воловьих и коровьих кож, сала, всякого рода мехов, железа, смолы и дегтя, мачтового и строевого леса, пеньки, веревок, корабельных канатов и др. товаров.

...Главные торговые города следующие: на западе Нарва, Новгород, Псков, Москва; на севере Вологда, Холмогоры, Устюг, Лампожня, Печора и др.; на востоке Ярославль, Н.-Новгород, Казань и некоторые другие; на юге только Рязань и, главным образом, Астрахань, лежащая на большой дороге в Грузию и Персию.

Естественные произведения этих внутренних областей следующие: на западе лен, льняная пряжа, пенька, канаты и веревки, сало, коровьи кожи, каменные плиты и др. товары. Северные произведения перечислены выше, там где говорилось о побережье. В восточных областях: сало, коровьи и воловьи кожи, воск, мед, меха, шерсть, смола, корабельные мачты, строевой лес, поташ и др. товары. В южных областях торговли нет нигде, кроме Астрахани, торговля которой имеет чрезвычайное значение благодаря произведениям Персии, т.-е. всякого рода шелку, всевозможных пряностей, многих москательных и др. хороших товаров. Остальная часть этого пути пустынна благодаря татарам, черемисам и крымцам, населяющим оба берега р. Волги от Рязани и Казани к югу до Астрахани, каковые татары—варвары и кочевники, ведущие постоянные войны и разбои.

Естественные произведения Англии являются самыми подходящими для России и Москвы: шерстяные мате-

---

нуть для Англии от торговли английских купцов с Россией в результате прочной дружбы между обоими государями" (Библ. Акад. Наук, Рукописи собрания Гамеля, том 33, № 3692). В качестве агента английской компании, Локк прожил несколько лет в России.

рии и каразеи, бумажные ткани в виде уже готовой одежды; свинец в готовом виде для покрытия их домов; олово в готовом виде сосудов, медь, железо,— при чем большинство этих товаров пригодно также и для Персии.

Многие др. предметы торговли также пригодны для сбыта в этих областях России и Москвы: тканные золотом материи, шелковые ткани, драгоценные камни, пряности и разные изделия, необходимые для украшения тела и для домашней обстановки, каковые вещи все стали бы проходить через руки английских купцов, вследствие чего они смогли бы собрать большие богатства с пользой дли своего государя и своих собственных потребностей.

Вследствие упрочения дружбы между государями Англии и России возникла бы торговля такого значения для процветания Англии, какого никогда не имела никакая другая торговля и это доказывается следующим образом. Холодные и богатые области России и Московии имеют большую потребность в теплых шерстяных изделиях Англии и др. стран. А Англия, Франция, Фландрия и Испания имеют большую нужду в вышеупомянутых произведениях России. Все эти произведения до сих пор привозились и доставлялись им только по Балтийскому морю подданными прибалтийских государств через Данию, Швецию, Любек, Гамбург, Данциг, Лифляндию и Польшу, благодаря чему прибалтийские народы и достигли всех своих богатств. Вследствии же такой дружбы обоих государей эта торговля могла бы производиться английскими купцами исключительно через Северный океан и заняла бы большое число крупных судов.

Если бы эта торговля велась через Северный океан, то английское государство могло бы снабжаться всеми вышеупомянутыми произведениями России и Персии свободно и без каких-либо перерывов в разрешении со стороны королей Дании, Швеции, Польши, Португа-

лии, Турции или др. государей[1]). А если бы скандинавский государь стал препятствовать этой торговле, то проливы скоро так обеднели бы вследствие упадка своих городов по причине этого изменения в направлении торговли, что они были бы не в состоянии помешать, тогда как государи Англии и России были бы так обогащены вследствие роста их таможенных доходов и городов по той же причине, что смогли бы легко противостоять их вражде.

Также и торговля с Персией, проходя через Россию в Англию, имела бы чрезвычайное значение для Англии, потому что драгоценности, пряности, шелка, москательные товары, чернильный орешек и др. товары могут там получаться у самого их источника и все это может перевозиться безопасно, вне угроз со стороны турок, без ведома Италии и Испании и без каких-либо разрешений от короля Португалии. И все произведения России и Персии в изобилии шли бы по Северному океану в Англию, а через Англию далее во Фландрию, Германию, Францию, Испанию и Италию через английские руки с уплатой умеренной пошлины государю за свободный провоз таких товаров, которые, превышая потребность в них самой Англии, стали бы непроданными выходить из Англии за границу, вследствие чего государь стал бы получать большие тамо-

---

[1]) „Наше открытие торговли через пристань св. Николая принесло ту важную выгоду областям русского царя, что прежде эта страна не имела иного рынка сбыта для своих местных товаров, кроме Нарвы, и иного порта для ввоза иностранных товаров, как только такого, который мог быть заперт и все движение через него остановлено при первом неудовольствии Швеции, Польши или Дании, от милости и разрешения которых зависит всякое допущение торговли в Зунде; теперь же это наше открытие пути через пристань св. Николая принесло ту пользу русскому царю, что и в мирное, и в военное время он имеет открытый порт, через который он может быть снабжен купцами ее величества всякого рода товарами как для защиты государства, так и для других нужд и потребностей" (из одного английского документа начала царствования Бориса Годунова, приводимого в книге И. Любименко „История торговых сношений России с Англией", с. 77).

женные доходы, а купцы большие богатства, чтобы служить в случае нужды своему государю, множество же народу стало бы иметь постоянную работу, зарабатывая себе средства к жизни, и было бы занято большое число кораблей, которые в случае необходимости могли бы быть использованы для государственной службы.

Заемная кабала 1585 г. английского гостя Антона Иванова на имя Бориса Годунова [1]).

Се яз, Аглинские земли гость, Онтоней Иванов, занял есми у Государева боярина и конюшего Бориса Федоровича 3000 рублев денег Московъских ходячих, от десятые Пятницы до Рождества Христова, до сроку, без росту. А полягут деньги по сроце и мне ему на те денги рост давати по розчету, как идет в людех, на пять шестой; а в тех есми денгах заложил у него насад свои с солью, тридцать тысячь пуд в нем, кои ис Казани идет к Ярославлю. А кои нам заимьщик и з закладым в лицех, на том денги и рост. А кабалу писал Гаврилец Яковлев, сын Иванова, лета 7093-го.

А назади у кабалы написано: Онтон денги занял и руку приложил.

Из списка долгов Антона Марша русской казне, дворянам и купцам в 1585 г. [2]).

Государевых денег взять на Онтоне 2700 рублев. Боярина и конюшего Бориса Федоровича Годунова по двем кабалам 4000 рублев. А перед диаком перед Ондреем Щелкаловым искали гдревы дворяне, Роман Пивов с сыном своим с Петром, по кабале на Аглинских гостей: на Романе Романове, да на Ульяне Фомине,

---

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 53. См. примечание к следующему документу.

[2]) Сб. Р. И. О., т. 38, стр. 201—209. Бывший приказчик английской компании Антон Марш („Онтон Иванов"), который при временной опале царя на компанию успел получить особую привилегию на торговлю с Сибирью и Астраханью, перевел затем тайком свои долги (23494 руб.) на компанию и вызвал конфиска-

да на Онтоне Иванове, да Еремее Иванове, да на Иване Ульянове 2400 рублев... Невежа [1]) Бельской искал на Аглинских гостех Онтоне Иванове с товарищи, по кабале 550 рублев... Офонасей Демьянов искал на Онтоне ж Иванове по кабале 200 рублев... Василий Тороканов искал на Аглинских гостей, на Онтоне Иванове с товарыщи по трем кабалам за его, Онтоновою рукою и за печатью 694 рублев с полтиною... Вологодского Корнильева монастыря старец Иона Несеянцов искал на Агличанине на Онтоне Иванове по кабале, по его Онтонове руке, 100 рублев... Серебрянной мастер Кляус Савостьянов искал на Аглинских гостех, на Онтоне Иванове с товарыщи, по кабале 273 рублев... Торговые люди: Нечай Игнатьев, Бажен Иванов, Семен Пилюгин, Федор Яковлев [2])... искали на Аглинских гостех на Романе Романове, да Ульяне Фомине, да на Онтоне Иванове и на всех гостех и на купцех Аглинские земли заемных денег по кабалам 12999 рублев.

цию ее товаров в уплату исков. 14 мая 1586 г. царю били челом „дворяне и торговые люди“ на всю английскую компанию,—„взять де им на них многие денги по кабалам и они де им тех денег не платят“. Все эти долги сделаны в 1584—1585 г.г. Члены компании оправдывались тем, что „ведомо всем советникам и приказным людем, что у того Онтона был свой собинной двор годы с три и что он торговал про себя ж и выважливал товары здешнего гдрства ис твоей гдрвы области в ыные орды и также приваживал товары сюды из ыных земель; и что, гдрь, торговал он про себя в Астрахани и в Печере и имел себе иные товарищи... И двор, гдрь, свой был у него здесе на Москве и имел он у себя свои купцы и слуги и ездили они везде от него торговати, где нибуди у него дела свои были; и что, гдрь, торговал он с торговыми людьми от времени до времени то, гдрь, он делал без ведома головы Аглинских гостей и без ведома его товарыщев“. Заступничество английской королевы понизило сумму долга до 7900 р., т.-е. до стоимости конфискованных уже товаров. По данным произведенного по настояниям компании следствия,—сумма долгов Марша равнялась 23494 1/2 руб.: долг казне достигал 2700 руб., Годунову 4000 руб., боярам 3894 1/2 руб. и русским купцам 12900 руб.

[1]) В данном случае „Невежа“,—имя собственное.

[2]) Следуют еще 13 фамилий; в том числе занято 257 р. 12 ал. 3 д. „у вяземского старосты у Ивана Васильева сына и у всех посадских людей“.

IV. Соперничество иностранных капиталов на русском рынке.

Из письма царя Федора Ивановича к английской королеве Елизавете в 1585 г.

А что писала еси к нам в своей грамоте, что твоим людем товару всякаго, которой нам и нашему государству годен, мочно навести много с лишком, и нам бы опричь тех твоих людей, у которых будет твоя грамота, иных гостей твоее земли в свои государства торговати не велети пущати; и нам в своих государствах заказывати не взгодитца: к нам в наше государство, кто ни будет, из твоей ли земли, из иной ли земли кто не приедет, тому торговля повольная, а закрепляти нам в своих государствах тому торговати, а иному не торговати, то дело не схожее: то тебе твои гости бьют челом не по делу; хотят одни корыстоватись, а иных мимо себя непущать не хотят [1]), и в том нашему государству убыток будет, тому статись не пригоже. Полно то твоим гостем жалованье [2]),

---

[1]) Ошибка писца; надо: „пущать не хотят".

[2]) Сб. Р. И. О., т. 38, стр. 166—167. В том же письме (в сентябре 1585 г.) царь пишет, что „мы твоих людей для тебя, сестры нашие любные, пожаловали свыше всех иноземцев", так как „с тех со всех с торговых людей емлют пошлину всю сполна по нашему указу, как у нас в нашем г-дрстве издавна ведется; а с твоих гостей мимо всех емлют половину пошлины. Да твоим же людем нашим жалованьем, мимо всех иных земель гостей, в наших г-дрствах устроены дворы... великие на Москве, и

которых своею грамотою пришлет, и мы с тех половину пошлины велим имати; а которые из твоей земли иные гости приедут и из иных земель, и тем воля приезжать; только с них пошлину всю имати велим: а вашим гостем, приехав в наше государство, как указывати о торговле. Как мы, великий государь, в своих государствах укажем всяким иноземцом торговать, по тому и быти, а нам с божею помочью мочно быти всякими товары издоволенным, нашему государству и без твоих гостей товаров: государства наши великие, и людей в нем всяких и товаров много, и приезжают в наши государства гости с товары изо многих государств, Турецковой области, и из Цесаревы, и Францовские, и Ишпанские, и Польские, и Литовские земли, и Кизылбашские, и Бухарские, и Юргенские, и Шамахетцы и иных многих государств, морем и сухим путем; и опроче Колмогорские пристани нашему государству мочно пробыти всякими товары и без твоих гостей товару, хотя к нам твои люди с товары приходити не почнут; а для тых одных твоих людей тем всем многих государств многим людем дороги затворити не взгодитца... [1]).

в Ярославле, и на Вологде, и на Колмогорах; а иных земель гостем в наших г-дрствах дворов никому не дают, а ставятца иных земель гости с товары своими и торгуют на гостиных дворех, как ведетца в наших г-дрствах издавна, и пошлины з дворов и с онбаров дают. И твои, сестры нашей, торговы люди и такова нашего великого жалованья над собою не знают, и живут не по нашей жаловалной грамоте, как им в наших г-дрствах по нашей грамоте велено жити и торговати;... товары свои продают и меняют в рознь не местным делом, мимо наше уложенье и жаловалные грамоты; и чюжие товары провозят с собою за свои товары, и людей чюжих иных г-дрств в наше г-дрство провозят за свои, за аглинские люди"...

[1]) В другом письме 1587 г. (Сб. Р. И. О., т. 38, стр. 183) царь пишет: „да бьют нам челом многие немцы розных земель, Англичане, и Францовские земли, и Недерляндские земли и иных земель, на твоих гостей, которые к нам приезжают к пристанищу морскому по нашим жалованным грамотам, что твои гости караблей их с товары к нашему гдрству пропускати не хотят, и твоей земли и иных гостей, которых нет в нашей жалованной грамоте,

А что еси сестра наша писала к нам о наших о торговых людех, что они торговы люди преж сего в твоем государстве не торговывали, и ныне то им ставить в велико, ино то нечево ставити в велико: наши люди торговые в твое государство не хаживали, а вперед их ходити не нужно.

Торговый трактат 1587 г. московского царя с парижскими купцами, [1]).

Во имя отца и сына и св. духа и св. троицы (и т. д.). Мы, царь и великий князь Федор Иванович... (титул), извещаем вас, наших наместников, воевод и др. вла-

---

заказывают, а мимо себя иным гостем с товары ездити не велят, и мы тому и верити не хотим, а толко так как нам бьют челом на твоих гостей, а твои будет гости всяким иноземцом грозят и приезжать к нашему к морскому пристанищу не велят; и то твоих гостей правда ли, что за наше за такое за великое жалованье, а так иноземцов отганивают, и тое божью дорогу, окиян море, как мочно переняти и унять и затворить, твоих гостей к пристанищу к морскому приедет человек пять, шесть на пяти, на шести кораблех и в силах что на десяти кораблех во всякое лето, а пятидесяти или ста караблей пропущати не хотят; и ты б, сестра наша любная, Елисаветь королевна, нам свою братцкую любовь показала: гостем своим заказывати не велела и из своей земли опричь тех своих гостей, которые в нашей жалованной грамоте написаны имяны, иных своих гостей агличан с товары и иных гдрств гостей с товары пропущати велела к нашему к морскому пристанищу, к Двинскому городу, чтоб торговые люди всякие ездили ис твоего гдрства и иных гдрств в наше гдрство ездили на обе стороны без зацепки, а нашим гдрствам то на обе стороны как нашему, так твоему прибытку будет; сама то, сестра наша любеная, можешь россудити, что торговым людем воля во всякой торговле, то им и лутче".

[1]) Перевод с франц. текста, помещенного у Форстена (Акты и письма, т. I). В 1585 году иноземный купец, некий „Рыцарь Релф", писал своим знакомым купцам-иноземцам в Москве: „наши гости аглинские топере на Москве нечесны. Иван Белобород честен; гдрь во все гдрства грамоты свои розослал, чтоб ехали изо всех гсдрств торговати волно—им приехать торговать беспошлинно на десять лет, да о том же во Францовскую землю грамоты посланы, чтоб нашим гостем ведомо было, чтоб вопче торговали б всякой себе по своей воле; да приезжати из всех

сти наших вотчинных городов Новгорода и Пскова, Колмогор и нового острога Архангельска, Вологды и Ярославля, что по представленному нам Николаем де-Ренель и Гильомом де-ла-Бистрат прошению от имени сеньера Жака Паран и его парижских компаньонов и других их служащих, торгующих для вышеперечисленной компании, о предоставлении им быстрого таможенного досмотра и пропуска на посещение наших владений для провоза товаров на судах и для торговли в Холмогорах, в новом Архангельском остроге, Вологде, Ярославле, в наших вотчинах Новгороде и Пскове и в нашем городе Москве,—мы позволили им торговать, как выше сказано, в названных местностях, когда они приедут с их упомянутыми товарами в наши города Новгород, Псков, Холмогоры, Вологду, Ярославль и Москву, и вам, упомянутым нашим подданным и наместникам, и воеводам и другим нашим властям, приказываем предоставить им свободу торговли с платежом лишь половины той пошлины, которую платят другие иностранцы во всех наших поименованных городах, следуя нашему приказанию, по той причине и соображению, что они,— первые французы, которые когда-либо рискнули приехать в Архангельск для торговли в нашей стране. А если у них найдутся товары, пригодные для нашего упомянутого государства, и если им захочется приехать в наш город Москву, вы предоставите им проехать, не причиняя им никаких стеснений или затруднений, но оказывая всяческое содействие и помощь и взимая пошлины согласно нашему упомянутому приказанию, посмотрев которое, снимите с него копии для ваших записей и верните им незамедлительно их упомянутые грамоты, не причиняя им

гдрств волно с товаром; не боися, будет нам всем добро на Москве" (Сб. Р. И. О., т. 38, с. 237). В этом русском переводе „честен" означает,—в почести. Иван Белобород,—Ян фан де-Валле, приехавший в Россию в 1577 г., разбогатевший и пользовавшийся расположением Грозного голландский купец.

задержки, потому что такова наша воля. Дано в Москве, нашем вотчинном городе, в 7095 году, марта 23 дня 1587 года.

Из донесения французского дипломата Дансэ в 1583 г.[1]).

Английская компания, торгующая с Россиею, извлекает большие выгоды; ибо ее агенты стараются распространить английские товары по всей московской земле и покупают там то, что им полезно и необходимо, а также ведут торговлю с персиянами и армянами, живущими около Каспийского моря, от которых они получают большое количество шелка сырца и потом дорого продают его. Также покупают они в Московии много лосиных шкур, кож, воску, сала, пеньки и всякого рода мехов. Сверх того они ежегодно нагружают 4 или 5 судов канатами и др. снастями, на чем они наживают огромные деньги; ибо им дешево обходятся пенька, лес, рабочие и съестные припасы и товар этот в большом требовании и легко сбывается. Английские агенты так прилежны, что уже в апреле месяце суда, приходящие из Англии с товарами, находят в пристанище св. Николая готовый груз и таким образом не теряют напрасно времени и весьма удобно производят свои торговые дела. Должно полагать, что французы такую же могли бы извлечь пользу, если бы их только можно было убедить основать и поддерживать компанию, подобную английской. Но французские купцы любят заботиться только о личной пользе и у них трудно просуществовать обществу более одного года, если вы не употребите ваше влияние или не примут в обществе участие знатные особы по примеру Англии.

Для большей верности и безопасности французов желательно получить от Московии следующее: 1) привилегии и свободу, которыми пользуются в этой стране

---

[1]) Чтения о. и. и. д. р. 1875, IV.

англичане; 2) пристань на Двине, по примеру англичан и нидерландцев, что, как я вам уже писал, не очень трудно, и 3) чтобы московиты обнародовали по всей земле и приказали обращаться с французами, как с друзьями, также бы запретили англичанам и нидерландцам чинить всякого рода насилия, ущерб и неправду как приезжающим из Франции, так и возвращающимся туда, будет ли то морем или сухим путем, и что в противном случае они будут подвергнуты примерному наказанию. При таких условиях купцы могут быть покойны на счет своих дел, ибо с московитами плохо шутить.

Для успешного исходатайствования привилегий необходимо послать в Москву дворянина с приличной обстановкой и с полномочием устроить в самом г. Москве, или где будет удобно, склады для французских товаров, точно так же, как у англичан.

Отзыв сэра В. Ралея о торговом преобладании голландцев над англичанами[1]).

Изобилуют хлебом прибалтийские страны, но большие склады зерна для снабжения как христианских, так и неверных стран во времена дороговизны нахо-

---

[1]) Sir Walter Raleigh's „Observations, touching trade and commerce with the Hollander and others Nations" („Замечания о торговле с Голландцами и др. нациями") London, 1653; стр. 25—31. Сэр Вальтер Ралей, английский государственный деятель, колонизатор и писатель (1552—1618 гг.), заслужил расположение Елизаветы грандиозным планом обогащения Англии колониальными богатствами Америки и основал первую английскую колонию Виргинию в Сев. Америке, совершив кроме того 3 путешествия по р. Ориноко (в Южн. Америке). Ярый ненавистник католиков и испанцев, сражавшийся за независимость Нидерландов, он был замешан в заговор против преемника королевы, Якова I, приговорен к смерти, но заточен в Тоуэр, где написал „Всемирную историю". Выпущенный из тюрьмы для приобретения колоний на р. Ориноко, он потерпел неудачу и был казнен. Цитируемая нами книга была в виде записки, убеждавшей о необходимости подражать Голландии в развитии коммерческого могущества

дятся в Нидерландах, благодаря чему при каждом случае недостатка и дороговизны они обогащаются на семь лет вперед, дают работу своему народу и получают для своих судов большие фрахты в другие страны, а мы ничего.

Обширные виноградники и запасы соли находятся во Франции и Испании, но большие склады вина и соли в Нидерландах, и они ежегодно посылают до 1000 судов только лишь с солью и вином в одни прибалтийские государства, не говоря о других странах, а мы не посылаем и одного.

Превосходные леса растут в прибалтийских государствах, но огромные штабели досок, clapboard елового и соснового дерева, мачт и другого строевого леса находятся там, где его совсем не растет, — в Нидерландах, благодаря чему они снабжают им и себя, и другие страны и это королевство, употребляя постоянно в этой отрасли торговли от 500 до 600 больших длинных судов, а мы, — ни одного.

Шерсть, сукна, свинец, олово и разные другие товары добываются в Англии, но так как наши шерсть и сукна идут от нас в сыром, неотделанном и неокрашенном виде, то превосходные суконные мануфактуры и торговля сукнами находятся в Нидерландах, благодаря чему они снабжают самих себя и другие страны, в значительной степени увеличивают источники заработков населения в своей стране и свою заграничную торговлю и при помощи наших собственных товаров вытесняют нашу торговлю из тех чужеземных стран, с которыми торгуют наши купцы.

Мы посылаем в прибалтийские государства ежегодно всего лишь сотню судов и наша торговля зависит главным образом от трех городов: Эльбинга, Кенигсберга и Данцига в отношении снабжения нас

Англии, подана в 1603 г. В. Ралеем королю Иакову, но особых результатов не имела. Вторично он вручил ее королю перед смертью, но напечатана она была, как и другие его сочинения, лишь в середине XVII века.

парусами и покупки их товаров, посылаемых в это государство по дорогим ценам, бремя которых ложится на это королевство.

Нидерланды же посылают в прибалтийские страны около 3000 судов в год, торгуя с каждым городом и портом, пользуясь всеми выгодами, продавая свои товары с чрезвычайной прибылью и нагружая свои корабли множеством тех купленных ими товаров, которые они получают из всех этих городов, на 20% дешевле нас, благодаря разнице в монете, а их рыба приносит наличные деньги, что очень способствует их торговле и подрывает нашу.

Они посылают во Францию, Испанию, Португалию, Италию из прибалтийских государств через Зунд и проливы ежегодно около 2000 судов, нагруженных товарами прибалтийских стран, а мы ни одного. Они торгуют со всеми городами и портами Франции, а мы преимущественно с 5 или 6. Они посещают каждый город и порт нашей страны и число их кораблей доходит до 500 и 600 в год, тогда как наших кораблей торгует с ними всего лишь 40 и притом, главным образом, только с тремя городами их страны.

Несмотря на то, что Нидерланды обладают таким же числом кораблей и судов, как одиннадцать христианских государств вместе, считая в том числе и Англию, и строят ежегодно почти по 1000 судов, хотя ни одного строевого дерева не вырастает в их собственной стране (а вся годовая местная продукция их страны может быть сразу увезена менее чем сотней хороших кораблей), все же они так умеют предоставить им всем работу, что их торговля с ганзейскими городами по размерам тоннажа превышает весь христианский мир.

У нас имеется в излишестве и своего местного происхождения все, что нужно для увеличения размеров торговли, — строевой лес для постройки судов и произведения нашей собственной продукции для нагрузки сразу около 1000 кораблей и судов (не говоря об

обширном рыболовстве), могущих немедленно по окончании своих рейсов снова нагрузиться и продолжать таким образом весь круглый год и год за годом, и все же число наших судов и моряков уменьшается, а торговое мореплавание и купечество день ото дня приходят в упадок.

Главная масса сельдей[1]), на которых они наживают столько миллионов ежегодно и которые, обогащая другие королевства, королей и государственные казнохранилища, обогащают и их собственный народ, поступает из ваших морей и владений, а обратный привоз ими товаров и денег в обмен на рыбу и др. предметы торговли так велик, что потребовал бы целого особого рассуждения; вся же их награда нам состоит лишь в том, что они нашими же собственными произведениями побивают нас и вытесняют из всех областей торговли.

Так, например, в течение семидесяти лет мы вели обширную торговлю с Россией и лет четырнадцать тому назад мы посылали большое количество хороших кораблей торговать в тех местах, а три года тому назад мы отправили лишь 4, а в прошлом году 2 или 3. Голландцы же, наоборот, лет двадцать тому назад посылали туда только 2 судна, а теперь дошли до 30 или 40, при чем каждое из их судов вдвое больше нашего, и одновременно с тем (в их тамошних смутах), как мы шли на убыль, они расширяли свою торговлю, а главные произведения, привозимые ими туда, — английские сукна, сельди, пойманные в наших водах, английский свинец и оловянная посуда, сде-

---

[1]) „Голландцы посылают в Россию до 1500 ластов сельдей, продаваемых приблизительно по 30 шиллингов за бочепок, что дает до 27.000 фунтов стерл., а мы лишь от 20 до 30 ластов“. Общий вывоз сельди в прибалтийские страны и города дает голландцам, по словам Ралея, до 170.000 фунтов стерл., при цене в 15—16 фунтов стерл. за ласт, доходящей, однако, иногда до 20—36 фунтов за ласт; „голландцы вывозят до 10.000 ластов, а англичане ни одного. Так же обстоит дело и с вывозом сельди в др. страны“.

ланная из нашего олова, наряду с др. товарами,— все то, чем мы могли бы торговать лучше их. И хотя это дешевая страна и торговля с нею очень прибыльна, мы все же низвели ее почти до нуля вследствие беспорядочного ведения торговли, акционерных обществ и соперничества купцов между собою.

Точно также мы посылали обычно до 8 или 9 больших кораблей на постоянное рыболовство у Вардегуса, а в этом году лишь один,—так per rato они опережают нас во всякого рода рыболовстве и торговле со всеми странами благодаря тому, что они не щадят никаких издержек, не отказывают ни в каких привилегиях, которые только могут способствовать развитию торговли и промышленности.

Из ответа Московского правительства на шведский проект торгового договора 1618 г.[1]).

3 статья. В вашем же писме написано, чтоб всем псковичем и печерским и гдовским всего Псковского государства людем с юрьевскими Ливонского и с лифлянскими, которые подданные коруне полской, в ссылке не быти [2]), покаместа мир наш стоит, и не

---

[1]) К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в. Сборник материалов. М. 1897 г. После оккупации шведами всего побережья Новгорода и Пскова в смутное время и неудачной попытки России вернуть себе утраченное море, в 1617 г. был заключен Столбовский договор, по которому Швеция возвращала России Псковскую и Новгородскую области, но удерживала все побережье и получала 20.000 руб. Шведы получали обратно свои торговые „дворы" в Новгороде, Пскове и Москве, а русские купцы свой двор в Ревеле и право иметь дворы в Стокгольме и Выборге. Торговля должна быть вольной, но ни шведы с товарами в Персию, ни русские купцы через балтийские порты в др. европейские страны ездить не могли. В 1618 г. сначала шведскими послами в Москве, а затем шведским канцлером, знаменитым Оксеншерной, русским послам в Стокгольме был предложен проект торгового договора (в связи с проектом военного союза против Польши); в приводимом здесь ответе Москвы опущены две первые статьи, касающиеся лишь военной стороны договора.

[2]) Т.-е. не сноситься между собою.

торговати и не съезжатись и ни чем с ними не дружитись, а торговали б они в Иване-городе да в Ругодиве.

И по ся места[1]) псковичи и печерские люди с Ригою и с ыными лифлянскими и курлянскими городы, по челобитью тех городов державцов и бурмистров и полатников ко псковским воеводам, были в перемирье меж себя, по своим записем, до царского величества указу, и меж их на обе стороны торговые люди ездят, и прибыли себе торговые люди ищут и тем полнятца, и царского величества казне в таможной пошлине прибыль многая, а в Иване-городе и в Ругодиве торгуют же по договору и утверженью, а отставити того нельзя, что псковичам с лифлянскими городы меж себя не торговати и в перемирье не быти... одно то слово надобе утвердить, чтоб недругу не помогать людми и казною; а толко не торговати,—и так будет все государство запереть. А в Ругодиве и в Колывани великого государя нашего торговые люди торговати будут по посолскому договору.

4 статья. В письме вашем написано, чтоб в. г-ря нашего ц. и в. к. Мих. Фед., вс. Р. с-ца, его ц. в-ва, через Росийское государство велеможного государя вашего, его корол. в-ва, подданным, свейским, лифлянским, финским, корелским торговым людям поволно было без помешки со всякими товары в Татары, в Персиду и в ыные земли ездити безо всякого задержанья, и шкоты б в дороге от его ц. в-ва приказных людей не было.

И то дело к тому делу, что ныне учинено меж государств соединенье, и что еще приговорим, ц. в-ва и королевского веможнейшества на общего их недруга, на полского короля, не пристоит: то дело торговое, а прежь сего того николи не бывало. Свейского королевства торговые люди через в. г-ря нашего, его ц. в-ва, великие Росийские государства в Персиду и в ыные

[1]) Т.-е. до сих пор, по сие время.

ни в которые государства торговати не хаживали... а к прежним вел. государям, ц. и в. к. росийским, к деду в. г-ря нашего, бл. пам. к в. г. ц. и в. к. Ивану Васильевичю, вс. Р. с-цу, и к дяде в. г-ря нашего, к ц. и в. к. Федору Ивановичю вс. Р. с-цу, присылала о том с прошеньем аглинская Елисафет королевна послов своих и ныне как был у в. г-ря нашего ц. и в. к. Михаила Федоровича, вс. Р. с-ца, англинского Якуба короля посол, князь Иван Мерик[1]), и он цар. в-ву государя своего Якуба короля именем бил челом и про-

---

[1]) Сын агента моск. англ. компании, Джон Меррик стал ее ярославским (1584), московским (1592) агентом, одним из директоров и, наконец, „губернатором". При Годунове вел переговоры о браке царских детей в Англии, пользовался расположением Димитрия, дважды был послом при Михаиле и посредником в мире со Швецией, за что награжден и Россией, и Англией. При его участии возник проект, автором которого считал себя служивший в войске Делагарди капитан Чемберлен, после совещания с главой компании Смитом, ездившим послом в Россию, и др. купцами, долго торговавшими с нею, разработавший в 1612 г. следующий план. Россия в бедственном положении: запад захвачен поляками, северо-запад шведами. Еще не тронутые, но угрожаемые области севера предполагают отдаться англичанам, долго торговавшим и с ними. „С этою целью они прошлым летом вели переговоры с агентом английской компании (как он сам мне рассказывал) и послали бы послов" в Англию, если бы агент решился обнадежить их. Между тем, от Архангельска по Двине (связанной с богатыми мехами Пермью, Сибирью и Обью) до Устюга и по Сухоне до Вологды вниз 10—12 дней, и вверх 5—6 недель пути, от Вологды сушей до Ярославля, а оттуда по Волге, по которой плавают суда от 1000 и 1500 до 2000 тонн", до Астрахани вниз 20 дней, вверх 6 недель. Описав степень укрепленности попутных городов, проект указывает, что во всех них, вдоль Волги и др. рек, „платится несколько таможенных сборов, составляющих очень большую сумму, так как один только таможенный сбор на Волге при торговле не большей, чем теперь, оценивается в 6000 фн. и более в год и только с соли и рыбы". Торговля же сырьем из России и сукнами, оловом и свинцом из Англии „очень выгодна для Англии, и мы не можем ее лишиться, не причинив нашей стране больших неудобств, так как мы продаем ежегодно по меньшей мере на 40000 фн. наших товаров, которые иначе оставались бы у нас на руках, и доставляем оттуда необходимейшие вещи, в которых наше государство нуждается для поддержания и сохранения нашего флота, в отношении чего мы

сил, чтоб ц. в-во пожаловал, поволил его земли гостем и торговым людем через его великия государства ходити торговати в Персиду и в ыные государства. И ц. в-во мимо прежние обычаи того не изволил, потому — толко ходити иных государств торговым

должны иначе зависеть от любезности и милости датского короля, когда бы ему еще ни вздумалось закрыть Зунд.

Но когда мы сообразим, с какой легкостью гораздо большее количество наших сукон, олова и свинца может найти непосредственный сбыт вниз по Волге и по этим др. рекам во все отдаленные области востока и северовостока, не имеющие теперь торговых сношений с нами иначе, чем через многие руки, и сколько взамен может быть получено всех тех богатых произведений востока, которые мы теперь получаем через Турцию по дорогой цене и с бесконечным риском от пиратов и врагов, особенно если у нас будут какие-либо осложнения с Испанией (что может случиться ранее, чем мы ожидаем), — мы можем быть уверены, что если нам удастся каким-либо образом завести и поддерживать прочную торговлю этим путем, то она не только окажется более богатой и выгодной для нашей страны, чем всякая иная, но что также с течением времени складочным местом для этих произведений Востока станет наше королевство, откуда они смогут расходиться во Францию, Германию, Нидерланды и Данию, что поведет к обширному пользованию нашими судами и значительному увеличению внутренних и внешних таможенных доходов его в-ва". Уже ради этой прямой выгоды следует „взять на себя защиту и покровительство этому народу на таких условиях, которые могут как утвердить, так и обеспечить свободу торговли, которою мы уже пользуемся, и расширить ее еще дальше, как было выше предложено". Но, кроме того, иначе голландский флот стал бы „единственным посредником и владыкой над морями" в ущерб своему единственному английскому сопернику, так как раздраженный на Англию и зависящий от Австрии король польский передаст, в случае победы, английскую беспошлинную привилегию Нидерландам, „которые уже вели с ним переговоры и предлагали ему большое вознаграждение при одном лишь предположении, что он, повидимому, завоюет эту страну". Если бы поэтому Англия получила „предложение суверенитета" над областью Архангельска и волжского пути к Каспию, „или же по крайней мере власти и протектората над нею со свободой и обеспечением этой торговли, то это было бы величайшим и счастливейшим предложением, когда либо сделанным королю нашей державы с тех пор, как Колумб предложил королю Генриху VII открыть Вест-Индию. Этот пример еще свежий в нашей памяти, мог научить нас не быть устало равнодушными к таким прекрасным предложениям". Тайный

людем в Персиду,—и ц. в-ва Росийских государств гостем и торговым людем будет в торгех помешка и убытки великие и промыслы всякие станут...

5 статья. В вашем писме написано, чтоб в ц. в-ва государстве, в Ярославле и в Нижнем Новегороде, г-ря вашего, кор. в-ва подданным гостиные дворы для торговых промыслов поставити, также бы волно было им ходити от Ладожского озера по реке в Олонец и в Заонежье с лодьями и торговати с рускими людми, также б им волно было торговати в Усть-Коле и в сиверских странах и подле Усть-Колы рыба ловить в Северском море.

И как о торговле торговым людем и о дворех написано в посолских договорных записях и в государских подтверженных грамотах, и ныне быти по тому ж, а чего прежь сего не бывало, тому и ныне быти не пригож. А рыбные ловли в Сиверском море в откупу и на оброке у торговых людей и у рыбных ловцов; и толко тут ловить рыба свейским людем, и в том будет меж ц. в-ва подданных и меж свейских людей брань и ссора, и мирному вечному докончанью от того учинитца нарушенье.

6 статья. В писме вашем написано, чтоб в в. г-ря нашего государстве у его ц. в-ва подданных ходимы были свейские денги, а против того также ц. в-ва денги ходить будут у велеможного государя вашего подданных в Свее.

совет и король одобрили предложение послать послов для договора об условиях суверенитета, передачи крепостей и сбора русских же денег на военные расходы (см. статью Любименко в English historical rewiew, 1914, апрель; ее же статью в „Науч. Истор. Жур.“ т. II, вып. 5; и примечания к „Московии“ в „Чтениях“ 1874, III), но послы опоздали: власть была уже централизована в лице новой династии. Любопытно, что в 1577—1578 гг. немец Штаден, 12 лет живший в России и служивший в опричине, составил гораздо более, впрочем, фантастический проект завоевания всей Московии через Колу и Холмогоры с армией в 100.000 чел., опираясь на социальное недовольство и классовую рознь московского общества (см. Генрих Штаден, „О Москве Ив Грозного. Записки немца опричника“, перев. Полосина; Москва, 1925 г.).

И преж сего так не бывало, чтоб в ц. в-а Росийских государствах ходити иных государств которых ни буди денгам, так и ныне тому быти не пригож, да и сстатца тому нелзя: в Свее мелкие денги делают медные, опричь ефимков и золотых, а в г-ря нашего в его ц. в-ва государствах мелкие денги делают серебро чистое и ефимки переплавливают, и сстатца нелзя, чтоб в в. г-ря нашего государстве ходити свейским денгам, а в Свее ц. в-ва Росийских государств денгам.

Из писем Исаака Массы голландскому правительству из Москвы.

I. (4 сентября 1618 г.)[1]. Сколько здесь прежде англичан уважали, столько их ныне презирают; сколько они прежде здесь гордились, столько они теперь повесили нос и сделались чрезвычайно ласковы к нам; им впрочем быть нельзя иначе и если не представится какое-либо средство, то компания их рушится в этом году, так как у них в этом году прибыло именно лишь 3 корабля в Архангельск, а наших было более 30, продавших весь почти товар; они возвращаются в Голландию, нагруженные русскими произведениями... С нашими купцами в нынешний год поступлено чрезвычайно милостиво. Они с продажи и покупки не заплатили пошлин более двух со ста; несмотря на это некоторые недовольные из них еще жалуются; но мы можем обойтись без этих жалоб; со времени моего приезда русские дают нашим такую свободу в торговле, что многие из наших купцов утаили половину своего

[1]) Вестник Европы, 1868, август; голландский купец Исаак Масса играл роль торгового и дипломатического агента Голландии в Москве. В письмах сообщается, между прочим, о пожаре гостиного двора в Архангельске, „в котором амстердамские купцы потеряли на полтора миллиона; они однако же спасли более половины имущества... Пожар приписывают англичанам. Московская компания в Англии рушилась“, а ее агенты в России хотели „удобнее свести счеты свои“.

товара и следовательно заплатили половинную пошлину. Они мною нахвалиться не могут. Это, впрочем, более для чести... P. S. Сегодня получено известие, что (в Москве) скончалась большая страусовая птица, т.-е. великий канцлер[1]), всегда большой приятель англичан, а наш противник. Полагают, что он был отравлен. Дай бог всем врагам нашей отчизны подобный конец, или лучший образ мыслей.

II. (3 декабря 1619 г.). С того времени англичане, едва лишь заметили расположение, которым мы пользовались, всячески старались возбудить здесь ненависть к Генеральным Штатам,—они, наконец, подали даже записку, в которой изъясняли, что Генеральные Штаты,—народ, желающий вмешиваться в дела всех государств и поселить в них раздор, что они были также виновниками шведской войны, которая большею частью производилась их силами и средствами, что Вы просили союза Польши против России и много других лживых сказок, которые я стыжусь повторять.

Из испанского проекта уничтожения торговли голландцев с Россией.

1) Во-первых, надо принять во внимание, что самая большая торговля, которую голландцы ведут теперь и вели долгие годы и которую они считают наиболее обеспеченною, так как она совершается путем менее известным и менее доступным для королевских кораблей, это—торговля с севером и главным образом с Московией.

2) Нужно знать, что в упомянутую Московию они ежегодно посылают большое количество сукон как английских, так и приготовленных и выкрашенных у них же, в Голландии; кроме того, много изделий Гаарлема, как полотна, бумазею и другие ткани, фабри-

---

[1]) Так титулует Масса думного дьяка Третьякова.

кующиеся в Гаарлеме, Лейдене и др. местностях Голландии; они посылают туда разного рода пряности, получаемые из восточной Индии, шелк, шелковую, золотую и серебряную парчу, золотые и серебряные нитки и бесчисленное множество других товаров; сверх того, они посылают туда большие суммы золотом и серебром, для поддержки своей большой торговли.

3) Известно, что в прошлые годы из одного города Амстердама они вывезли как товарами, так и наличными деньгами, на сумму от 18 до 20 бочек серебра.

4) Сверх того то, что посылают туда англичане, доходит до суммы от 800 тысяч до миллиона флоринов, и нельзя сомневаться, что они сделают больший оборот теперь, когда торговля в других местностях сделалась труднее и опаснее.

5) Корабли, нагруженные указанными товарами и приготовленные к отплытию из Амстердама, конвоируются обыкновенно всего одним военным кораблем, а на остальных, которых бывает 14, 15 или 16, находятся 4, 5, 6, 8, 10 и до 12 железных пушек, называемых goteIingen, и небольшое число людей для управления ими.

6) Рейсы предпринимаются голландцами с конца мая и до конца июня; вследствие морозов и др. неудобств моря в этих местностях, позже выезжать нельзя; в пути они находятся никак не больше 3 или 4 месяцев[1]).

---

[1]) „Краткая и секретная записка, поданная е. пр—ву, г. маркизу де-Бальбасу, о важном предприятии на море с целью уничтожения торгового флота и большей части коммерции и торговли Нидерландов, охваченных мятежом против е. в—ва". Этот испанский проект был направлен к подрыву экономической мощи Голландии и написан около 1626 г., когда Испания стремилась к уничтожению балтийской торговли Голландии, — „матери всех коммерций" этой страны. Проект Бальбаса предполагал вооружение особых эскадр и посылку их к северным берегам Белого моря с целью занятия островов около устья р. Колы, у входа в Белое море и у самого устья Двины для захвата английских и голландских торговых кораблей. Здесь приводятся лишь первые 6 пунктов проекта (в переводе Форстена), а остальные 29, излагающие организацию предполагаемого военного предприятия, см. у Фор-

Из грамоты 1629 г. царя Михаила Федоровича королю Людовику XIII.

Посол вашего королевского величества [1]) заседал с упомянутыми боярами нашей думы и сообщил им о желании вашего королевского величества впредь жить с нами, великим самодержцем, в дружбе и добром согласии и чтобы лучше упрочить их, желаете, чтобы такое же согласие существовало и между подданными нашего русского государства и французами; что вы дозволяете всем нашим подданным торговать в подвластных вам землях и желаете, чтобы и мы, великий самодержец, согласились, чтобы французы, ваши подданные, могли свободно торговать в упомянутых землях нашего государства, жить в городах, которые они сочтут удобными для торговли, беспрепятственно уезжать из нашего царства, когда захотят; чтобы мы, великий самодержец, освободили упомянутых французских купцов от пошлины, следуемой с товаров в нашу казну, чтобы упомянутые французские купцы могли жить, пользуясь свободою вероисповедания и держать при себе, каких хотят, священников или монахов римской веры; чтобы наши судьи и офицеры не вмешивались в споры, которые могут произойти между упомянутыми французскими купцами, чтобы мы дозволили им судиться одним из своих

стена „Акты и письма к истории Балтийского вопроса“, т. I (франц. текст), или в его же „Балтийском вопросе“, т. II (русский перевод), стр. 241.

[1]) Де-Гэ де-Курменэн, с которым была отправлена во Францию эта грамота, приведенная здесь в переводе Форстена („Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях“, т. II, стр. 332). Де-Гэ посетил в том же году Данию и добился не только разрешения торговать с Россией через Зунд и Нарву, но и снижения обычной пошлины, взимавшейся Данией в Зунде с плывших в Нарву кораблей, с 5% до 1% втечении 8 лет. Другой французский посол добился от Швеции снижения пошлин с нарвской торговли до 2%.

и торговать с татарами, персами и другими чужеземными купцами. Когда все это было по совету нашего святейшего отца, в-го г-ря Филарета Никитича, патриарха всея Руси, и вельмож нашего царства доложено нам, великому самодержцу, то мы повелели выше названным боярам нашей думы передать вашему послу, что мы охотно принимаем предложение, которое нам делает ваше королевское величество, жить впредь в дружбе и согласии с нами, великим самодержцем, и что мы со своей стороны будем по возможности постоянно стараться продолжить их и увековечить между нашими преемниками; мы позволяем также всем французским подданным вашего королевского величества беспрепятственно приезжать для торговли в нашем государстве как морем в Архангельск, так и сухим путем в Новгород, Псков и Москву, даем им свободу договариваться и торговать со всеми нашими подданными, платя только в нашу казну два процента пошлины; мы дозволяем также всем французским купцам, вашим подданным, жить в нашем государстве, пользуясь свободою совести, исповедывать римскую веру и держать при себе священников или монахов, чтобы причащать их, но, из опасения соблазна, мы не можем позволить, чтобы исповедание римской веры открыто совершалось в нашем государстве. Что касается до суда, то мы запретим нашим судьям вмешиваться в ссоры, которые могут возникнуть между французскими купцами, вашими подданными, но если француз поссорится с нашими подданными, то мы хотим, чтобы наши судьи разобрали дело...

Что касается персидских и восточных товаров, то мы будем так дешево продавать их вашим подданным, что им не будет нужды ехать за ними куда-либо, и во всем мы будем благоприятствовать вашим подданным, чтобы они тем охотнее приезжали торговать в нашем государстве и царстве... Писано в нашем царском дворце в г. Москве 12-го дня ноября месяца 7138 года.

Записка Годефруа о препятствиях и затруднениях в торговле Франции с Московией. [1]).

Торговые сообщения Франции с Московией могут совершаться не иначе, как по Балтийскому морю через Нарву в Ливонию или же вокруг Норвегии и Лапландии через Архангельск.

Что касается Балтийского моря, то приходится проезжать через Датские владения, где датский король взимает высокие проездные пошлины с судов и с товаров, время от времени повышая их по своему усмотрению. А довольно часто он даже подвергает, под разными предлогами, как суда, так и товары аресту и конфискации,

Проехав через эту датскую область, нельзя доплыть до Московии иначе, как в зависимости от усмотрения короля Швеции, владеющего всем побережьем Балтийского моря с обеих сторон, от Кальмара в Швеции до Риги в Ливонии.

Подобно датскому королю, он захочет, вероятно, взимать проездные пошлины в своих портах и гаванях и будет арестовывать и конфисковывать суда и товары, когда ему заблагорассудится. А он тем более будет склонен к этому вследствие завистливых опасений, которые у него могут возникнуть, чтобы французы не завладели частью выгод и прибылей, извлекаемых его подданными из торговли с Московией, в которой они и так уже имеют такие большие преимущества, каких не достигнуть французам, — потому что шведы освобождены от платежа каких бы то ни было проездных пошлин в датской области в силу мирного договора между шведским и датским королями в 1624 г. Также и по той причине, что по другому мирному договору 1616 г. между упомянутым шведским королем и царем московским шведы получили право сво-

[1]) Перевод записки, французский текст которой приведен у Форстена, „Акты и письма", т. I. Относится, вероятно, к самому концу 20-х годов XVII века.

бодно заниматься торговлей в Московии, сопровождаемое многими вольностями и льготами.

Что же касается до плавания вокруг Норвегии и Лапландии к Архангельску, то путь туда очень долог. Не говоря уже о том, что в качестве соперников и противников французы будут иметь англичан и голландцев, совершающих туда прибыльные торговые поездки и более искусных в достижении выгоды, потому что они с давних пор обладают доступом в страну и знакомством с нею. Особенно же англичане, которые на компанейских началах ведут с нею торговлю с 1555 года и которым, так как они первые открыли путь вокруг Норвегии, московские цари пожаловали поэтому очень большие привилегии. Вплоть до сего дня они не платят никаких ни ввозных, ни вывозных пошлин, ни каких-либо иных сборов с товаров, которые они ввозят или вывозят из страны. И нет никакой надежды, что мы добьемся так скоро, по сравнению с ними, и таких благоприятных привилегий.

Все, что можно сделать, — это чтобы король повел в этом отношении переговоры с королями Дании и Швеции в пользу торговли французов, в пределах их королевств и владений, винами, галантереей и другими французскими товарами. А в вопросе о продаже их в Московию,—предоставить торговлю ими датчанам и шведам и таким образом возбудить в них интерес к нам. Но еще более верным средством для торговли в этих двух королевствах, Дании и Швеции, и соседних странах и государствах, по ту и по другую сторону датской области, будет основание во Франции могущественной Северной Компании в подражание испанскому королю, в течение нескольких лет проектирующему северную компанию, которую он хочет учредить в Севилье. Но нам надлежит плавать туда сильными эскадрами и с конвоем военных судов, подобно тому, как это делают Нидерланды в их путешествиях в северо-восточную Европу.

Ответ Московского правительства шведским послам на предложение торгового договора [1]).

А се ответ царского величества бояр свеиским послом Антонию Мониеру да Юрю Бенгарту на то писмо, каково они прислали в Посолской приказ с приставы в нынешнем во 137-м году марта в 31 ден.

В писме свеиских послов написано, чтоб королевскому величеству хлебною покупкою у Архангелского города не даром изубытчену быти корабельным наймом в Голанской земле и посылкою к Архангелскому городу и чтоб хлебной цены не возвысити и просят те прежименованные послы тово, чтоб великии государь его царское величество милостивно приказал и велел послат свои царского величества грамоты к Архангелскому городу к воеводам, чтоб там никто хлеба не закупал и кораблей хлебом не нагружал, покаместа его королевское велеможство свой урочной хлеб закупит, и приказат бы воеводам в городах и землях по Двине и в ыных местех, чтоб они вскоре, сколко мочно, хлебной привоз к Архангелскому городу чинили, чтоб его королевскому величеству тот прежименованной урочной хлеб 50000 чети сполна купить, также бы и Ягану Бекману, его королевского величества торговому члвку, досталной хлеб докупити, которого он в прошлом году не докупил и велети б учинити повелено, чтоб за чет ржи не болши цены имали, как в торгу цена была в прошлой зиме, и как преж сего продавали и в мере б премененья не учинит, чтоб по московской мере продавали.

И великии государь царь и великии княз Михаил Феодорович всеа Русии самодержец указал свеискому Густаву Адолфу королю для его прошеня 50000 чети ржи в своих государевых городех и в землях по Двине и в ыных местех купити поволно и беспошлинно, а покупая привозити к Архангелскому городу. А поку-

---

[1]) Е. Сташевский. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. I, приложения, стр. XXV—XXX.

пати тот хлеб на свейского Густава Адолфа короля его королевским подданным людем, ково объявите вы свеиские послы, а недокупной хлеб прошлого году королевскому подданному торговому члвку Ягану Бекману докупит велел же. А о проче свеиского Густава Адолфа короля и опричь тех, которым по указу и по повеленю царского величества повелено купит по прошенью датцкого Хрестьянуса короля и голанского князя и Статов, иных государств и земель никому царского величества в городех и в землях хлеба закупат и за море отвозити не велено[1]). А мера во всех царского величества городех и в землях по царского величества указу и по уложеню учинена одна против московские меры, и оприч той уложеной меры ни в которых городех и землях ц. в-ва иной мере быт не указано. А что кор. в-ва послы, Антоний и Юрьи, просят у ц. в-ва того, чтоб ц. в-во повелене свое учинил, чтоб за чет ржи не болши имали, как в торгу цена была в прошлой зиме, и ц. в-ва в городех и в землях изначала хлебу уставные цены не повелося и быти не возможно, продают хлеб всякий настоящею ценою, как в котором году хлеб родитца: коли в котором году по божии милости родитца болши, тогды и цена менши хлебу, а которого году недород хлебу, и тогда и цена хлебу выше. А ц. в-ва заказу и помешки о том не будет, чтоб королевскому велеможству продавали

---

[1]) В начале XVII века Голландия занимала первое место на мировом хлебном рынке. Польша была главным ее поставщиком хлеба. В 1570 г. ласт ржи стоил в Данциге 21—22 гульдена, в 1580 г. доходил до 52 гульд., в 1590 г. 32—37 гул., в 1600 г. до 56, в 1610 г. до 44, в 1620 г. до 46, а втечении 1622 г. колебался от 75 до 120. Вследствие этого повышения и в Амстердаме ласт ржи с 44 гульд. в 1620 г. дошел до 200 гульд. в 1622 г., упав к 1627 г. до 120, поднявшись в 1628 г. до 250 гульденов и продолжая подниматься. Швеция, захватившая у России и Польши берега Финского и Рижского заливов, стремилась во время опустошительной общеевропейской Тридцатилетней войны (1618—1648) овладеть и всем южным (немецким) побережьем Балтийского моря, полным хозяином которого шведы были в это время.

дороже иных людей, и во всем ц. в-во кор. в-ву хочет добра и прямые дружбы и приятельства.

А что вы кор. в-ва послы написали в своем письме, что вы говорили в ответе ц. в-ва бояром, что его кор. велеможство радетелен с ц. в-вом договор чинити на мену розными товары, которые в обеих государствах бывают и которые ц. в-ву и кор. в-ву годны будут; а товары, что его кор. в-во хочет из ц. в-ва земель и государств на 100000 рублев, первое шолку, ржи, поскони, воску, селитры, и сколь скоро цена в товарех с обеих сторон будет уложена и вы скажете, сколько его кор. в-во порознь всякого товару хочет; а против бы того ц. в-ву велети взяти всякую красную медь, жесть и белую медь, и ядра, мушкеты и латы, или что ц. в-ву любо будет, а о цене во всяком товаре по правде уставлено будет, так что после обявитца, что то все в шестеро дешевле голанской или иных земель продажи будет, только с надежею, что те товары, которые его кор. в-во похочет, такоже бы по правде ценою уставлены были. А его кор. в-во в том умышлене, что на обе стороны прибыльнее будет, чтоб с свейские стороны привозити и отдавати в Ладоге безо всякого убытку и подводного найму и беспошлинно и безо всякой натуги, а руские б товары также такою ж повольностью в Орешек привозити и отдавати, как договор учинытца на четыре или на пят лет, или на сколко его ц. в-во произволит.

И великии государь, его ц. в-во, указал вельможнейшаго Густава Адолфа короля с послы товары своими, которые в его ц. в-ва государстве, на те товары, которые велеможнеишаго Густава Адолфа короля в землях, а ц. в-ву будет годны, торговати полюбовною уложеною ценою, как которым товарам цена на обе стороны уложена будет, а для тое торговли ц. в-во указал кор. в-ва с послы говорити и торговати своего ц. в-ва подданным людем.

А что вы, кор. в-ва послы, написали в своем письме, что ныне болшая пора пришла, в Голанской земле

корабли уж готовят к Архангелскому городу для хлебной покупки, и для того ц. в-ву пожаловати, велети гонца в Свею вскоре отпустит и проезжую грамоту дати и великии государь, его ц. в-во, пожаловал, гонца в Свею отпустит велел и пристав, и корм, и подводы ему готовы.

Из ответа Московского правительства на предложения голландского посольства в 1630—1631 гг. [1]).

I.

И е. ц. вел-во великий государь Михаил Федорович, всея России самодержец, и отец е. ц. вел-ва, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея России, повелели объявить вам свой царский указ о том, что они не считают возможным дозволить, чтобы большое число незаявленных и мелких голландских торговцев приезжало в Московское государство и торговало в Москве и других городах, потому что гостям и торговым людям, подданным е. ц. в., это будет стеснительно и причинит их оборотам убытки и затруднения. И по указу е. ц. в. и отца е. ц. в., в. г-ря св. п-рха, дозволено торговать в Московском государстве только определенному небольшому количеству английских гостей, именно двадцати трем человекам, а отнюдь не разрешено всем английским торговым людям торговать в Москве и дру-

[1]) Еще с 1613 г. и нидерландские купцы, и Москва желали посещения России посольством Штатов. С 1614 г. молодому голландскому купцу Исааку Массе было поручено защищать голландские торговые интересы и выступать в роли дипломатического агента в Москве. Несмотря на настояния Массы, голландских купцов и Москвы, чьи послы добивались помощи Голландии против то Швеции, то Польши, первое голландское посольство Бурха и Фельтдриля прибыло лишь в 1630—31 гг. Отчет послов и очерк истории русско-голландских отношений В. А. Кордта см. в сборн. Р. И. О. т. 116, из которого взяты приведенные выдержки, представляющие собою обратный перевод с голландского перевода первоначального русского текста.

гих городах Московского государства и, согласно с этим, им и даны царские жалованные грамоты. И по указу е. ц. в. и отца е. ц. в., св. п-рха, нам поручено сказать вам, послам, чтобы вы представили письменное заявление о том, кто именно из голландских торговцев и сколько их желают торговать в Москве и других городах и е. ц. в. и отец е. ц. в, в. г-рь п-рх, пожалуют и дозволят увеличить прежнее число купцов на сколько им, г-рям, будет угодно и разрешат голландцам приезжать в Московское государство и торговать в городах так, как торгуют и англичане, из которых допускается лишь определенное количество заявленных людей, а г-вы пошлины повелят брать с них по справедливости и их г-ву указу, как они взимаются и с других иноземцев.

И вы, послы, говорили нам, боярам, что известите голландские штаты и князя Гендрика об этой милости царя и нашего в. г-ря, св. п-рха, но что вам без их ведома нельзя и не надлежит подавать поименной список тех голландских торговцев, которые желают торговать в Московском государстве и в городах, так как вам на это не дано полномочий, и что штаты и князь Гендрик в будущем, при удобном случае, будут просить об этом е. ц. в.

И вы, послы, говорили, что слышали и что вам подлинно известно, что в Московском государстве есть много обширных, пустых, но удобных для хлебопашества земель, которые вовсе не обрабатываются и где никто хлеба не сеет, и, если е. ц. в. и отец е. ц. в., в. г-рь св. п-рх, пожалуют и дозволят приезжать из Голландии не только торговцам, но и таким людям, которые знакомы с земледелием и занимаются им, то вы просите нашего в. г-ря, е. ц. в., и отца е. в-ва, в. г-ря св. п-рха, чтобы е. в-во милостиво дозволил вышеупомянутым людям распахивать эти новинные земли и засевать их; они же будут обрабатывать пашню по своему, как у них это дело ведется, и добывать разные необходимые для них продукты, что будет

приносить и казне е. ц. в-ва большой доход в виде пошлин и Московским торговым людям большую выгоду. Вы говорили также, что из Швеции, Ост- и Вест-Индии и из Голштинской земли, которая находится во владении датского короля, часто будто бы присылают к голландским штатам и к князю Гендрику с просьбой, чтобы они дозволили своим подданным приезжать в те страны и обрабатывать там пустопорожние новинные земли; штаты же и князь Гендрик на это не соглашались и этого не разрешили, а повелели просить е. ц. в. и отца е. ц. в-ва, в. г-ря св. п-рха, о том, чтобы они дозволили приезжать в Московское государство всем голландцам для торговли и земледелия.

И мы, е. ц. в-ва и отца е. в-ва, св. п-рха, бояре и думные дьяки, объявляем вам, послам, указ и повеление е. в., что многих неизвестных голландских торговцев и других людей, сверх тех, которые числятся в списке, допускать в Московское государство для земледелия невозможно, потому что, если голландским торговым людям дозволят заниматься земледелием в Московском государстве, русским людям это будет стеснительно, вызовет споры о земле и причинит убыток их хлебной торговле.

Еще вы, послы, говорили, что, кроме этого, вам приказано просить нашего в. г-ря, е. ц. в., и отца е. в-ве. в. г-ря св. п-рха, чтобы наш в. г-рь, е. ц. в., и отца е. в-ва, в. г-рь св. пр-х, оказали милость и поддержку вашей стране и ее подданным и дозволили исключительно голландским торговцам покупать в Московском государстве хлебные запасы, запретив торговым людям других государств покупать здесь хлеб. За эту царскую милость и попечение голландские штаты и князь Гендрик дозволят русским людям закупать в Нидерландской и Голландской земле всякое оружие и боевые припасы, какие только окажутся нужными нашему в. г-рю, е. ц. в., для борьбы с неприятелями, хотя другие государства не имеют права покупать у них и вывозить оружие; и в благодарность за милость и дружбу

нашего в. г-ря, е. ц. в., они намерены издать плакат, т. е. строгий закон, воспрещающий всем государствам, за исключением Московского, закупать у них и вывозить оружие и военные припасы.

И наш в. г-рь, е. ц. в., и отец е. в-ва, в. г-рь св. пр-х, не могут дозволить, чтобы одни только голландские торговые люди закупали хлеб, потому что к нашему в. г-рю, е. ц. в., и отцу е. в-ва, в. г-рю св. п-рху, присылают своих послов и посланников великие христианские государи: король английский Карл, король датский Христиан, король шведский Густав Адольф и другие государи и пишут е. ц. в. и в. г-рю св. п рху в своих грамотах, что в их государствах неурожай хлеба и что для прокормления их подданных не хватает зерна, вследствие чего и просят, чтобы им оказали содействие и разрешили снабжаться хлебом и вывозить его из Московского государства для облегчения нужды, которую они терпят.

И наш в. г-рь, е. ц. в., и отец е. в., в. г-рь св. п-рх, государи милостивые: по своему государеву милосердию они не отклоняют просьб и ходатайств этих государей и, оказывая им дружественную услугу, дозволяют покупать хлебные запасы в Московском государстве.

И вам, послам, и нам самим подлинно известно, что те государи могут счесть себя обиженными и что между ними и нашим в. г-рем возникнет вражда и разлад, если дозволить одним только голландским торговым людям закупать хлеб в Московском государстве. И далее вы, послы, говорили, чтобы наш в. г-рь, е. ц. в., и отец его ц. в., в. г-рь св. п-рх, повелели русским людям добывать селитру в Московском государстве и привозить ее в Архангельск, где голландские торговые люди будут покупать селитру у русских людей и платить с нее пошлины, от которых наш в. г-рь, е. ц. в., будет получать большие доходы.

И мы, е. ц. в-ва бояре и думные дьяки, объявляем вам, послам, что селитры в Московском государстве

никому продавать не будут, так как наш в. г-рь, е. ц. в., решил воевать в нынешнем году со своим недругом, королем польским, от которого терпел много неправд; и для этой войны понадобится селитра ратным людям нашего в. г-ря, е. ц. в. А по просьбе голландских штатов и князя Гендрика наши в. г-рь, е. ц. в., и отец е. в-ва, св. п-рх, соблаговолили и повелели в позапрошлом году дать им партию селитры безвозмездно, а не за деньги.

И вы, послы, говорили, что для Голландии требуется ежегодно до двухсот тысяч и того больше четвертей хлеба и, если е. ц. в. и отец е. в-ва, в. г-рь св. п-рх, соизволят и разрешат покупать эти хлебные запасы в Московском государстве, то голландские торговые люди условятся о цене с теми из гостей е. ц. в., которым приказано заведывать покупкою и продажею хлеба, и будут платить деньги по установленной цене; в Литовскую же землю и Данциг голландские люди для покупки хлеба тогда ездить не будут и перестанут снабжаться оттуда этим товаром, что принесет большую прибыль е. ц. в. и убыток королю польскому [1]).

---

[1]) Агент шведского короля в Москве, Яков Меллер, так отзывался в 1631 г. о предложении Бурха и Фельтдриля: „привезли они в дарях яйцо, а хотят взять быка. Слышал он, что они хотели хлеба закупити и тот хлеб торговым людем отвозити было в Ишпанию“ и указывал Московскому правительству, что цель Штатов,—„чтоб им в царьского величества земле весь хлеб закупити, а потом иным из их рук глядети“. Но сам Меллер, продолжая попытку 1629 г. Моньера и Бернгарта (см. предыдущий документ нашего сборника), предложил Москве в 1631 г. заключить торговый договор со Швецией и установить цены,—тогда голландцам „от неволи купити будет по той цене, как они, государи, уставят“. Москва сочувственно встретила проект. В этом году была объявлена царская монополия на хлебный экспорт, но Густав Адольф выговорил себе право за „доброжелательство“ покупать хлеб по с е б е с т о и м о с т и царю (у Архангельска) и вдобавок беспошлинно. Каково было влияние монополии на экспортные цены, видно из следующего: в 1631 г. королю отпущено $59999\frac{1}{2}$ ч. ржи по 25 алтын 2 деньги и проса $1469\frac{3}{4}$ ч. по 1 руб. 28 ал.

И наш в. г. ц. и в. к. Михаил Федорович, в. Р. с-ц. и отец е. в-ва, в. г-рь св. п-рх Филарет Никитич М-й и в. Р., не отказывают голландским владетелям и князю Гендрику в их просьбе и желании, хотя в настоящеее время и не следовало бы допускать закупки хлеба в Московском государстве, потому что в этом году, в сравнении с прежними годами, урожай небольшой, а между тем из того количества хлеба, которое по просьбе христианских государей им уже разрешено купить в прежние годы, довольно значительная часть еще не доставлена, и, сверх того, до вашей просьбы продано тоже немало хлеба.

---

2 д., а продажные экспортные цены были: рожь по 1 р. 13 ал. 2 д. и просо по 2 р. В 1632 г. в Швецию продано 50773 ч. ржи по 98 д. и 3650 ч. проса по 1 р. 28 ал. 2 д., а продажные цены были: рожь 190 д. и просо 2 р. В 1633 г. в Швецию отпущено 50000 ч. ржи по 100 д., а продажная цена 170 д. По подсчету бояр, с 1628 г. по 1633 г. король закупил 335000 ч., при чем по их словам за 1628—30 г.г. шведы закупали всякий хлеб в Ярославле, Вологде, Тотьме, Устюге В., Колмогорах, Архангельске беспошлинно и дешево, алтын по 8 или 10 и по 4 гривны, „а большою ценою купили по полтине четв."

Правительственная монополия 1631—1635 гг. на закупку ржи, пшеницы и ячменя сосредоточила ее в приказе Большой казны. Центром хлебных операций была Вологда, а производились они также в Тотьме, Устюге, Вятке, Нижнем и вообще в Поволжье, сначала через гостей-комиссионеров, затем прямо упомянутым приказом на суммы приказа или местные таможенные и кабацкие сборы. Руководивший гость назначал хлебных целовальников из местных посадских для закупки или заключал контракты с „уговорщиками"-торговцами, а те уговаривались с крестьянами. Цены при вывозе определялись казной. Гости вмешивались и во внутреннюю торговлю. По жалобе Соловецкого монастыря на такого закупщика, помешавшего закупить в 1631 г. 10000 ч. ржи, 2000 овса, 2000 ячменя, 300 пшеницы, 1100 круп и 812 прочих хлебов, царь „велел всяким людем про собя хлеб покупати беспенно, только б закупщики хлеба не покупали на немец и немцам хлеба не продавали".

Общую сумму закупки в 1631—1632 г.г. можно вычислить с царских запасов проезжей холмогорской пошлины бралось по 4 деньги с четверти, а в 1631 г. этой пошлины пришлось 4587 р. 27 ал. 4 д. и в 1632 г. 6496 р. 23 ал. 5 д. (но в 1631 г., еще до монополии, уже куплено для англ., швед. и дат. королей 20000 ч.).

Тем не менее ходатайство голландских штатов и принца Гендрика уважено и им всемилостивейше дозволено купить в нынешнем 7139 г. (1631) 23000 четвертей ржи из того запаса хлеба, который по указу е. ц. в. и отца е. в-ва, в. г-ря св. п-рха, был предназначен для Астрахани. А что касается денег, которые за этот хлеб следует уплатить казне е. ц. в., то ближний боярин е. ц. в., наместник Казанский князь Иван Борисович Черкасский, пришлет к вам гостей, с которыми вы можете условиться о цене, и, если сойдетесь, тогда вам отпустят этот хлеб еще в нынешнем году в Архангельске [1]); а если сверх того там окажется

По довольно полным данным (1627—1633) разрешено отпустить за границу: в 1627 г. купцу Ручу для дат. короля 30000 ч. ржи; в 1628 г. голландцам Деладалу и Ульянову для швед. короля 36000 ч.; в 1629 г. ему же 50000 ржи и 1000 льн. семени, а голландцам Ю. Клинку 40000 и Труппу 3000 ржи; в 1630 г. швед. королю 75000 ржи и 8000 проса, двум шведским послам 3500 и 3000 ржи, голл. Кузорту 1000, докт. Дию 5000, англ. королю 30000 и дат. королю (на 3 года, через Д. Минулаева) 75000; в 1631 г. швед. королю 50000, дат. королю 25000, Франции (обещано) 50000, голландцам предлагалось от 25000 до 100000, отпущено голл. Виниусу 100000 и Демулену 80000; в 1632 г. швед. королю 50000 и дат. королю 25000, в 1633 г. швед. королю 50000 и его послу Русселю (на 2 года) 46000 четв. ржи (по данным Е. Сташевского, „Очерки по истории царств. Мих. Фед.).

[1]) Для переговоров об этих 23000 ч. к послам был прислан гость Надей Светешников, хотя послы заявили, „что относительно хлеба предпочитали бы вести переговоры с уполномоченными, которые, конечно, лучше могли оценить значение дружбы и союза“ со Штатами и выразили „свое удивление и неудовольствие“, когда гость запросил, ссылаясь на распутицу, „по 2 руб за ч-ть, т.-е. около 76 рейхсталеров за ласт“. Через 3 дня Светешников сбавил до 1 р. 4 гривен за ч-ть, т.-е. 53 рт. за ласт, а еще через 4 дня до 1 р. 30 коп. за ч-ть (около 49 рт. за ласт), но послы отказались, заявив, что „мы нашими предложениями желали лишь оказать содействие русской торговле“, а хлеб могут купить дешевле „не только у себя дома, но и везде за границей“. Фельтдриль уехал, написав Штатам: „мало обращают внимания на иностранцев при этом дворе, где, кажется, воображают, что не нуждаются в дружбе с кем-либо из государей“. Когда же получивший предписание Штатов закупить уже 18000 ластов зерна Бурх обратился к царю вторично, то услышал, со ссылкой

еще хлеб, предназначенный для продажи, то и эту партию можете купить; в следующие же годы хлеб будет продаваться вышеупомянутым государствам и вам, голландцам, на одинаковых условиях [1]).

... И вы, послы, говорили, чтобы наш в. г-рь, е. ц. в., и отец е. в-ва, в. г-рь св. п-рх, дозволили русским людям завести и изготовлять в Московском государстве разные продукты и товары, которые требуются в вашей стране, как-то: пеньку, лен, смолу и золу и повелели им привозить эти товары в Архангельск, где голландские торговые люди их будут покупать у русских и пошлины платить с них в г-ву казну. В Польшу они за этими товарами тогда ездить не станут, вследствие чего доходы нашего в. г-ря от

на несостоявшуюся сделку о 23000 чт., что „в царской казне лишнего хлеба нет и что поэтому всякие переговоры по этому делу бесполезны". Но на обратном пути Бурх в Вологде получил предписание Штатов хлопотать о: 1) закупке сверх прежней цифры еще 21000 ласта ячменя для голланд. тов-ва пивоваров, 2) разрешении закупать 3 года по 10000 ластов ржи (по 200000 чт.) ежегодно по 30 рт. за ласт и 3) о разрешении Эрнесту Филипсу и его товариществу в течение 30 лет проезда в Персию и обратно (о нем см. отрывок II). К вернувшемуся в Москву Бурху явились Григорий Микитников и Надей Светешников (по словам Бурха; „оба они принадлежат к числу именитых гостей или придворных торговцев") и согласились продать лишь 5000 ластов (около 100000 чт.) и то по цене, по которой купил Андрей Винпус (купивший 10 янв. „100000 или 120000 чт. по 14 гривен; т. е. по $2^{3}/_{4}$ рт. за моск. ч-ть; 19 или 20 таких ч-тей составляет ласт. Все удивлялись этой высокой цене"). На заявление Бурха, что ему поручено говорить лишь об ежегодной посылке 200000 чт., а не единовременной закупке 100000 чт., бояре заявили, что цена будущих урожаев неизвестна, о хлебе просят и др. государи, а так много продать голландцам нельзя. Бурху оставалось лишь уехать, что он и сделал.

[1]) Далее послы просят разрешения „держать в Москве постоянного агента для надзора за торговыми людьми", подобно английскому агенту, который бы мог, если царь „пожелает потребовать что-либо из Голландии для своего обихода, извещать сейчас же голландские штаты и князя Оранского, чтобы все там было исполнено возможно скорее и немедленно отправлено в Москву без задержки и потери времени". Послы получили согласие Москвы на эту просьбу.

пошлины будут увеличиваться; и для подданных обеих стран это будет выгодно, для польского же короля убыточно, ибо его подданные обеднеют и даже оскудеют, если голландские торговцы прекратят торговые сношения с Литвою и перестанут снабжаться оттуда товарами.

И мы, е. ц. в-ва бояре и думные дьяки, вам, послам, объявляем: когда с соизволения е. ц. в. и отца е. в-ва, в. г-ря св. п-рха, в Москве будет назначен агент для ваших голландских торговцев, тогда он может войти в соглашение относительно этих товаров с е. ц. в-ва русскими торговыми людьми, которые их изготовляют, так что вам представится возможность свободно торговать с теми купцами, с которыми агент договорился о поставке известного количества товаров.

И далее вы, послы, просили нашего в. г-ря, е. ц. в., и отца е. в-ва, в. г-ря св. п-рха, и с нами, боярами, говорили о том, чтобы в. г-ри пожаловали и дозволили вашим голландским торговым людям самим срубить лес в Московском государстве по берегам реки Сев. Двины и у Архангельска, и покупать у русских дубовый и сосновый лес; далее, чтобы г-ри дозволили им строить самим из этого леса корабли у Архангельска и вывозить за море в Голландию такой лес, в котором вы нуждаетесь, а именно: дубовый и сосновый в два дюйма толщины и тоньше, длиною же в сорок или тридцать футов, но не короче двадцати; нужен же вам этот лес за морем для кораблестроения, при чем то, что для этого не годится, идет на постройку домов. А прежде голландцы покупали лес для кораблестроения и постройки домов в других государствах: в Пруссии, Курляндии и Норвегии; теперь же, если наш в. г-рь, е. ц. в., и отец е. в-ва, в. г-рь св. п-рх, пожалуют и дозволят голландцам рубить такой лес в Московском государстве на реке Двине и покупать его у русских людей, они перестанут ездить за ним в те страны и е. ц. в. будет тогда иметь большие доходы от пошлин.

И наш в. г-рь, е. ц. в., и отец е. в-ва, св. п-рх, пожаловали и дозволили рубить лес в Московском государстве по берегам реки Сев. Двины, с условием, чтобы голландцы нанимали с этой целью русских людей в Московском государстве и, купив у русских тот лес, что имеется по берегам реки Двины, поручали им же рубить его; и е. ц. в. и отец е. в-ва, в. г-рь св. п-рх, повелели взимать пошлины с этого леса по государеву указу и по уставным грамотам [1]).

---

[1]) Голландцы и раньше интересовались русским лесом. В 1624 г. Масса просил о разрешении амстердамским купцам в течение 20 или 30 лет „пилами, которые водяными мельницами трут, и ручными пилами лес терть на доски и на иное дело“ для вывоза заграницу; на запрос думного дьяка пояснил, что они намерены „делать те доски по Двине по реке в государевых лесах, а лесу государева большого на Двине много, а стоит даром; а у того дела быть их людем человек з десять, да к тому учнут наймовать русских людей деловцов. А возить им те доски Двиною к Архангельскому городу“. Масса добавлял, что это послужит примером для русских. Проект, повидимому, не осуществился. В 1629 г. торговавший с Россией голландец де-Молин просил о разрешении выбрать участок леса на Сухоне, Юге и Двине и монополии вывоза золы на 10 лет. Монополия была ему дана с условием нанимать исключительно русских рабочих и платить оброк и проезжие пошлины все 10 лет (он просил о льготе на 3 года). После неудачной попытки, он снова просил о разрешении изысканий по Волге до Самары, Вятке и в Новгородском уезде и вывозе, кроме золы, еще и дуба. Разрешение было дано с правом держать 3 или 4 голландских мастеров. После отъезда Бурха и Фельтдриля он поспешил закрепить за собой монополию на 10 лет на вывоз золы (из Нижегород. уезда) и дуба (из Фалицкого у. и с Ветлуги). Правительство отметило, что Штаты так и не прислали агента для закрепления договора о вывозе леса и поэтому предоставило в 1633 г. эту монополию де-Молину. Еще раньше он имел в Холмогорах канатное дело, изготовляя для вывоза более 1000 пуд. каната ежегодно, но с 1623 г. ему запретили изготовлять для вывоза, а лишь для починки кораблей в Архангельске; другой голландец, „Елисей Ульянов“, получил царскую смоляную монополию на откуп в 1636 г. В 1649 г. смоляной откуп был у богатого голландца Андрея Виниуса.

II.

И ты, посол, говорил нам, боярам и думным дьякам, и в письме твоем написано, что ваши голландские торговцы ведут значительную торговлю с Персиею, и что эта торговля приносит шаху великую прибыль. Но, принимая во внимание, что морская дорога в Персию для ваших торговых людей весьма дальняя, вследствие чего они терпят большие убытки, и что через Московское государство путь в Персию ближе, голландские штаты и принц Оранский повелели тебе просить нашего в. г-ря, е. ц. в., чтобы наш в. г-рь, е. ц. в., пожаловал и дозволил голландским торговым людям, для сокращения пути, ходить туда в течение тридцати лет через Московское государство. И если наш в. г-рь, е. ц. в., на то соизволит и даст дорогу в Персию через Московское государство, тогда многие голландские торговые люди будут ездить туда с многими товарами, и это может принести нашему в. г-рю, е. ц. в., громадную прибыль в таможенной пошлине, или же наш в. г-рь, е. ц. в., может взять в свою государеву казну, вместо пошлин, по пятнадцати тысяч рублей в год.

И мы, бояре и думные дьяки, тебе, послу, объявляем, что это невозможно, чтобы наш в. г-рь, е. ц. в., дозволил голландским торговым людям ездить со своими товарами через Московское государство в Персию, потому что перед этим, в 1614 и в 1620 годах, король английский Яков прислал к нашему в. г-рю, е. ц. в., своего посла, рыцаря Джона Мерика, который ходатайствовал у нашего в. г-ря, е. ц. в., о том же, а именно просил, чтобы наш в. г-рь дозволил английским торговым людям ездить со своими товарами через Московское государство в Персию и из Персии с персидскими товарами в Англию.

И наш в. г-рь, е. ц. в., отказал английскому послу рыцарю Мерику, потому что из Московского государства ездят в Персию для торговли многие торговые люди, подданные нашего в. г-ря, е. ц. в. И гости,

и торговые люди Московского государства били челом е. ц. в. и заявили, что если уступить англичанам или кому-либо другому дорогу в Персию через Московское государство, то это им будет стеснительно, подорвет их торговлю, уменьшит таможенные доходы царской казны и будет причиною оскудения и притеснения торговых людей Московского государства [1]).

Из царской грамоты 1634 г. датскому королю о вывозе хлеба.

... вы в прошлом году, в ноябре месяце, с некоторыми вашими подданными: с Расмусом Лавриценом, с Крин Гофтом, да с Ындриком Германсендотом, да с Сандором Янсоном и с их полномочными к нашему ц. в-ву писали, чтоб им поволити несколько хлеба и запасов в нашей земле покупати и что им пошлину, которая по се время у них имана, им отдати, и на том вы, брат наш, нам, в. г-рю, соседственно и любително бьете челом, что мы, в. г-рь, в прошлом году дватцать пять тысячь четвертей вывесть им поволили,

---

[1]) Помимо указанных в правительственном ответе условий, на которых голландская компания просила о проезде в Персию, в памятной записке, врученной гонцом послу Бурху, упоминалось еще о том, что: 1) разрешение понималось как „исключительная привилегия перед туземцами и иностранцами“, хотя с сохранением права самого царя на эту торговлю; 2) с провозимых через Россию в Персию наличных денег голландцы соглашались уплачивать 2%, а с каждого обычного веса тюка шелка из Персии по 15 гульденов пошлины ввозной и вывозной, итого 30 гульденов (со всех же иных товаров обычную пошлину), но царь должен очищать пути от разбойников и обеспечивать провоз до Архангельска, — „если же е. в-во возьмет на себя доставку тюков шелку от Астрахани до Архангельска через своих подданных, то ему будут платить пошлинных денег и на покрытие расходов по 70 гульденов с каждого тюка“; 3) посол может предложить царю самому принимать шелк от компании в Астрахани по цене покупки у шаха, но с тем, чтобы перепродавать шелк в Архангельске той же компании по заранее условленной цене; 4) московским сановникам посол может обещать постоянные „подарки“ в случае получения привилегии.

и вперед еще просите, чтоб тем прежеименованным вашим подданным, Расмусу Лаврицену да Крину Гофту с товарыщи, вперед будущие на десять лет поволити вывесть на всякой год по тридцати тысяч четвертей ржи, и муки, и круп и гороху, да по шти тысяч чети пшеницы, да по четыре тысячи чети солоду и чтоб подлинное число объявити, сколко ржи, и муки, и круп, и гороху, и пшеницы и солоду вашим подданным поволим купити. А будет им не велим объявити и того им подлинно ведома не будет, по чему им в ту десять лет на всякой год вывозить, и им ежегод оттого будет напрасная езда и убытки и истеря. А иных земель иноземцом будто отдавана четверть по полтине, а ваши подданные платили по двадцати алтын по четыре копейки за всякую четверть; и вы, брат наш, просите, чтоб им те деньги, что по четырнатцати копеек у всякие четверти лишку взято, назад отдати или хлебом в то место дати... А что ваше кор. в-во писали к нам о хлебной покупке, и мы, в. г-рь, тем вашим подданным Расмусу Лаврицену да Крину Гофту с товарыщи поволили наперед сего, по вашему, брата нашего, прошенью, в нашем в Московском государстве купити хлебных запасов семдесят пять тысяч чети, а покупали они тот хлеб три года, во 139-м, да во 140-м, да во 141-м году, по дватцати по пяти тысячь чети на год, потому что в тех в прежних годех нашего государства в городех по милости Божьей был хлебу род и цену у них за тот хлеб имали прямую, а пошлины с того хлеба взяты по нашему указу и по уставным грамотам, как иманы пошлины с англичан и з галанцов с хлебных покупок, а лишней цены и пошлин за тот хлеб не взято ничего и те пошлины с хлебной покупки иманы со всех иноземцов, а не с одних ваших подданных. А ныне в наших государствах, волею Божиею, учинился хлебной недород, во многих местах хлеб морозом побило, и оттого хлебу цена учинилась высока, а расходы ныне хлебу в наших государствах перед прежним учинились многие, потому

что заведено у нас с недругом нашим, с полским королем, дело воинское великое, и ратные люди в зборе многие, свои домашние и многих розных земель иноземцы, и для того ныне в нашем государстве вашим подданным хлебных запасов купити не поволили есмя [1])...

Шведская компания для торговли с Россией.

Эта компания имела комический исход. Она была основана в 1653 г. в расчете на дешевое приобретение русских произведений и продажу их в Европе. Один иностранец, Пьер Терро [2]), посулил на этом деле 25% прибыли. В числе участников компании находились две знатных особы, бургомистр Нильс Нильсон и асессор Нильс Скунк, известный своими путешествиями и своей стипендией Трульс Коре, казначей Берге Ольсон, П. Ж. Койет, Мортен Лейоншельд, Якоб Лейель и др.,—в одном месте их перечисляется до 25 человек. Они вложили от 20 до 2000 риксдалеров. Участника П. Терро они назначили торговым агентом компании, предоставив ему жалованье, деньги на путевые расходы и слуг. Первая поездка прошла отлично. На капитал в 38000 риксдалеров получено было 25%

[1]) Р. И. Б., т. XVI. № 129. В 1650 г. на просьбу Дании о разрешении закупить „в городех и в уездех“ по одной грамоте 12 кораблей ржи, а по другой 1500 ластов ржи или пшеницы дано разрешение продать датчанам 10000 ч. ржи и то у Архангельска, через приказных, а всего просимого „великого числа хлеба“ продать нельзя: в Новгородской и Псковской областях, Заонежье и пр. местностях „устроены солдаты и иные ратные многие люди“ и из пашенных „многие, оставя свои пашни, написалися в салдатской строй и хлеб покупают. А в полских и в понизовых городах“ вместо урожая теперь недород и саранча да, кроме того, царю „писали о хлебной покупке с прошеньем“ шведская королева, голландские штаты и „били челом короля польского подданные запорожские черкасы“ (там же, № 148).

[2]) Еще в 1652 г. Терро был в Москве с письмом шведской королевы об отпуске ему 40000 ч. ржи, но царь разрешил лишь 20000 ч.

прибыли. Во вторую поездку куплено было у е. ц. в-ва, Алексея Михайловича, 7746$^3/_4$ фунта (244 п. 15 фунт.) ревеню на 30.328 риксдалеров 36 шиллингов, каковой ревень был затем продан Роквету за 41.513 риксд. 12 шиллингов; обошелся ему с доставкой в Гамбург 41858 риксд. 39 шил. Но, повидимому, желание Терро одному воспользоваться прибылью привело к падению как его самого, так и компании. Последняя обвинила его в т а й н о й продаже ревеня Хегершерну, который затем на своих судах развозил его по Европе. Терро умер в 1647 г., оставив после себя крайне незначительные средства. Начался продолжительный процесс; отрывки которого сохраняются здесь [1]). Хагершерн хотел возвратить непроданный ревень (ибо оказалось, что царь примешал к хорошему много негодного) и деньги, вырученные им за проданный, а сверх того еще значительную сумму, чтобы только отделаться. По отрывкам дела трудно проследить исход процесса; ясно только, что „в конечном итоге честность выгоднее",—что никто не нажился, а все потерпели убыток, кроме е. ц. в-ва, который, повидимому, всех одурачил [2]).

---

[1]) Шведский текст этого описания (вместе с описанием деятельности других, основанных в XVII веке шведских торговых компаний для торговли с разными странами) находится в бумагах архива Де-ла-Гарди и напечатан в „Delagardiska Archivet", Lund, 1838, том X, стр. 176 (в „Чтениях", 1875, IV, напечатано с некоторыми пропусками в переводе Чумикова).

[2]) Интересны надежды, возлагавшиеся на компанию де-Родесом: „правда, я должен сознаться, что все голландцы и чужестранцы, которые имеют торговлю в Архангельске, никогда равнодушно не посмотрят, что торговля могла бы быть перенесена на Восточное море (т.-е. Балтийское) и как только кто-нибудь сюда прибывает из Лифляндии, настолько ревнивы, что они, как только смогут узнать его планы, все делают против них, что только им возможно, хотя бы оно даже ни в чем другом не выразилось, как только в повышении цен на товары. С помощью теперешней предпринятой компании, из которой Пьер Терро теперь здесь, может быть произведена с течением времени все-таки хорошая перемена в архангельской торговле и только это есть единственный способ, при помощи которого (перенесение торговли из Архангельска на Балтийское море) может преуспеть, в особенности когда

Процесс перекинулся и в Амстердам, и в Гамбург. В последнем городе суд располагал подходящим девизом на своей печати: терпение есть добродетель христиан. Бургомистр в Амстердаме был Вигбот Слихер. Царская купчая помечена: Москва, 29 марта 1653 г. Поверенными е. ц. в. были пользующийся доверием повелителя всех русских лейб-медик г. д-р Цраман (Czraman), толмач е. ц. в. Иоган Бенен-фон-Дельден и купец Беклинг. Покупщиком, кажется, был не Терро, а гамбургский купец Hicesing или Hising, вследствие чего еще труднее было распутать дело. Вместо денег царю было заплачено за товар 4967 шиффунтами полосового железа по $6^1/_2$ риксд., на 38289 риксд.

Отзыв Савари о торговле с Россией.

О торговле, происходящей в Архангельске и во всей Московии, товарах, ввозимых туда из Франции и привозимых оттуда, способах торговли ими и о том, что надлежит делать для достижения в ней успеха [1]).

Товары, привозимые из Франции в Московию.

Из Франции привозится в Москву соль, бордосские и анжуйские вина (но три четверти их должны быть

капитал (компании) сделается немного больше и лучше относительно взносов, что вполне могло бы быть умножено тогда, по моему ненавязчивому мнению, с помощью принятия большего числа участников, хотя бы они были даже из различных городов". (Перевод Б. Курца, „Состояние России по донесениям Де-Родеса", стр. 94). О Родесе см. примечание на стр. 170.

[1]) Savary des Bruslons. „Le Parfait Négociant"; 1674. II. Жак Савари, — известный французский коммерсант и экономист (1622—1690), принявший главное участие в выработке франц. коммерческого кодекса в 1673 г. Его книга „Совершенный коммерсант" появилась в 1674 г., была переведена на все важнейшие европейские языки и сделалась настольной книгой купцов. Посвященная России глава из этой книги переведена здесь с небольшими пропусками.

красные и лишь одна четверть белого вина), водка и уксус.

Сиропы, кедровый ликер, засахаренные фрукты, сухие сливы и груши, шафран, плохой бракованный табак, белая и серая бумага, белое полотно и бархат.

Грубые сукна и другие посредственного качества материи из Руана и соседних мест, золотые и серебряные ткани и муары, шелковые материи, ленты, шляпы и всякого рода галантерейные и мелочные железные изделия.

Канадские бобры, которые должны, однако, быть совершено новыми, т. е. не бывшими в употреблении у дикарей, с тонкой шкурой и длинным и густым мехом; московиты выщипывают бобровый пух и продают его обратно голландцам и англичанам, привозящим его на продажу во Францию, о чем еще будет сказано ниже, а что касается шкуры с оставшимся мехом, то она служит им для опушки и украшения как мужской, так и женской одежды. Туда привозится также совершенно готовый, выделанный хорьковый мех, идущий на подкладку мужской и женской одежды. Кольца, драгоценности и украшения, но незначительной ценности, и золотая и серебряная проволока.

Пошлина при ввозе и вывозе.

Со всех привезенных в Архангельск товаров взимается 5% ввозной пошлины, кроме вина и водки, которые оплачиваются по оценке откупщиков великого князя, именуемого там царем; за товары, купленные для вывоза из страны, платят 5%, а за товары, перевозимые в Московии далее Архангельска, уплачивается 10% как при ввозе, так и при вывозе.

Товары, привозимые из Московии.

Разного качества дорогие соболя, горностаи и серые белки для изготовления меховых муфт и воротников, бобровые шкуры, привозимые туда и продаваемые во

Франции шляпникам для изготовления шляп, козлиные, медвежьи и волчьи шкуры, сухие просоленые кожи и юфть.

Пенька, лен, свиная щетина, которая продается сапожникам, чеботарям, седельщикам, хомутникам и другим работающим по коже ремесленникам на сшивание их изделий; рыбий жир, соленая семга, сало, корабельная смола, воск, зола для изготовления всякого рода мыла и еще многие другие товары, всех которых нельзя перечислить.

...Хотя англичане первыми завязали торговлю с Московией и хотя они получили привилегию ввозить туда свои товары и вывозить оттуда без уплаты каких бы то ни было пошлин, но они опять потеряли ее и теперь платят наравне с другими иностранцами, несмотря на все их обращения к великому князю с просьбой о восстановлении их привилегии, и в настоящее время ко всем иностранцам совершенно одинаковое отношение.

Торговля в Московии ведется двояким способом: она происходит во время ярмарки в Архангельске, не проникая далее вглубь страны, и она производится также товарами, которые перевозятся купцами из Архангельска до Москвы и во все другие города и области Московии.

Все купцы, занимающиеся торговлей в этом государстве, как голландцы, англичане, гамбуржцы, так и французы, согласны в том, что наиболее выгодной является торговля в Архангельске, потому что обиды, которым часто подвергаются купцы, торгующие в Москве и других местностях Московии; безнадежные долги, образующиеся там; высокомерие и непостоянство этого народа и плохое обращение с иностранцами являются причиной того, что немногие желают заниматься там торговлей из-за невозможности получить там свою прибыль.

А если англичане, голландцы и гамбуржцы продолжают свою тамошнюю торговлю, то это потому, что

они с давних пор имеют там знакомства и свое имущество, что в силу необходимости принуждает их продолжать свою торговлю внутри этого государства с уплатой, как уже было выше сказано, 10% за ввоз туда товаров и столько же за вывоз оттуда. Московиты заслуживают также мало доверия, будучи хитрыми и ловкими, особенно в торговых делах, не всегда сдерживающими свои обещания и самыми упрямыми в мире людьми.

Кроме того, очень трудно найти таких комиссионеров, которым можно было бы доверить продажу привозимых туда товаров, отдаваемых в кредит иногда на два года, тогда как закупка товаров для вывоза совершается обычно на наличные, если желают получить от нее прибыль, — так по крайней мере поступают англичане и голландцы. Ко всему вышесказанному следует еще прибавить также препятствия, создаваемые голландцами французам теми презрением и недоверием, которые они с достаточным успехом внушают московитам по отношению к нашему народу; так как помимо того, что французы не всегда проявляют всю ту воздержанность, которую бы следовало желать, дело еще и в том, что этот народ очень склонен поддаваться чувству первого впечатления, — а потому по всем этим вышеприведенным причинам для достижения наибольшего успеха в торговле с Московией французским коммерсантам лучше ограничить всю свою торговлю Архангельском. Но, как уже было сказано в предыдущей главе по поводу торговли с ганзейскими городами, необходимо, чтобы какое-либо заинтересованное в торговле лицо проживало постоянно в Архангельске, а иначе по вышеприведенным причинам им трудно будет оправдать свои расчеты.

Крупнейшая торговля в Архангельске заключается в обмене товаров, иногда частью на деньги, а частью на товар, иногда же с уплатой полностью наличными деньгами за товары, покупаемые у русских, тогда как товары, продаваемые им, отпускаются на год в кре-

дит. В общем, вся эта торговля совершается смотря по обстоятельствам, но по отзывам англичан, голландцев и тех руанских купцов, которые посылают товары в Архангельск, лучше всего давать в уплату за товары, покупаемые у этого народа, половину деньгами, а половину товарами, потому что это удобнее всего и такой способ торговли ведет к двум полезным следствиям: во-первых, отделываются от товаров и получают на них некоторую прибыль, а во-вторых,—наличные деньги позволяют приобрести их товары по дешевым ценам.

Корабли отплывают обычно из Франции в Архангельск в марте месяце с тем, чтобы вернуться в октябре, все сделки заключаются в течение 5 или 6 недель и необходимо брать с собою достаточную сумму денег для того, чтобы с пользой совершить их, потому что все счета между купцами должны быть уплачены в течение этого времени и выгоднее привезти туда денег с излишком, чем недостаточно, так как когда их нехватает для того ли, чтобы воспользоваться могущими встретиться выгодными случайностями, или же для уплаты пошлин за ввозимые и вывозимые товары, взимаемых не иначе как в рейхсталерах, дукатах и монетах в 8 реалов, то приходится занимать деньги в Архангельске с уплатой заимодавцам от 7 до 8% под вексель до конца декабря, что повышает цену товаров, тогда как если даже денег захвачено с собой слишком много, то всегда найдется достаточно случаев отдать их взаймы на этих условиях.

Следует заметить, что великий князь Московский несколько лет тому назад под страхом смертной казни запретил ввоз в свою страну водки, перегнанной из вина, по двум причинам. Во-первых, вследствие великой жадности московитов к этому напитку, а во-вторых, с целью покровительства торговле своих подданных, которые делают водку изо ржи и других хлебов. Но два или три года тому назад этот государь дал всем иностранцам разрешение привозить туда водку, выделанную из вина, с уплатой в рейхста-

лерах с каждых 64 пинт [1]), что равно немного менее одной трети французской малой бочки. Полагают, что испытываемая государством нужда, вызванная мятежем его подданных, послужила поводом к этой льготе в надежде получить от того значительную денежную поддержку.

Из всех товаров, привозимых из Франции в Московию, нет ни одного более ходкого и легко сбываемого, чем канадский бобр, потому что он часто продается за наличные, чего почти никогда не бывает с другими товарами. Это одно из наибольших преимуществ, которые французы имеют перед иностранцами, располагая возможностью вести торговлю с большей прибылью, чем они; это очень важное обстоятельство, которое следует заметить тому, кто намерен предпринять торговлю с Московией.

Бумага тоже очень хороший товар для Московии,— ее привозится в Архангельск ежегодно более 8000 стоп, сбываемых с прибылью, не считая той, которая привозится из Германии. Но та не так хороша, как французская бумага. Индиго тоже с выгодой продается там, равно как москотильные товары и всякого рода пряности, домашняя утварь и ремесленные инструменты, чернослив и другие сушеные фрукты находят также большой сбыт. Нет ни одного народа во всей Европе, который бы более торговал в Архангельске и во всей Московии, чем голландцы, потому что они ежегодно посылают туда от 25 до 30 и более судов, нагруженных большею частью нашими французскими товарами, а возвращаются они с грузом всякого рода товаров, о которых уже говорилось выше и которые продаются ими во Франции, за исключением 2 или 3 судов, посылаемых ими в Геную и Ливорно с грузом икры и юфти.

Гамбуржцы и бременцы тоже торгуют с Архангельском, но не в такой степени, как голландцы,

[1]) В подлиннике: с 32 pots, т.-е. мер, содержащих каждая по 2 пинты

потому что первые посылают туда ежегодно не более 4 или 5 судов, а последние 1 или, самое большее, 2. Англичане тоже посылают туда ежегодно суда, но не в столь большом числе, как голландцы, вследствие чего можно сказать, что голландцы и англичане держат в своих руках почти всю торговлю с Московией.

Из всего того, что было сказано выше и в предыдущих главах, можно видеть, что северная торговля со всеми городами и местечками, расположенными на Балтийском море, с Архангельском и всей Московией очень затруднительна, если принять во внимание все те причины и обстоятельства, которые были отмечены в соответствующих местах; вот почему для ведения этой торговли следует образовать большие компании или же присоединиться к той, которая уже основана во Франции три или четыре года тому назад, основной капитал которой уже достиг почти одного миллиона, но еще не достаточно велик для того, чтобы вести солидную торговлю всеми товарами, вывозимыми из Франции во все северные страны и привозимыми оттуда. Кроме значительного капитала, которым надлежит располагать для ведения этой торговли, было бы еще необходимо для ее успеха, чтобы многие заинтересованные в компаниях лица проживали лично в местах ведения наиболее значительной торговли, особенно же в Архангельске, дабы самим производить продажу посылаемых туда товаров и закупку в стране того, что будет нужно для обратного груза, так как помимо того, что во всех этих местах нет совсем или очень мало людей способных, которым бы можно было доверить на комиссию ведение там своих дел, очень опасно доверять их комиссионерам, большинство которых принимает во внимание и преследует, как уже несколько раз было указано в этом сочинении, только свои собственные интересы и очень мало интересы доверителей, как показал уже опыт больших компаний, возникших во Франции несколько лет тому назад для совершения дальних плаваний.

И если посмотреть, каким образом голландцы ведут торговлю во всех местах, расположенных на Балтийском море, в Архангельске и во всей Московии, можно заметить, что они очень мало пользуются комиссионерами, ведя сами свои дела и посылая с этою целью заинтересованных в их компании лиц обосновываться во всех вышеупомянутых мною городах, где они действительно и проживают.

Они посылают туда даже своих детей в самом нежном возрасте, чтобы учиться торговать у тех, кто там живет, и изучать нравы тех, с кем им придется иметь дело, когда они в будущем поведут свои собственные коммерческие предприятия. А потому и не следует удивляться, что голландцы достигают такого успеха в торговле с севером и с Московией и что они составляют там себе столь значительные состояния, потому что эта торговля бесспорно самая лучшая во всей Европе.

Не подлежит никакому сомнению, что, если французы имеют достаточное желание серьезно заняться торговлей с севером и Московией, они будут вести ее с неменьшей и даже большей прибылью, чем голландцы и англичане, потому что большая часть привозимых туда товаров,—французского происхождения, а покупаемое там для обратного груза продается и потребляется тоже во Франции; так почему же, как было сказано выше, самим французам не извлекать прибыль из этого преимущества, обходясь без посредничества иностранцев для сбыта своих и приобретения нужных им товаров.

Поистине, это большая робость со стороны нашего народа, который во всех других областях, кроме торговли, столь благороден и решителен; так как можно сказать без преувеличения, что нет во всем мире нации более способной к великим предприятиям в торговле, чем французы, если только они захотят потрудиться над этим.

V. Состояние русской торговли в XVII веке.

Грамота хивинского хана, 1613 г.[1]

Перевод с юргенские грамоты, какову прислал юргенской Арап хан в Казань.

Юргенскова государя Арап хана казанским князем и диаком, и дворяном, и детем боярским, и посадцким, и торговым, и земским всяким людем слово то есть. Ис предков при прежних юргенских государей деды и отцы наши с московскими государи дружбу и любовь имели и меж собою послы ссыла-

[1]) Труды вост отд. рус. археол. о-ва, т. XXI, стр. 258. Самарский воевода кн. Дим. Пожарский писал в Москву, что 17 декабря 1613 г. били челом царю купчина бухарского хана Хозя-Наурус и караванный голова хивинского хана Дербыш-Баба, „а сказали: приехали де они в твою государеву отчину в Самарской с торговыми с тезики, з бухарцы и с юргенцы. Купчина Хозя Наурус сказал, что с ним товар послан бухарсково Мал Кулы царя, а велено де ему на тот товар купить по цареву приказу на ево обиход. А корованная голова Дербыш сказал: послан де с ним товар от юргенсково Арапа царя, а велено де ему купить на тот товар по цареву приказу на ево обиход. И прежде сего они в твою государеву отчину езживали, и с них де твоей государевы пошлины с товаров не имывали. А твой государев указ в Самарском есть, по твоему государеву указу преж сего с купчин и с корованных голов, которой у них царев товар, пошлин не имывали, а с их товаров твои государевы пошлины имали. А у корованной головы его собиново товару только два пуда краски кальи". Хозя-Наурус и Дербыш-Баба привезли с собою 2 грамоты „тезичьим письмом" от бухарского и хивинского ханов „и товары де в грамотах писаны, а перевесть их на русское письмо некому, перевотчиков на Самаре нет". Грамоты переведены в Казани. (Там же, стр. 165—166).

лись и наши торговые люди ездили к вам в московсково государя государство со всякими товары, а ваши торговые люди ездили к нам по тому ж. И в нынешних летех наших торговых людей шти человек ваши казанские люди в Казанском уезде побили до смерти и животы их все пограбили; а в Астрахани потому ж наших торговых людей переграбили; а в третьем месте на Самаре торговых людей наших побили и животы их пограбили. И я тово всево дурна не паметуя, как приехали ваши люди многие татаровя к нам с торги, и я тово всего дурна не воспоминая, что починили ваши люди моим торговым людем в Казани и на Самаре, и в Астрахани, вашим торговым людем велели есмя дати торг повольной и изъянов им никаких чинить не велели для того, чтоб нам с вами быть в совете. Да приехал из Казани к нам в Юргечь кизылбашской шах Абасов торговой человек Келбеляй и он здесь дурна учинил, и за то я здесь в Юргече живот ево велел взять, и того Келбеляево живота и шах Абас у нас не просил, а вы в то место моих торговых многих людей животы пограбили. Да после того слово то есть: наши торговые люди от нас возят к вам товары на вьюках, и исторговався у вас, и ваших товаров им, сукон и юфтей, за дальним путем и за проездом степным возить им к нам тех товаров не мочно, и наши люди торгуют у вас с вашими людьми на деньги. И как они на деньги исторгуютца, и у них вы осматриваете, и деньги их отнимаете назад. И для того, что вы их оскорбляете, наши многие люди к вам не ездят и вперед ездить не хотят. И я, для вашие любви и совету хотя, послал к вам ныне торговых своих людей сильно. И будет вы торговых людей не станете оскорблять и не велите их побивать, и наше повеленье учинили велим к вам нашим многим торговым людем ездить со всякими товары. А как станут торговые люди меж нас ездить, и вам и нам казна будет. А о всем бы есте речью разпросили речью.

Из донесения Самарского воеводы в 1614 г. о приходе каравана из Бухары и Хивы[1].

Да до твоей государевы грамоты били челом тебе, г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р., купчина Хозя Наурус и корованая голова Дербыш и многие тезики лутчие люди, а сказали, государь, пошло де было нас из Бухар и из Юргечи на Самару тезиков торговых людей до девети сот человек, и з дороги де, государь, многие люди воротились назад в свою землю для тово: как де было на Самаре смутное время, и в ту де пору, государь, на Самаре самарские люди многих тезиков торговых людей побили до смерти, и товары их пограбили. И они де тово же забоялись, а и мы де насилу ж поехали, и тобе б, государь, их пожаловать, кошеваров их велеть отпустить в Бухары и в Юрьгечь с радостною вестью к их царям. А как де кошевары их в Бухары и в Юргечь приедут, и царем добрые радостные вести скажут, что ты государь на Владимирское и на Московское и на Всеросейское государство сел, а мы де тезики, торговые люди, в государеве отчине в Самарском городе здорово, и у бухарсково де, государь, царя и у юргенсково царя, и у торговых людей будет в том радость великая, и послов де своих и торговых людей с торги к тебе,

[1]) Труды вост. отд. русск. археол. о-ва, XXI; стр. 171. В другой грамоте от 5 дек. 1614 г. кн. Пожарский писал из Самары, что с Хозей-Наурусом и Дербышом из Бухары прибыло „тезиков торговых людей человек с триста со многими тезицкими товары, и он бухарсково купчины и корованные головы роспрашивал: которыми они месты степью в Самарской шли, и блиско ли Асторохани, и сколько недель шли, и блиско ли Юргенчь подошли шаховы городы? И бухарской де купчина и юргенской корованной голова в роспросе ему сказали: шли они степью корованом от Юргенчи до Самары двенадцать недель, через Яик, выше Соротчика, не займуючи Асторохани, а от Самарсково де до Юргенчи лехким делом месяц ходу, а от Юргенчи до первово шахова города, до Коросани, семь день ходу, а от Коросани шаховою землею до столькова города шахова, до Казбина, десять день ходу". (Там же, стр. 182). „Лехким делом", т.-е. налегке, без товаров.

государю, отпустят тотчас, и в Кизилбаши де, государь, к шаху Абасу отпишут, и о твоем де государь царском величестве шах Абас обрадует же ся, и послов своих к тебе, государю, тот же час отпустит на юргенскую землю.

Челобитная 1616 г. о разрешении Родиону Пушнику торговой поездки в Персию[1]).

Царю г. и в. к. Михаилу Федоровичу в. Р. бьет челом сирота твоя государева, торговой человек покровские сотни Родька Пушник. По твоему царскому указу посылают в Кизылбаши посланника Федора Левонтьева, а с ним диака Богдана Тимофеева. Милостивый государь, ц. и в. к. Михаило Федоровичь в. Р., пожалуй меня, сироту свою, вели, государь, мне пойти с товаришком одиннадцать сороков соболей, двенатцать поставов сукна английского, тритцать пуд кости рыбьи, пятнадцать дюжин зеркал хрустальных, четыре сорока харек, а со мною людишек три человека. И вели, государь, мне, сироте своему, дать свою царскую грамоту проезжую. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

[Помета]: Дать грамота к послом, велеть его с собою взять, только б заповедных товаров, кречетов, и всяких ловчих птиц, и соболей, и белок, и горностаев живых и железного ничего с ним не было.

Из писцовой книги Нижнего Новгорода 1621—1622 г.[2]).

Да в Нижнем же Новгороде, в каменном городе и на посадех, на верхнем и на нижнем посадех, и в слободах посадцких тяглых людей...

---

[1]) Веселовский „Памятники диплом. и торг. снош. Моск. Руси с Персией", т. III, с. 156. В том же году на допросе бухарских торговых людей, жаловавшихся на притеснения и поборы астраханских воевод, они показали: „летось во 124-м году вскоре после Семеня дни приехало их бухарцов человек с шестьдесят".

[2]) Писцовая книга 1621—1622 гг. по Н.-Новгороду. Р. И. Б. т. XVII; выдержка (столбцы 189—191 и 281—284) приводится здесь

Лутчих людей, которые торгуют большими свалными товары и на низ и вверх ходят судами и которые торгуют всякими товары,—30 дв., а людей в них 48 человек. А по мирскому окладу в тягле: дв. з. 10 ал.; дв. с 5 ал.; дв. с 4 ал.; 2 дв. по 3 ал.; дв. 2 ал. 4 д.; дв. 2 ал. 3 д.; 2 дв. по ал. по 2 д.; 2 дв. по 2 ал.; 5 дв. по 10 д.; 2 дв. по 8 д.; 7 дв. по 6 д.; 3 дв. по 5 д.; дв. с 4 д. и всего в тягле рубль 27 ал. 5 д. И из тех людей после писма и меры по государеву... указу взято к Москве на житье 4 человеки, а в тягле были с 15 ал. с 5 д.

Середних 72 дв., людей в них, детей их и братьи 89 чел. А по мирскому окладу в тягле порознь: дв. с 7 д.; 8 дв. по ал.; 3 дв. по 5 д.; 9 дв. по 4 д.; 18 дв. по 3 д.; 33 дв. по 2 д. и всего в тягле по окладу рубль 3 ал. 4 д.

Молотчих людей и с теми, которые живут на Благовещенской земле, а тягло тянут и всякие подати платят с посадцкими людми, — 378 дв., а людей в них 424 чел., а по мирскому окладу в тягле порознь: дв. с 3 д.; 27 дв. 2 д.; 3 дв. по $1^1/_2$ д.; 346 дв. по д.; 9 дв. по полуденге. И всего 2 р. 2 ал. 2 д.

Худых людей и с теми, что в Кунавинской слободе,—382 дв. и дворишков и изб, а людей в них 415 чел. А в тягле по мирскому окладу порознь: 275 дв. и дворишков и изб по полушке; 107 дворишков и изб по мортке. Итого 27 ал. 4 д.

И всего в Нижнем Новегороде на посаде тяглых людей лутчих, и середних, и молотчих, и худых...

в сокращении и с условными обозначениями (дв.—двор, ал. — алтын, д. — деньга, л. — лавка, ш. — шалаш, ан.—„анбар“); о ней см. статью Д. Богородицкого „Очерк торговли Н. — Н. за XVI—XVII в.“ в Универ. Изв. Киев. Ун., 1912 г,. № 7. По его подсчету из 413 владений,—случаев владения трех лиц совместно 1 торговым помещением 1 случай; двоих одной лавкой и по $^1/_2$ лавки 7; каждый по 1 торг. помещению 320; по $1^1/_3$, $1^1/_2$ и по 1 лав. с полком,—18; по два торг. пом. 45, по три 17, по четыре 11, по пяти 7, по шести 1, по семи 1, по десяти 3 случая.

862 дв., а людей в них 976 чел., а в тягле 6 р. 5 д., опричь которые посадцкие люди обхудели, а по розсмотру писцов и по скаске земских старост и выборных людей тем людем для их бедности в сошном писме с посадцкими людми быть не могло.

...И всего в Нижнем же Новегороде: на государеве... гостином дворе 2 л... Да на гостином же дворе 20 л. с прилавком... Да под государевою таможенною избою и под сеньми и перед таможенною избою на полом месте 6 л. да 6 ш... Да в Нижнем же Новегороде у посадцких у всяких людей на верхнем и на нижнем посадех на их дворех 64 ан. солоденых и мылных варниц... Да ис таможенные ж избы отдано на верхнем посаде хорчевнику в наем таможня... Да в Нижнем же Новегороде, на верхнем и на нижнем посадах, торговых и всяких тутошних и иных городов приезжих всяких людей и с тем, что на берегу за новым острогом на поемном месте 77 ан. и анбаришков да 252 л. с полулавкою с полками, что розборные полки перед лавками, да 16 полков, а на них сидят с хлебы, и с колачами и со всяким мелким харчом, да 4 ш. да 30 мест лавочных и анбарных.

...Да в Нижнем же Новегороде на нижнем же посаде 13 изб харчевных... Да на верхнем посаде за Дмитровскими вороты и на Ильинской горе 38 кузниц и с тем, что дано вновь, да 7 мест кузничных... а по челобитью торговых всяких людей дано им вновь ис порозжих мест под лавки и под шелаши... 2 л. да 16 мест лавочных и полковых и харчевных изб... Да на церковной на Николской земле 6 л. да 7 ш. да место лавочное [1])...

[1]) Торговые помещения делились на 19 рядов; в солодяном ряду было 56 амб.; в рыбном 55 лавок, а вместе с прочими торговыми помещениями 64; в соляном 44 и 61; в хлебном, калачном и прочего харча 20 и 60; в хлебном и житном 17 и 29; в холстовом и ветошном 14 и 38; в корельском 15 и 22; в женском 9 и 16; в иконном 6 и 9; в сапож. и подошв. 18 и 19; в горшеч. 4 и 6 и в коробейном 6 и 9; в луковом 8 и 15; в лоточном 1 ам. и 4 места шалаш.; в мясн. 3 л.; в москот. 9 л.; масла и круп 8 полок; в рогожн. 1 и 4; в мыльном 1 л. и 4 мыльн. поварни; неопределенных и пр. 53 и 149.

Из таможенной грамоты 1633 г. о сборе пошлин в Гороховце[1].

...А кто Гороховлянин в Гороховце продаст воску, и меда, и соли, и сала, и хмелю, и масла коровья, и пороху пищального, и олова, и свинцу и всякого весчего товару и с того со всякого весчего товару тамга и весчия пошлины имать по сей уставной грамоте с продавца с рубля по полу 6 денги, а с купца по две денги. А кто городской же, или становой, или волостной же человек пригонит животину и у них имать с животины, с коровы, с овцы, с свиньи, рублевая пошлина, тамги и мыта с рубля по алтыну. А кто привезет стяговое и полтевое мясо, и с того с стягового и с полтевого мяса, и с кож коровьих и с коневьих и с лосиных, и с овчин, и с сукон сермяжных, и с холстов, и со лну, имати по тому же рублевая

Всех торговых помещений было 596 (в том числе 285 лавок), но перед тем, вскоре после смуты, страшные пожары уничтожили в 1617 г. 365 лавок и амб. со всеми товарами и в 1618 г. 360 лав. Тем не менее сборов в Нижегор. таможне было в 1615 г. 12153 р.; в 1620 г. 17178 р.; в 1621 г. 20871 р.; в 1633 г. 19400 р.; в 1634 г. 18511 р.; в 1638 г. 18052 р.; в 1639 г. 19736 р.; в 1640 г. 25087 р.; в 1641 г. 26453 р.; в 1642 г. 27033 р. Пользуясь „сказкой" нижегор. таможн. головы, Е. Сташевский так излагает ее содержание: „в 144 г. из Астрахани вышло в Нижний в одном осеннем караване 7 стругов астраханской рыбы, в них было 39000 рыб, да соли астрах. и перм. 807000 пуд. В 143 г. в осеннем и вешнем караване у гостя Никитникова и у др. торг. людей вышло астраханской рыбы в 15 стругах 100000 рыб да соли астр. и перм. с 1000000 пуд. Расторжка этой солью и рыбой производилась в Нижнем. На ряду с этим Н. был крупным центром по торговле хлебом. Сюда везли хлеб нижегородцы, жители Курмышского, Арзамасского, Алатырского, Темниковского уездов. На хлебном торгу в Н. ежедневно ставилось от 500 до 800 возов хлеба и больше, „а в большие торги и по 1000, 1500 возов, да на тех же возах были всякие продажные товары,—свиные мяса и всякие съестные товары и кожи, овчины, мед, масло коровье, лен, холсты, сукна сермяжные, хмель, орехи, мяхкая рухляд" (Пятина 142 г.; в Ж. М. Н. Пр., 1912, № 5).

[1]) А. А. Э., III, № 241. Гороховец,—с XVIII в. уезд. город Владимирской губ., на р. Клязьме; первое упоминание о нем встречается в летописях под 1239 г.

пошлина; а у мясников имати с лавки, на Рожество Христово, по косяку мяса, а не люб косяк, ино за косяк две денги. А кто посадской человек купит в лавку меду и хмелю, или мех соли, и бочешную рыбу и сельди, и у них имати с меду и с хмелю и с соли поряду с рубля по две денги, а с бочешные рыбы и с селдей имати поряду с бочки по 2 денги, да мыта на государя имати с рубля по две денги; а учнет тот торговати и товар из лавки продавати в развес, и с того товару таможенным головам имати с продавца весчего и замыту с рубля по 2 денги да свального с десяти пуд по денге. А Гороховляном чужего товару не привозити и не Гороховлян за Гороховляны не привозити же. А кто купит Гороховлянин кадь меду про себя и с того меду, с купца и с продавца, имати рублевая по сей уставной грамоте. А зимния проезжия пошлины имати Гороховского и иных городов уездов далных мест с саней по две денги да головщины с человека по 3 денги; а с Гороховских и Гороховского уезду самых ближных мест с саней по две денги да головщины с человека по денге. А которой торговой человек приедет из городов в Гороховец, с товаром или с денгами, и у него с товару и с денег имать рублевая пошлина с рубля по алтыну. А которой иногородец же привезет в Гороховец весчей товар какой ни буди на продажу, и с того весчего товару имати с продавца рублевая пошлина, с рубля по 8 денег; а с купца по две денги. А кто Гороховлянин и всего Московского государства торговой человек взвесит воск, или мед, или олова, или свинец, или икру, или медь и всякой весчей товар, и пудовщиком у них имати с продавца с рубля по 2 денги, а с купца по 2 денги ж; а взвесит рогозину соли, или попев икры, или бочку икры же, или масла коровья, или сала, или киту хмелю, и у них имати со всего с того с подъему с купца по денге, а с продавца по денге же. А кто привезет в Гороховец иногородец, изо всех городов и из волостей, соль на

продажу и учнет ту соль продавать и таможеником у них имати тамги с рубля по 4 денги, замыту с рубля по денге, весчего с рубля по денге ж; да свального с десяти пуд денга, да подъемного с конца по полуторе денги, да привозу с меха или с рогозины соли по денге, да рукознобного со ставу по две денги, да явки с человека и с лошади по две денги. А кто поедет мимо Гороховца с денгами, без товару, а в Гороховце не почьнет и с тех людей и с денег тамги не имати. А с служивого человека, которой придет или поедет в санях без товару, и с него и с людей и с саней головщины и пошлины не имать; а которой служивой же человек приедет с товаром, а учнет в Гороховце продавать, и с них имать пошлина по тому же, как и с торговых людей. А кто иногородец привезет мяса и коровы пригонит, и с стягов, и с полтей, и с животины пригонные, с коров, с овец и с свиней, и с гусей, и с утят, и с поросят, с тетеревей, с яиц, с сыров имать рублевая пошлина с рубля по алтыну. А у кого будет съестного же товару какого ни будь менши дву алтын и того им в таможне не являти и таможенным головам и целовальникам у них с тех товаров пошлин, с дву алтын и менши, тамги не имати. А того велети беречи накрепко, чтобы животины прасолы из города и из уездов болные животины не гоняли и в Гороховце на продажу не покупали. А на конской площадке, с продажных лошадей, с Гороховлян и иных городов с дворян и с детей боярских, и с татар, и с стрелцов, и с пушкарей и с затинщиков, и с казаков, со всяких служилых людей, кто продаст лошадь, имати пошлины с продавца с денег с рубля по алтыну, а с купца с шерсти по алтыну; а великого государя святейшого патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии и с митропольих, и со владычных, и с монастырьских крестьян и служек, и с тарханщиков, с торговых с посадских, и с приезжих со всяких людей и с ямщиков имать с продавца с денег с рубля по 8 денег, а с шерсти по 8 денег же.

А с барышников с шерсти по 4 денги с продавца; с барышников же с пригонных лошадей с денег с рубля по 4 денги; а как барышник лошадь продаст вдругоряд и на нем имать пошлин с денег с рубля по полуторе денги, да записки на продавце и на купце по две денги на человеке. А приедет иноземец не Московского Государства и с тех иноземцов имать с рубля по семи денег да по две денги поряду и та две денги взяти продавцу, а взяти их на купце. А учнут приезжати в Гороховец, из Казани и из иных городов, Татарове и Черемиса с товаром, и с их товаров таможенных пошлин имать со всякого товару по тому же, что с Руских людей; а велети тем Татарем и Черемисе торговати и меняти всякие товары опричь заповедных товаров, меди, и железа, и олова, и свинцу, и зелья пушечного и пищального, и серы горячие, и иных заповедных товаров; а отпущати тех Татар и Черемису из города безо всякого мотчания. А померного имати померщиком у продавцов, со пшеницы, со ржи, с овса, с ячьменю, с солоду, с гороху, с конопель, с гречи, с маку, со пшена, с круп гречьновых и с овсяных, с толокна, с репы, и с грибов сухих, и с луку, и с чесноку, с четверти по денге да полозового с воза по две денги, а с телеги с воза по 2 денги ж, да свалного с воза по две денги, да пищого с воза по 2 денги, четвериковогo с воза по денге, и того с четверти по полутретье денги, а с воза с четырех чети по 10 денег. А которые торговые люди мельники учнут покупать у приезжих людей на вскуп в анбары хлеб, а из анбаров возят на мельницы, а с мельниц привозя сыпают в анбары, а из анбаров учнут продавать всяким людям, и у тех людей имать с четверти муки тушеной по денге да померу по денге; а которые мельники привозят муку с мельниц и учнут продавать на площадке с саней и с телег, и с тех имать с четверти муки тушеной по денге, да померу по денге, да полозового с саней по 2 денги, да свалного по 2 денги. А которые покупают на скуп

же рожь и пшеницу, а масленики коноплю, четвертей по 10 и по 20 и с них же имать помер, как и с приезжих людей, со всякого хлеба с четверти по денге, да полозового с воза по 2 денги, свалного по 2 денги. А которые люди привезут хлеб в судне и с того хлеба имати померная пошлина по тому же, как и с возов емлют. А кто продаст жита всякого[1])... А которые люди зимою и летом торгуют лесом и с лесу тамги имать с рубля по 5 денег да замыту денга. А которые уездные люди привозят дрова на продажу и у тех людей с воза имать по плашке по середной, а не по болшой, а не по меншой; а с срубов хоромных и с погребных имать с угла по денге, да замыту к тамге с рубля по 5 денег. Да с бревен, и с кряжей, и с лубья, и с бочек, и с кадей, и с тесу, с досок, с жолобов, с решот, с лопат, с лык, с мочал, с лаптей, с веревок, с судов с белых, с блюд, с ставцов, с лошок, с чаш, с солонок[2]), с лучины, и с тех со всех товаров имати у продавца рублевая пошлина по розчету; а с саней имать с Клявемских по 4 денги, а с Володимерских по 2 денги, а с четырех колес по 2 денги; с корья со всякого с воза по денге, а золы с воза по алтыну. А которые люди лес и бревна и дрова пригоняют Клязмою или иною рекою, с верху или с низу, и у тех людей с того лесу, с кряжей и с бревен, пошлина имати с рубля по алтыну да выдершки со ста кряжей имать по 10 денег; а с верхового же лесу, с бревен и с кряжей, что пригоняют с верху же в плотех, на торговых людях имать со ста бревен и со ста кряжей выдершки по

---

[1]) Дальше следует повторение сказанного, например, в Белозерской таможенной грамоте 1551 г. о торговле хлебом.

[2]) Олеарий говорит о Козьмодемьянске, что „в этой местности ростет очень много,—даже целые леса,—лип, с которых жители дерут лыко и развозят его по всей стране, приготовляя из него сани, посуду или ящики. Дерево они режут на цилиндрические части, выдалбливают их и пользуются ими, как ушатами, бочками и т. п.; они также выделывают из них целые лодки, челноки и гробы, которые продаются здесь и там на рынках" („Описание путешествия в Московию", СПБ. 1906; с. 367).

10 денег да рублевые пошлины с рубля по алтыну, с 10 бревен или с 10 кряжей по денге; да с дров с сажени рублевая пошлина по розчету. А с сена с доброго воза по 3 денги, а с середнего воза по 2 денги. А которые люди пригоняют хоромы рубленые и с нутры и с тех хором имать пошлина по два алтына по 4 денги; а которые люди пригонят без нутри и с тех хором имать перед тем в полы, по 8 денег. А которые торговые люди в Гороховец приедут Клязмою рекою в судех с товары, и тот товар свой учнут продавать в Гороховце, и таможенному голове и целовалником имать: с лодки с одновесельные, что привезет со всякими с мелкими товары, с лодки имати по 4 алтына по 4 денги, с людей головщины по 6 денег с человека, с товару и с денег тамги и замыту с рубля по 5 денег; с струга одношестового мыта рубль три алтына 4 денги, а с людей головщины по 6 денег с человека, с товару пошлин с рубля по полуосме денги, свалного по шти алтын; с дощеника с набойного, которой придет с солью и с рыбою и с хлебом, с судна мыта рубль 27 алтын 2 денги, с людей головщины по 6 денег с человека, с товару тамги с рубля по полуосми денге, свалного 4 алтына, с хлеба с воза по 7 денег; с судна с невеликого, которое придет с бочешною с просолною рыбою, с судна мыта 17 алтын, с людей головщины по 6 денег, с рыбы с рубля по 5 денег, свалного с воза по 2 денги; утурного по 17 алтын; с оханки, что с оханною рыбою, по 5 алтын по 2 денги с сажени, с людей головщины по 6 денег с человека. А которое судно пойдет или лоточька мимо Гороховец, с воском или с краскою и с воску имать с пуда по 2 денги, а с краски с пуда по 3 алтына по 2 денги... А торговым приезжим Руским людем и иноземцом, и Татаром и Черемисе, и всем людем, которые учнут приезжати в Гороховец со всякими товары и с денгами, велети явитися в таможне таможенному голове и целовалником, не складывая с воза, и со вьюка, и с телеги, и с судна, и велети им товары

свои и денги в таможенные книги записывать все сполна; а в книгах товаров и денег не утаити; а не объявя в таможне и не записав, товары с судов, с саней, и с телег, и со вьюков не складывати...

Из грамоты 1643 г. об отмене самовольных торгов на Гуском погосте.

От ц. и в. к. Михаила Феодоровича вс. Р. в Касимов воеводе нашему Рафу Родивоновичу Всеволодскому. Бил нам челом Касимовский царевич [1]) Сеит-Бурхан Арасланович, а в челобитной его написано: пожалован де он нашим жалованьем Касимовскими доходы таможнею и кабаками и проезжею пошлиною и мытом и в прошлых де годех около Касимова города, опричь Елатмы, нигде торгу не бывало, а ныне де в Володимерском уезде в его, царевичеве, купленной вотчине на Гуском погосте от Касимова в 10 верстах завели тутошние уездные люди Касимовского и Володимерского уездов торг вновь самовольством без нашего указу и торгуют по воскресеньям без пошлинно и которые де украйных городов люди преже сего приезжали в Касимов с хлебом и со всякими товары и торговали все в Касимове и нашу пошлину платили по нашему указу и те де украйных городов торговые люди учали ездить мимо Касимова и стали торговать на новом торгу на Гуском погосте без пошлинно, да и Касимовского де и Володимерского уездов крестьяне, которые подошли под Касимов, не хотя в Касимове в таможне с товаров своих платить пошлин, ездят торговать мимо Касимова на тот же Гуской погост и покупают и продают всякие товары безпошлинно и от того де нового торгу у него, царе-

---

[1]) Городец Мещерский на Оке в Рязанской области был уступлен великим князем московским в середине XV века своему стороннику, брату казанского хана Касиму, по имени которого стал называться Касимовым. поступая затем в качестве удела к различным татарским „царевичам“, вассалам Москвы.

вича, наше жалованье Касимовской торг запустел и учинилось де ему на прошлой 150 год и на нынешней на 151 год таможенного недобору 500 рублев да тех де Володимерского уезду Гуской волости и Касимовского уезду разных помещиков приказщики и старосты и крестьяне около Касимова и около Гуского погосту по селам и деревням винокурят безпрестано, а тот де Володимерской уезд Гуская волость подошла под Касимов, обошла кругом Касимова, а от Володимера де отдалела верст с полтораста и Касимовские де кабаки от тое их винные продажи запустели и чинится недобор великой и нам бы его, царевича Сеит-Бурхана Араслановича, пожаловать велеть тот новой торг из Гуского погосту из купленые его вотчины свести и торговать со всякими товары в Касимове по прежнему и винное куренье и продажу велеть бы вывесть[1]).

Из дел и актов о госте Гурьеве.

I. Да 148 году июня в... государева грамота в Астрахань пос....цов торговых людей Гурья Назарьева з де...лом, да с Ондреем да с Ываном велено им дать в отчинку Еик река и с протоки для Учюжного строенья и для всякие рыбные ловли и для икряного про-

[1]) Труды Рязан. ученой архив. комиссии, 1889 г.; т. IV, № 8, стр. 173. Просьба царевича исполнена и торг на Гуском погосте велено „свести и вперед тут торгу не быти... а которые торговые люди из дальних розных городов с хлебом и со всякими товары, приезжаючи в Касимовской и в Володимерской уезды, станут становитца по селам и по деревням у розных помещиков и те свои товары и хлеб станут по селам и по деревням продавать безпошлинно, а по тех бы людей велеть из Касимова посылать приставов и имать на них заповеди, чтоб вперед мимо Касимова не ездили и по селам и по деревням ни у кого не ставилися и торгов своих и хлеба безпошлинно и без явки не продавали, а уездные люди также безъявочно не покупали и около Касимова и по иным дорогам безпошлинно не объезжали, чтоб у него, царевича, оттого в Касимове таможня не запустела“, а корчемное вино велено отнимать и за него наказывать.

мыслу сентября с 1 числа 149 году сентября ж по 1 число 154 году на пять лет бес перекупки, а откупу им платити и с пошлинами по тысяче по пяти сот по семидесят по пяти рублев на год [1]).

II. Да в прошлом во 153 году апреля в 18 день, блаженные памяти великий государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичь вс. Русии указал гостю Михайлу Гурьеву, по его Михайлову челобитью, на реке на Яике устроити город каменой, мерою четырех сот сажен, кроме башен, четвероугольной, чтоб всякая стена была по сту сажен; а по углом сделати четыре башни да в стенах меж прясел четыре ж башни; а стены б были меж башен поровну, по пятидесят сажен меж башни; да в двух башнях быти двоим воротам. А сделати тот каменой город, в ширину и в толщину и в вышину и с зубцами, против Астраханского каменого города, каков каменой город сделал в Астрахани князь Федор Оболенской с товарищи... а за то каменое городовое дело пожаловал государь гостя Михайла Гурьева, велел ему Яицкой учюг и Енбинские воды держати безоброчно семь лет, с Семеня дня 154 году по Семень же день 161 году; а что с того Яицкого учюга и с Енбинских вод довелось на те на семь лет взять откупных денег, против годового окладу и с печатными пошлинами, семнадцать тысяч восмь сот двенадцать рублев тридцать два алтына полшесты денги и тех откупных и пошлинных денег, на те урочные годы, имати на нем, Михайле, не велел [2]).

III. Жалованная грамота Михайлу Гурьеву за службу, что он вновь завел и устроил на Яике реке городок и учюг и с того евонового заводу Еицкого

---

[1]) М. А. М. Ю. „Дела печатной конторы пошлинные", 1640 г. кн. 36, лист 6.

[2]) А. И., т. IV, № 40, 1650 г. Яик, — р. Урал; р. Эмба впадает с северовостока в Каспийское море; в открытом море против ее устья были самые значительные рыбные ловли. Гурьев городок или г. Гурьев в устье р. Урала.

учюга в г-ву казну учинилась денежной казне в откупу и в пошлинах во всех городех прибыль многая. А воровским казаком для того Еицкого города на Яике и на Волге и на море для воровства стало жить и в Еик и из Еика проезжать не стало, а гос-вым и шаховым людем от воровских казаков стало проезжать бесстрашно. За те ево службу велено ему быти гостем и в городе ево, Михайла, не судить опричь встрешного суда, а судить на Москве а искати и отвечати и крест целовати и стоялцов на дворех не ставить и огня вынимать и мылня печатать не велено и питье держать у него не имать и на реках и на мостех пропущать безденежно. А бесчестье ему гостиное 50 рублев: а детем ево и братье и племянником по 20-ти рублев. Припись у грамоты дьяка Григорья Панкратьева, Пошлин 2 рубли с полтиною взято [1].

IV. Бьет челом Мишка Гурьев. В прошлых годех, во 152 да во 155 годех, занял у меня гостинныя сотни торговой человек Тихон Федоров сын Сакулин денег 14229 рублей с гривною, а в тех деньгах дал он, Тихон, мне на себя две заемных кабалы; и с тех мест и по ся место он, Тихон, мне по тем моим кабалам тех моих денег не платил, манил со дня на день. А ныне он, Тихон, с женою и с детьми на Москве померли; а после его, Тихона, на Москве осталось: двор его со всяким заводом, да каменный амбар и лавки, а в том амбаре и в лавках товары и письма, да в Володимире в двух суденках рыба и рыбные запасы и иные товары и на иных городех товары. И после его, Тихона, и жены его и детей смерти, теми животами владеют чужие люди, кому на нем, Тихоне, опричь меня ничего не взять [2].

---

[1]) М. А. М. Ю. „дела печ. конт. пошл.“, 1645 г., кн. 43, л. 874.

[2]) Из челобитной М. Гурьева в 1654 г. о взыскании по кабалам с выморочного имущества; просимое разрешение было дано при условии, что других должников не окажется (Акты Москов. государства, т. II, № 618).

Из царской грамоты в Суздаль об учреждении торга в с. Коврове в 1657 г.

Били нам челом из Суздаля Спаского Еуфимьева монастыря архимарит Аврамей с братиею да стольники и стряпчие и дворяне да Суздальцы дворяне ж и дети боярские, у которых поместья и вотчины в Суздальском уезде в Стародубском стану и в иных станех: в Суздальском де уезде в Стародубском стану Спаса-Еуфимьева монастыря вотчина, село Коврово, на реке на Клязме, от городов отдалело, а на то село лежит дорога болшая из Казани и из Казанских городов; а как де ходят ратные люди на нашу службу из Казани и из Казанских городов и в том де селе ратным людям на перевозе чинится мотчанье большое, для того, возят в полую воду вверх по реке по Клязме две версты и болши, а купить де им ратным людем ничего негде, потому что торгу нет; а торгуют де в том селе в Коврове в году толко на Рожество Христово, а пошлины сбирают на монастырь и крестьяном де и людем их в зимнюю и летнюю пору для своих нуж выехать для торгу некуды, от городов отдалело, купить и продать ничего негде; и нам бы их пожаловать, велеть им торговать в том селе Коврове по вся недели во вторник, а пошлины бы велеть сбирать на монастырь[1]).

---

[1]) А. А. Э. IV, № 95. Ходатайство удовлетворено. В 1652 г. представителю власти в г. Кашине была послана царская таможенная грамота, в которой объяснялось, что Макариев Колязинский монастырь бил царю челом: „наше де жалованье, монастырьская домовая вотчина селцо Семендяево от Москвы на большой Углецкой дороге; а от городов отдалела, от Кашина верст сорок, а от Углеча верст с двадцать и больши, а от Переславля верст с шестьдесят и стала де та домовая вотчина меж городов и торжков, и съездов со всяким товаром нет; и нам бы их пожаловать, велеть в том селце Семендяеве по пятницам учинить торжок и велеть в том селце сбирать пошлину на монастырьской обиход... и как к тебе ся наша грамота придет и ты б... в селце Семендяеве, в неделе в один день, в пятницу, велел торговать разных городов и уездов всяких чинов торговым

Из воронежских актов о торговле.

I. А возят с Воронежа и из украинных городов, с Ельца, с Ливен, рекою Сосною, а из реки Сосны рекою Доном, а с Лебедяни и из Донкова рекою Доном же всякие люди возят на Дон в казачьи юрты: хлебные запасы, вино и мед пресной, и сукна всякия, и холсты, и зелье и свинец; да и с Дону атаманы и казаки на Воронеж приезжают и на Воронеже зимуют и покупают всякие хлебные запасы и вино, и мед пресной, и сукна всякие, и холсты, и зелье и свинец и с Воронежа по тому ж провозят к себе, да в твоей же государевой грамоте написано, чтоб никаких заповедных товаров в казачьи юрты не пропущати; а какие заповедные товары и о том в грамоте не указано, а мы того не ведаем [1]...

II. Бьет челом воронежец Поликарп Анисимов сын, торговый человек. Жалоба мне, государь, на воронежца, на торговаго человека, на Алфера Иванова сына. В прошлом во 147 году торговали мы отъезжим торгом, а имали товары: вино, мед и всякие запасы у елецких у таможенных и у кабацких, откупщиков, боярина, князя Ивана Борисовича Черкасскаго, у Ивана Ершина с товарищи, на Ельце и на Мокром бояраку на 480 рубл. и с тем товаром ездили в Азов. И исторговався были на Свинской [2]) ярмарке и исторговався на Свинской ярмарке, едучи на Воронеж, хотя надо мною он, Алфер, дурно учинить и животом завладеть и в долгу подать, не сочтясь со мною, захватил артельного живота 300 рублей денег да фунт золота и в том

и пашенным людем, весчими и невесчими всякими товары и хлебом, кому с какими товары приезжать и торговать мочно, а пошлину с своих товаров торговым людем велел бы еси платить в Колязин монастырь" (А. А. Э., IV № 55).

[1]) Из отписки воронежских воевод о торговле на Дону, 1622 г. А. М. Г., т. I, № 159.

[2]) Свинская ярмарка в Брянском уезде славилась своими торговыми оборотами в заоцкой области.

в общем животе меня подал; и я стоял на правеже, живот свой мучил и не перестоя правежа, заимовав кабалы из великого росту платил, а он, Алфер, счету с собою не дал [1]).

III. От царя и в. к. Алексея Михайловича, вс. Вел. и Мал. и Бел. Рос. с-ца, на Воронеж, воеводе нашему Якову Ивановичу Татищеву. По нашему, великого государя, указу посланы наши, великого государя, многие грамоты на Воронеж к прежним воеводам к Ивану Сонцову да к Фоме Кривцову, а велено указные товары прошлых лет и 170-го году поташ, смалчюгу, пенки и юфты, соболи, сало говяжье с Воронежа и с воронежского уезду выслать все на Вологду; и о том воеводы к нам, великому государю, не писывали. И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и тыб по прежним и по сеи нашеи, великого государя, грамоте, указные товары прошлых лет и 170 году с Воронежа и из воронежского уезду выслал все на Вологду нынешним летним путем, чтоб на нынешнюю городскую ярмонку поспели. А однолично б указных никаких товаров на Воронеж и в воронежском уезде ничево в лето не осталось, или будет указных товаров прошлых лет и 170-го году на Воронеже и в уезде нет, да о том отписал велел подать в Сибирском Приказе околничему нашему Родиону Матвеевичу Стрешневу, да дьяком нашим Григорью Поршину да Лву Ермолаеву. Писан на Москве лета 7172-го маия в 1 день [2]).

IV. От царя и в. к. Алексея Михайловича, вс. Вел. и Мал. и Бел. Рос. с-ца, на Воронеж, воеводе нашему Борису Григорьевичу Бухвостову. Ведомо нам, великому государю, учинилось, что на Дон к воисковым атаманом и казаком в воиско ездят из верховых и из

---

[1]) Из челобитья П. Анисимова на своего компаньона, 1639 г. А. М. Г., т. II № 161.

[2]) Древ грамоты и др. письменные документы, касающиеся Воронеж. губ.; под ред. Александрова-Дальнина и Второва. В. 1853 г.; Кн. 3., стр. 68.

украинных городов из Воронежа, для продажи хлебных запасов и иных товаров, торговые люди и, съехав, живут многое время, а иные и остаютца. И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет и тыб по тех торговых людех, которые поедут из верховых и из украиных городов и с Воронежа для своих торговых промыслов на Дон, велел по них имать крепкие поруки, чтоб они, торговые люди, з Дону возвращались назад в теж городы, где кто живет, а на Дону б в долгом житье не были и не оставались. Писан на Москве лета 7179-го июля в 18 день [1]).

V. Лета 7194-го года, июля в день, по указу великих государей... (титул). Память в Орлов Василью Волоскому. Июля в 14 день прислана великих государей—(титул) грамота из разряду в Куреск к боярину и воеводе, ко князю Михайлу Андреевичю Голицыну, за приписью дьяка Перфилья Оловенникова, а в тои великих государей грамоте написано: июня в 16-м числе известно им, великим государем, учинилось, что из малоросиисквх и из русских украйных городов возят хлебные запасы в Крым большими обозами, которым запасом Крым наполнился, а в украйных городех стало голодно и запасом скудно, потому что весь из украйных городов запас возят в Крым и в Озов. И боярину и воеводе, князю Михайлу Андреевичю, в украйные во все городы к воеводам и к вам, приказным людем, и к черкаским, к Ахтырскому и Сумскому, полковником велено писать, чтоб впред из украйных городов всяких чинов торговые люди в Крым и в Озов ни с какими хлебными запасы неездили и непродавали и ни начто неменяли, и о том велено учинить в тех городах заказ крепкой под смертною казнью [2]).

---

[1]) Тоже, стр. 176. Документальные данные о торговле с Доном и на Дону встречаются также в „Донских делах“ (Р. И. Б., т. т. 18, 24, 26, 29).

[2]) Матерьялы для ист. Вор. и сос. губ. Кн. I, стр. 394.

Из донесения Родеса о торговле России.[1])

Что касается первой статьи, именно в чем состоит действительная основа русской коммерции, как она производится по всей стране и также через Архангельск и какие виды товаров, каждый в каком количестве, особенно вывозятся и в свою очередь ввозятся, то почти достаточно известно, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и торги, как это достаточно показывает ежедневный опыт, потому что всякий, даже от самого высшего до самого нисшего, занимается и думает только о том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль. И вполне несомненно, что эта нация в этом деле почти усерднее, чем все другие нации, старается относительно этого, в чем им превосходно помогает их бережливая жизнь, однообразная простая и плохая одежда и наконец то, что они берегут и умеют обращать к своей выгоде все, как бы оно только ни было незначительно и что у других наций ни во что не

---

[1]) Б. Г. Курц. Состояние России в 1650 –1655 г.г. по донесениям Родеса. М. 1915; стр. 149. Иоганн де-Родес, с молодых лет служивший в разных частных и казенных шведских предприятиях и учреждениях и прикомандированный в 1647 г. к шведскому посольству в Москве для изучения русской торговли, был затем назначен шведским комиссаром в России и оставался им с 1651 г. по 1565 г. (умер в Москве). Напряженные отношения между Швецией, в этот период своего могущества владевшей берегами Балтийского моря и господствовавшей на нем, и Россией, от этого моря шведами совершенно отрезанной, вызвали отказ России от постоянного пребывания шведского резидента в Москве,—Родес был лишь фактором. Но повышенный интерес к России выразился в ряде тщательных и вдумчивых „донесений“ Родеса, из которых главным является цитируемое здесь „Подробное донесение о происходящей в России коммерции“, 1653 г. Текст донесений в переводе Курца см. в указанной книге. См. также статью Курца в Ж. М. Н. П. 1912, № 3. — „Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в половине XVII в.“. Мы пользуемся этим переводом далеко не свободным от упреков со стороны языка, потому что иначе читателю при ознакомлении со всеми донесениями Родеса пришлось бы все равно пользоваться переводом Курца.

ценится и даже выбрасывается прочь. Также и те, которые домогаются милости и расположения их цар. в-ста, достигают их скорее всех, когда они посредством монопольного предприятия или иной хитрости сумеют доказать, что их цар. в-ство может быстро получить в свою казну большую прибыль посредством того или другого товара, как, например, происходит с персидским сырым шелком, который их цар. в-ство через своего „купчину“ выменивает от персидского государя на сукна, красную медь, соболей и золото, а чтобы получить на этом еще больше прибыли, всем и всяким купцам запрещено торговать в Персии подобными товарами. Пуд шелка, когда он сюда доставлен, редко обходится свыше 30 рублей или 60 ртр. (рейхсталеров) [1]), но они здесь в свою очередь берут за него очень много и дорого, как они теперь уже несколько лет получали за пуд 45 руб. или 90 ртр., а так как русские гости, которые избираются из значительнейших купцов и состоят как бы факторами их цар. в-ства, обыкновенно продающими шелк, если они раз получили высокую цену, все время ее требуют и хотят ее получить, не принимая в соображение, что покупатель не может быть связан ценой, тем более, что он должен сообразоваться не с их ценою, а с рынком, куда он намерен везти шелк, то отсюда происходит, что часто шелк лежит несколько лет, прежде чем он продан, так что проценты, которые на капитале, затраченном при этом, пропадают, не учитываются ими. Они стремятся только получить наивысшую плату, а он пускай так долго лежит, сколько угодно, как это было, например, с законтрактованными мною в этом году из казны их цар. в-ства 107 тюками шелка, потому что означенные тюки несколько лет лежали в Архангельске. Когда за шелк им первоначально давали 80 ртр. за пуд, и они бы тотчас его продали,

---

[1]) Германская серебряная монета того времени, стоившая 50 коп.

то они получили бы все таки же значительно больше, чем они получили спустя лет 5, (за шелк) плату за который они довели до 93 ртр. за пуд (с рассрочкой платежа) на 24 месяца, потому что, если за протекшие 5 лет к 80 причислить проценты по 8 со ста, они получили бы 110 ртр. за пуд; это происходит от того, что они так много требуют за это и не соображают или не знают, что маленькая прибыль и частый оборот гораздо больше может доставить выгоды. Так как большая часть шелка вывозится через Ормуз и из него в Англию и Голландию, а через Алеппо—из Триполи, Александретты и других мест в Италию и Францию, а они (русские) при умеренной цене, особенно если она будет направлена против шелка, вывозимого через эти оба места, и поставлена в равновесие с привлечением издержек, могут привлечь к себе весь шелк и еще много других товаров, то я и осмелился завести несколько разговоров с бояриным Ильей Даниловичем[3]) и при этом дал ему лично от себя понять, что будто некоторые значительные купцы, ведущие большой мировой торг, не называя их и не сообщая их местопребывания, писали мне разузнать, нользя ли через их цар. в-ство достигнуть, чтобы весь шелк, который в Персии получается, поступал к их цар. в-ству, с присовокуплением, что если бы это могло случиться и купцы могли получить об этом точное известие, они были бы не прочь послать к их цар. в-ству кого-нибудь, кто был бы уполномочен законтрактовать из казны их цар. в-ства на определенные годы весь шелк, частью за всякого рода товары, которые потребляются в Персии, а частью за наличные деньги. И я еще присовокупил к этому, что если бы с шелком, таким образом, можно было начать дело, то оно не ограничится этим, но гораздо больше притянет к себе и повлечет не только

---

[3]) Илья Данилович Милославский (боярин и тесть царя Алексея), „который теперь все делает и командует всем войском“, по словам Родеса.

еще другие товары, которые добываются в Персии, но и значительную часть индийской, особенно китайской торговли, и что вышеназванные купцы будут стремиться все получать из казны их цар. в-ства. Это все чрезвычайно понравилось боярину, и он дал мне ответ, чтобы я известил упомянутых купцов о том, что их цар. в-ство все это может в достаточной мере исполнить, и если они поведут об этом переговоры, то должны только прислать своего уполномоченного или сами прибыть сюда. Он старался меня уверить, что они не уедут отсюда без хорошего результата. Хотя же я ни от кого не получил к этому побуждения, ни поручения, однако важные причины побудили меня однажды разговориться таким образом об этой торговле, чтобы узнать мнение (русских) относительно этого; если бы теперь могли найтись лица, которые были бы готовы предпринять такое важное дело, то я вполне уверен, что можно было бы совершить дело полезное и изрядной важности, споспешествованию чего не мало может помочь охотное принятие значительных подарков теми (русскими), которые могли бы споспешествовать этому делу.

Ревень, как и шелк, теперь доставляется их цар. в-ству, так что никакому частному лицу не дозволяется им торговать. Он, впрочем, как сообщается достоверными людьми, нигде не растет, как только в Бухаре, и раньше бухарцами продавался персам, которые потом везли его частью в Александрию, а частью в Ормуз, но теперь уже несколько лет бухарцы продавали его русским, русские же начинают его высоко ценить, потому что они тоже замечают, что он ни в каком месте более не растет, и если они смогут с течением лет прибрать его весь к своим рукам, то со временем они будут в состоянии назначать цену по своему усмотрению, если персы этому не воспрепятствуют, притянув его опять к себе, к чему русские чуть не сами подают причину и повод, потому что они всякий раз обходятся с бухарцами очень

скверно и почти насильным образом берут их товар по такой цене, по какой им только угодно.

. Всеми прочими товарами, приходящими из Персии, может каждый свободно торговать, как-то: разного рода крашеным шелковым сдором, камками, сатином, бархатом и дорогами, между которыми также находятся такие, которые очень изящно вышиты золотом и серебром; кусок содержит не более 7, $8^1/_2$, 9 аршин; среди них имеются во всех видах очень прекрасные и искусные фабрикаты, которые почти равняются итальянским, особенно в цветочном деле; их также можно было бы вывозить в европейские страны, если бы только куски были длиннее, и в одном куске было бы так много, чтобы из него можно было сделать то, что в тех странах обыкновенно употребляется. Причина, почему они не делают более длинных кусков, та, что именно такое количество, а не более, употребляется для персидских, турецких, польских или русских кафтанов, потому что эти нации одеваются большею частью в подобную одежду. То же бывает и с киндяками и всякого рода хлопчато-бумажными деланными и набивными штофами, которые делаются именно только вышеупомянутой длины, потому что вообще простой народ обыкновенно в них одевается. Делаются также из них подбитые хлопчатой бумагой и прошитые одеяла, так как на одеяла требуется столько же, а не более, как и на кафтан. Равным образом всякого рода коврами и сафьянами, которые в большом количестве вывозятся из Персии, как и индиго и ладаном. Этим дозволено простому человеку торговать лишь единственно потому, что все эти названные товары совсем мало вывозятся и потребляются только в здешней стране.

Те товары, которые русские в свою очередь везут в Персию, заключаются большею частию в красной меди, сукнах, соболях и других мехах, также в наличных деньгах, большею частию в дукатах. Этих товаров простые люди также не могут открыто доставлять

персам, потому что это также запрещено, и их цар. в-ство вывозит их туда посредством своих гостей. За красную медь они берут в Персии 120 ртр. за шиффунт, в Астрахани можно взять 80—90 ртр.; сукна всякого рода светлых цветов, которые у нас стоят 4—5 ртр. продают за 8, 9, 10 ртр.; соболи и другие меха вывозятся также по очень высокой цене; за дукаты также можно получить более 12%.

А так как известно, что персам подобные товары гораздо лучше покупать с этой стороны, через Россию, чем получать их от Голландии и Англии через Ормуз, хотя, однако, они теперь уже могут получать туда красную медь ближе с острова Японии, то легко понять, что если бы русские учтиво и вполне честно с ними торговали (но это, к сожалению, случается довольно редко), то персы гораздо охотнее производили и вели бы эту торговлю этим ближним путем в рассуждении того, что все их товары лежат гораздо ближе к этим местам, особенно шелк, который находится единственно только в одной провинции Гилянь. Отсюда они его везут только на верблюдах через горы в Ормуз, проводят в дороге 80—90 дней и каждый верблюд, который может нести только 2 тюка, обходится каждый день с фрахтом и с другими издержками по полреала от 8-го [1]). Напротив, из упомянутой провинции Гилянь 2 тюка через Каспийское море в Астрахань самое большее обходятся по фрахту и другим издержкам не более 2—4 ртр.

Вот все, что я только заметил о персидской торговле с Россией.

Далее теперь следует, какие еще принадлежат их цар. в-ству торги, которые находятся в его собственной стране и которыми также не дозволено торговать оптом ни одному частному лицу.

---

[1]) Т.-е. либо с каждого „восьмого“ верблюда платилось пол реала в день, либо за каждый „восьмой“ день платилось пол реала с верблюда, а следовательно каждый верблюд обходился в день (реал = 50 коп.) 3,1 коп.

В Астраханской области у Каспийского моря ежегодно вываривается большое количество соли и там ловится различного рода большая рыба, как-то: осетры, белорыбица, „белуга“ и стерляди, которые все солятся; из них также добывается „кавиар“, или осетровая икра. Соль и рыба принадлежат гостям их цар. в-ства, которые приказывают как соль, так и рыбу, на больших „насадах“ (из которых некоторые так велики, что на них можно отправлять по 1.000 ластов, но они не идут дальше, как до Нижнего, а при довольно высокой воде, — до Ярославля; но что идет в Москву, отправляется на судах другого рода, как того требует глубина и положение реки Оки; хотя названные „насады“ очень велики и часто бывают снабжены составом в 6—7—800 человек[1]), но все-таки между Нижним и Астраханью на них очень часто нападают и захватывают донские казаки, которых бывает часто не свыше 50—60 человек; тогда те должны за большой выкуп освободиться и купить свободу после того, как они возьмут самое необходимое из нагруженных там товаров), развозить вверх по Волге в Нижний, а также дальше отсюда по Оке в Москву, а далее по

---

[1]) Олеарий в 1636 г. пишет: „в 20 верстах от Нижнего... мы встретили большой струг или лодку, шедшую из Астрахани с 200 рабочих на ней. Русские, не имея ветра в точности позади себя, не плывут на парусах, но в лодке заносят вперед на $1/4$ мили пути один якорь за другим и затем 100 и более человек, становясь один за другим, помощью каната из лыка тащат судно против течения. При этом они, однако, не в состоянии пройти, в день больше двух миль. Такие струги имеют вид, изображенный на рисунке; внизу они плоски, могут поднять 400 — 500 ластов и большею частью нагружены солью, икрою и соленою грубою рыбою“. (Адам Олеарий, „Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг.“; перевод Барсова, М. 1870; или перевод Ловягина, 1906 г.).

В качестве секретаря посольства, которому было поручено хлопотать о монополии на транзитную торговлю шелком с Персией через Россию, Олеарий 4 раза посетил Москву и оставил очень ценное описание своего путешествия, появившееся впервые в 1647 г. и многократно переиздававшееся на нескольких языках.

Волге, вверх за Ярославль, и распределять по всей стране; и таким образом, благодаря им, как соль, так и рыба, потребляются во всех больших и малых городах, куда они только могут дойти и пристать, и продается по маленьким партиям меньшим купцам, которые распродают их в свою очередь по мелочам разносчикам.

С этого ежегодно собирается большая пошлина, которую „гости" должны вносить; чтобы простые люди не могли узнать, как высоко они обложены, и чтобы они не имели причины на это жаловаться, как случилось 5 лет тому назад при большом бунте в Москве, они с того времени не отягощаются никакими другими налогами.

Что касается „кавиара" или осетровой икры, то он принадлежит их цар. в-ству и его ежегодно получается, один год менее, а другой более, 300—400 бочек; каждая бочка содержит в себе 40—60 пудов. Его обыкновенно законтрактовывают у их цар. в-ства англичане и везут в Италию, но теперь он законтрактован на несколько лет голландцами и итальянцами, состоящими вместе в компании. На этом их цар. в-ство ежегодно имеет не менее значительную прибыль. Кавиар доставляется так же, как соль и рыба, на вышеупомянутых больших „насадах" в Нижний. Здесь непрессованный и свежий разгружается и отсюда доставляется повсюду по всей стране. Равным образом, так происходит с испорченным прессованным кавиаром, а чтобы великий князь не мог потерпеть никакого убытку на испортившемся кавиаре, его навязывают по 1 рублю за 10 пудов наилучшим купцам, которые затем сами дожны заботиться, как бы его в свою очередь сбыть, а так как несостоятельные бедные люди имеют обыкновение в пост его покупать и есть, то он все-таки потребляется за плату среди бедных. Но наилучший прессованный кавиар идет от Нижнего дальше вверх до Ярославля, а оттуда везется сушей до Вологды, потом по Верхней и Ниж-

ней Сухоне и так далее по Двине до Архангельска. Здесь он сдается законтрактовавшим, которые должны давать за него в уплату только рейхсталеры.

Что касается хлеба со всей России, то он также принадлежит их цар. в-ству и абсолютно ни одному частному лицу не дозволяется им торговать. Эта торговля при теперешних один за другим последовавших дорогих годах доставила их цар. в-ству значительно доходов, особенно за теперешние протекшие 4 года, в течение которых они приказывают ежегодно собирать почти 200.000 „четвертей“ [хлеба], который поэтому по всей стране скупается и со всех мест свозится в Вологду. В Казанской, в Нижней [нижегородской] и лежащих вокруг их областях „четверть“ покупается за 12—25 копеек, в московской— 1 ртр., в ярославской, ростовской и вологодской—36—50 копеек. Хлеб, получаемый в новгородской и псковской областях, туда не вывозится. Итак, „четверть“ в Архангельске не может обходиться со всеми расходами свыше 1 рейхсталера. Так как они потом в 4 названные года всякий раз брали в свою очередь за „четверть“ свыше $2^1/_2$ — $2^3/_4$ ртр., то доходы с хлеба доставили их цар. в-ству в короткое время свыше одного миллиона ртр.

Уплату как за хлеб, так и за все другие товары, которые законтрактованы из казны их цар. в-ства, должно производить специес-рейхсталерами и доставлять 14 на один русский фунт, при чем всякий раз получается с весу $2^0/_0$ или по крайней мере $1^1/_2{}^0/_0$ выгоды. По самому точному расследованию оказывается, что уже несколько лет получается ежегодно свыше 600.000 специес-рейхсталеров, а когда зерно не вывозится кораблями, то все-таки ежегодно получается их обыкновенно 150.000, которые все доставляются на монетный двор их цар. в-ства, где они переплавляются и перечеканивается в копейки. Кроме $2^0/_0$ или по крайней мере $1^1/_2{}^0/_0$, которые они выгадывают на весе при взимании рейхсталерами, еще получается свыше $30^0/_0$ прибыли на самой монете, что составляет немалую

выгоду. Напротив, если их цар. в-ство приказывают купить или законтрактовать что-нибудь через своих „гостей“ у иностранных купцов, то, если они не взяли в обмен или не законтрактовали других товаров, уплата происходит копейками, что приносит в их казну ежегодно большой доход.

Что касается мехов, то ими дозволяется каждому торговать. С приходящих из Сибири нужно давать их цар. в-ству десятину, или десятую часть того, что получается. Больше всего и наилучшие меха добываются в Сибири, как-то: соболи, куницы, черные, красные и белые лисицы, рыси, белки, горностаи и норки[1]). Преимущественно в казанской области и вообще во всей стране хотя добываются всякого рода меха, кроме соболей, но они в общем бывают гораздо хуже и не могут сравниться с приходящими из Сибири, что и заметно отзывается на их цене. Их цар. в-ство получают ежегодно в свою казну 20—30.000 рублей с мехов, которые собираются частью из десятины и иначе.

Из этих[2]) ежегодно значительная часть продается грекам, которые вывозят из Турции, Персии, Аравии и Греции всякого рода драгоценные товары, как-то: превосходные богатые золотые ткани, ковры, тканные золотом и серебром, одеяла, бархаты и тому подобное, также всякого рода драгоценные подобные шелковые товары, как и турецкие камлоты из верблюжьей шерсти. Как только они прибывают в Москву, им не позволяется показывать ни малейшей части товаров никому, кто бы он ни был, прежде чем „гости“ их цар. в-ства, которые для этого специально отряжены, не осмотрят их. Затем эти товары раскладывают и показывают их цар. в-ству; он тогда выбирает, что ему самому нра-

---

[1]) Недостаток места не позволяет привести документальные данные о торговле с Сибирью; ценные сведения о маршруте и количестве купцов, посещавших Мангазею, т.-е. Енисейскую область, для вывоза пушнины см. в Р. И. Б. т. II.

[2]) Т.-е. мехов, поступивших в царскую казну.

вится, а под видом [этого] берут также „гости“ из того, что им кажется хорошим, остальное же они могут потом продавать кому хотят. Напротив, им дают из казны соболей и другие меха, но так как они всегда берут гораздо больше мехов, чем стоят их товары, то они платят излишек арабскими дукатами, которых привозят с собой большое количество. Меха они везут в Грецию и Турцию...

Когда же вообще сюда прибывает несколько ювелиров, откуда бы они ни пришли, с дорогими драгоценностями, и их цар. в-ство желает некоторые купить, то ювелир должен хорошо следить, чтобы он их никому другому раньше не показывал, прежде чем таковые не показаны их цар. в-ству. Это соблюдают и великие „бояре“; если драгоценность предложена одному „боярину“, и он не купил ее, то она всеми другими „боярами“, когда это станет известно, пренебрегается. Когда же их цар. в-ство потребует некоторые вещи, то предлагаются ему [т.-е. ювелиру] меха, потому что из казны их цар. в-ства за драгоценность совсем редко дают деньги или же нужно непременно их пожелать и требовать и ювелиры поэтому в этой торговле принимают в уплату меха.

Если же случится, что греческие купцы, как и ювелиры, не явятся, а в казне слишком накопится мехов, то они оцениваются и раздаются „гостям“ большими партиями; „гости“ же должны потом в течение года внести деньгами в казну их цар. в-ства стоимость, в какую оценены меха. Иногда они получают на этом барыш, но и случается, что должны значительно приплачивать.

Тут следует извлечение из архангельских таможенных книг, при чем собственно можно видеть, какие виды товаров вообще и как много их в один год через Архангельск вывозится; равным образом, во сколько почти всякий сорт по своему достоинству оценивается на капитал и в отдельности закупается и скупается.

Итак, я начну с хлеба; из него рожь и зерно вывозится на кораблях не всякий год, но только при высокой цене.

10.000 ластов ржи, ячменя и пшеницы, гуртом по 25 рублей	250.000	руб.
600 ластов льняного семени, по 24 руб.	14.400	„
	264.400	руб.

Меха.

579 сороков всякого рода соболей, считая без разбора по 100 руб. сорок.	57.900	руб.
355.950 штук белок, тысяча по 16 руб.	5.688	„
360 сороков куниц, по 18 руб. . .	6.480	„
287 сороков „норок“, или „минков“, по 16 руб.	4.592	„
15.970 штук всякого рода лисиц, по $7^1/_2$ руб. десяток.	11.978	„
288 сороков горностаев, по 3 руб.	864	„
18.748 собольих хвостов и пупков. . .	4.687	„
598 собольих опушек, по $2^1/_2$ руб. .	1.495	„
15.500 собольих кончиков, по 50 руб. 1.000 [штук].	775	„
28.795 штук всякого рода кошек, по 5 руб. сорок.	3.600	„
	98.059	руб.

Всякаго рода кожи.

5.925 штук сырых лосиных кож, по 4 руб.	23.700	руб.
75.000 свертков юфти, составляющих 225.000 пар, а сверток весом $1^1/_4$ пуда, по $3^1/_2$ руб. [пуд].	335.125	„
8.978 козлиных кож, 100 [штук] по 36 р.	2.922	„
4.500 бараньих, или соленых кож, по 70 руб.	3.150	„
300 шт. воловьих кож по 90 р. 100 [шт].	270	„

1.170 пар сафьянов, 100 пар по 80 руб.	940	руб.
31.060 штук тюленьих сушеных шкур, по 5 алтын.	4.809	„
	370.916	руб.

Москотильный товар.

70 пудов бобровой струи, по 100 руб. пуд.	7.000	руб.
150 пудов ревеня, иногда более, а иногда и менее, по 50 руб.	7.500	„
60 пудов агарика, по 5 руб. . . .	300	„
	14.800	руб.

Всякого рода купеческие товары.

168.500 аршин русского сукна или „ватмана“, 100 аршин по 4 руб. . .	6.740	руб.
325.980 аршин того же полотна, 100 арш. по 5 руб.	16.299	„
389.000 штук рогож, 1.000 по 16 руб. .	6.224	„
3.500 пудов воска, по $4^1/_2$ руб. . . .	15.750	„
115.080 пудов сала, 10 пуд. по 11 руб.	126.588	„
5.700 пудов свиной щетины, по $4^1/_2$ руб.	25.650	„
6.000 тонн ворвани, по $1^1/_2$ руб. . . .	9.000	„
5.500 шиффунтов шпика и мяса, по 6 руб.	33.000	„
20.000 пудов кавиара в 400 бочках, по $1^1/_2$ руб.	30.000	„
250 пудов слюды, вполне цельные куски, по 12 руб.	3.000	„
3,000 бочек поташа по 4 шиффунта, шифт. по 10 руб.	120.000	„
3.000 фунтов бобровой шерсти, по $3^1/_4$ р.	9.750	„
200 ластов смолы и дегтя, по 20 руб.	4.000	„
	403.001	руб.

Персидского шелка приходит около 1 раза в каждый третий год по 120—150 тюков, пуд в 90 ртр., а весят они почти 900 пудов, что составляет вместе 40.500 руб., из которых третья часть составляет . . . . 13.500 руб.

Сумма 1.164.676 руб.

Раньше я уже упомянул, как собирается хлеб. Теперь следует далее [упомянуть], где находятся и собираются другие здесь вышеотмеченные товары.

Льняное семя находится около Казани, Нижнего, Костромы, Ярославля, Вологды, Галича и по Двине внутри страны и оно, равно как и зерно, свозится в Архангельск.

О мехах, которыми пользуются их цар. в-ство, также было выше упомянуто, но другие, которые добываются здесь и там по всей стране, кроме соболей, которые добываются только в Сибири, свозятся простыми людьми, каждый сорт из тех мест, где добывается, в Вологду; но меха, добываемые в Сибири и в местах вокруг лежащих, доставляются в Архангельск вниз по реке, называемой Югой,[1] которая у Устюга впадает в Двину, а далее [доставляются] по течению Двины в Архангельск, куда также идут вниз [по Сухоне и Двине] из Вологды предыдущие [вышеупомянутые меха].

Лосиные кожи также в достаточном количестве возятся из Сибири и прилежащих мест в Архангельск вниз по только что названной реке [Юге] и также по течению Двины. Другие лоси, добываемые здесь и там в стране, также доставляются из одного города в другой, а что простым человеком не может быть продано туземным русским купцам, то везут в Москву, чтобы их продать иностранным купцам, но если они также не могут сойтись и с ними, отправляются по санному пути в Вологду; тут они оставляют [кожи] лежать до полой воды, а тогда же спешат к архангельской ярмарке.

Юфти вывозятся в большем количестве и [их] приготовляют в казанской, нижней [нижегородской] и московской, но больше и наилучше всего в ярославской и костромской [областях]. Но другие, которые приготовляются в новгородской и псковской [областях] совсем не могут быть сравниваемы с предыдущими. Сама Россия имеет посредственный скот и не может одна ежегодно отпускать такого множества [кож]. Прекраснейшие, наибольшие кожи отовсюду скупаются русскими и при этом берут во внимание зимнюю дорогу, по которой торговцы кож и выдельщики юфти путешествуют в Польшу преимущественно по Подолии и Украйне и скупают все, что только могут захватить; они возвращаются не ранее, как на исходе санного пути; тут кожи, вследствие наступающей оттепели и происходящей от этого нечистой воды, остаются лежать до ранней весны; но тогда [весной] дубят их со всем усердием, чтобы они могли быть готовы с выделкой к тому времени, когда их можно будет еще с высокой водой доставить вниз от Вологды к архангельской ярмарке по Верхней и Нижней Сухоне и по течению Двины. Эти кожи выделываются частью в Москве, но более всего в Ярославле и Костроме, откуда им только 50 миль до Вологды, а провоз туда стоит не свыше 2 алтын с пуда. Юфть есть единственный товар, среди всех видов, который как по времени, так и по большему удобству, можно лучше доставлять в Архангельск, чем к Восточному морю, и там продавать.

Соленые кожи, бараньи, воловьи и козлиные кожи свозятся со всей страны и больше всего возятся в Архангельск.

„Сафьяны“ приходят из Персии и доставляются оттуда [таким же образом], как выше было сказано о шелке, но ими может всякий свободно торговать.

Бобровую струю русские получают из Сибири. Относительно этого товара чрезвычайно удивительно, что иностранцы торгуют и продают русским бобровые

меха, а потом русские в свою очередь продают иностранцам бобровую шерсть, которую вычесывают из мехов, потому что русские неохотно или совсем не желают покупать бобровых мехов, которые уже вычесаны: это происходит ни от чего другого, как оттого, что они [русские] умеют лучше с этим обходиться, гораздо тщательнее принимать все во внимание и хорошо рассчитывать.

О ревене уже выше было подробно сделано сообщение.

Агарик [1]), который обладает почти одинаковыми с ревенем достоинством и качеством, добывается около Архангельска и по пути к самоедам; вывозится через Архангельск.

Русское сукно или „ватман", в большом количестве вывозится через Архангельск; оно делается в вологодской и ярославской [областях]. В Голландии оно отправляется на кораблях в Индию, а также много употребляется на корабельное платье лодочников.

Русское полотно находится тоже в таком положении и делается больше всего в ярославской, вологодской [областях] у Двины и Ваги внутри страны.

Рогожи всякого рода делаются в вологодской области и оттуда привозятся в Архангельск.

Воск добывается в большом изобилии в нижней [нижегородской], казанской, также в Мордве и еще в других местностях. Его, говорят, можно было бы вывозить в гораздо большем количестве, когда бы не так много его сжигалось и употреблялось во всей стране перед их образами в церквах и процессиях.

Сала много добывается в казанской, нижней [нижегородской], московской, ярославской и вологодской областях и со всех мест доставляется по зимнему пути в Вологду, оттуда по Верхней и Нижней Сухоне и дальше по Двине — в Архангельск.

---

[1]) Агарик — лиственичная губка, трут; в середине XVII века его вывоз был одно время предметом царской монополии.

Русские по своим законам не могут есть телятины, по моему мнению, только потому, что им от теленка нет пользы, напротив, когда он станет хорошо выросшим быком, то дождутся сала и, сверх того, хорошей кожи, что также есть несомненной причиной так много добываемых в стране бычачьих и коровьих кож.

Свиная щетина собирается крестьянами, которые там и тут в городах имеют своих определенных покупателей; потом она вся собирается в свою очередь более крупными [купцами] в одни или несколько рук. Она покупается голландцами, которые большею частью обрабатывают ее в Голландии, а частью, если она чисто выварена, везут ее во Францию и Италию.

Ворвань вытапливается из тюленей, которые бьются рыбаками и крестьянами, как и самоедами, на Белом море, у самоедского берега. Они доставляются в таком виде, как они убиты, к Архангельску в своих собственных кожах, некоторые из них сшиваются, как мешок; только там они вытапливают и вываривают ворвань. Больше всего покупается бременцами.

Шпик и мясо добывается по всей стране, и весь шпик зимой, когда он сильно замерзнет, в разных местах свозится крестьянами в города. Там его покупают купцы и отправляют в Вологду, где его оттаивают, солят, потом укладывают в бочки и [отправляют далее] в Архангельск, а копченый шпик бьется осенью и на местах, где его добывают, солится и коптится. Приходит больше всего из казанской и нижней [нижегородской] областей.

О кавиаре уже выше упоминалось. Слюда добывается между Новой Землей и Архангельском за Сибирью; открывается в утесистых горах. О бобровой шерсти самое необходимое упоминалось раньше при бобровой струе. Смола и деготь гонится в каргопольской [области] и у Ваги и по Ваге, которая впадает в 12 милях выше Холмогор в Двину, по ее течению везется до Архангельска. Вот то, что я мог разузнать для сообщения о товарах, вывозимых через Архангельск.

Теперь следовало бы также здесь же поместить извлечение из таможенных книг о приходящих товарах, но, хотя оно мне и было обещано, я еще не мог его получить, несмотря на обещанное за это большое вознаграждение; но как скоро я его получу, оно будет сюда присовокуплено, а таким образом [теперь] я привожу их [перечислю привозные товары] только в главных чертах по их названиям. Преимущественно ежегодно большое количество сукон, как туземных тонких, так и других всяких сортов, привозится в Архангельск, как и всяких шелковых товаров, особенно атласов, камок, кармазина, камлотов, бархата, цветных тафт, золота и серебра; также туда привозятся золотая и серебряная проволока, золотые и серебряные кружева и позументы, также — всякого рода шерстяной мелкий товар, как-то: крон-раш, перпетуан, камки, камлоты, бомазея и фальшивая золотая и серебряная проволока или мишура; также — всякого рода мелочной нюренбергский товар; равным образом всякого рода пряности, также всякого рода краски, из которых больше всего привозятся индиго и фернамбук или бразильское дерево, также красная медь, желтая медь, железо и всякого рода тянутая из этого проволока, как и белая вылуженая жесть. Вот виды товаров, которые в свою очередь ввозятся. Должно быть, немного недостает, чтобы количество этих названных товаров по достоинству [ценности] равнялось капиталом с вывозными и ранее рассмотренными товарами, кроме хлеба[1]).

Из „сказки“ гостей и торговых людей в 1653 г. об искоренении таможенных злоупотреблений.

Лета 7161 году августа в ... день по государеву цареву и в. к. Алексея Михайловича вс. Р. указу, перед бояры, в Приказе, перед князь Михайлом Петровичем Пронским, да перед князь Федор Федоровичем

[1]) т.-е. — но не считая, кроме того, хлеба.

Волхонским, да перед дьяки перед Герасимом Дохтуровым да Иваном Стефановым сказали Данило Строганов с братьями и гости Федор Венедиктов да Михайло Гурьев с товарищи, Троицы Сергиева, Кирила Белозерского и Зосимы и Саватия Соловецких и всех монастырей стряпчие, кто где с вотчинных усолей и с рыбных и со всяких промыслов пошлину платят, и гостиной сотни Борис Никитников с товарищи ж и всяких сотен Москвичи и всех городов торговые люди, кои излучились ныне на Москве и чьи руки есть у сей сказки: в нынешнем во 161 году били челом г. ц. и в. к. Алексею Михайловичу вс. Р. гости и гостиные сотни и суконной и черных сотен и слобод и всех городов Московского государства торговые люди и подали за руками челобитную о том, чтоб во всем его государстве, на Москве и во всех городех и в пригородках и в уездех пожаловал бы государь, велел имати со всяких с наших товаров и со всего бы прямую пошлину одну рублевую, везде ровну, с продажи, с той цены, по чему всякие товары где кто станет продавать, с вещих и не с вещих, с инородцев и всяких чинов с людей, а рознить пошлин во всем своем государстве, на Москве и во всех городех, по прежнему, нигде ничего не велел бы государь; а лишныя цены на товары, сверх продажи и мены, и на съествянное, на соль и на рыбу и на все, лишных пошлин не накладывати ни на какие товары; а проезждих пошлин с соли и с рыбы и со всяких съественных и со всяких товаров, рублевых и пудовых, и с судов посаженных и с саней полозового и с людей головщины никаких проезждих пошлин нигде ничего и ни с каких товаров государь имать не велел же б, опроче одной рублевой пошлины и в кое время кто где какой товар по чему продаст; а какого кто товару на коем городе не продаст и повезет на иной город и с того товару рублевых и проезждих пошлин в то время имать не велел же б, по коих мест где кой товар продается; а лишные цены, сверх продажной имянной цены, нигде

ни на какие товары и на всякие чтоб государь накладывать не велел же бы. Да прародителей его государевых и блаж. пам. при отце его государеве, г. ц. и в. к. Михаиле Федоровиче вс. Р., изстари таких великих лишних пошлин, как ныне емлют, не бывали; а ныне, год от году, безпрестани затевают новосчинные всякие лишные напрасные пошлины таможенные головы и целовальники, бояся недоборов и в тех недоборах его государевы опалы и правежу, а в тех его государевых службах на всякой год бывает верных голов и целовалников, на Москве и во всяких городех, по три тысячи человек и болши, за его государевым крестным целованием, и бояся тех недоборов все бывают в крестном преступлении; а торговые всякие люди, во всем его государстве, ото многих новосчинных и непостоянных и в розноразличных во всяких в затерных и в проезждих пошлинах и в задержаньях многих торгов своих промыслишков отбыли и в конец погибли душами и животами своими. И велел бы государь о тех своих о прямых рублевых пошлинах уставные грамоты и во все свое государство напечатать своим государевым указом, все ровны, как ему, милосердому государю, бог известит, чтоб впред его государства таможенная пошлина сбиралась со всяких торгов и везде бы прямо и постоянно бы; а по чему пошлин с прямой цены с рубля положити и о том как ему, милосердому государю, бог известит [1]).

Из уставной таможенной грамоты 1653 г.

В прошлом во 161 году били челом нам гости и гостиной и суконной и черных сотен и слобод и розных городов торговые люди, что де на Москве и в городех таможенные головы и целовалники ценят у них, торговых людей, товары их всякие, весчие и невесчие, вдвое и втрое, и против той своей оценки емлют многую лишнюю пошлину и от того де им,

---

[1]) А. А. Э., IV, № 64.

всяких чинов людям торговым, чинится продажа и налога большая и торгового своего промыслу отбыли; и мы, слышав выписки и челобитья и сказок гостей и гостиной и суконной и черных сотен и слобод и городовых всяких чинов торговых людей, указали и бояре приговорили вперед нашу таможенную пошлину имать с весчих со всяких товаров и с хлеба, на Москве и в городех, с тутошных жилецских и приезжих со всяких чинов людей, рублевую пошлину с продавцов по десяти денег с рубля, по чему которой товар ценою на деньги в продаже будет; а которые наперед сего собирывались на Москве и в городех, с весчих и не с весчих товаров, приезжие рублевые пошлины, с судов, как пойдут вверх и на низ с товары, посаженнина и головщина, и с телег и с саней мытовое и полозовое и отвозное и всякие мелкие статьи и то все, на Москве и в городех и в селех, отставить и вперед не имать; а перекупной пошлине с весчих товаров быть по прежнему. А которые люди, на Москве и в городех, учнут товары на денги покупать, и с тех людей имать с денег по пяти денег с рубля и давати на те покупные товары выписи, что они куплены на деньги; а где те покупленые товары в продаже будут и с тех товаров с продажи имать по пяти денег с рубля и того будет с денег и с товаров по десяти денег с рубля. А которые люди, на Москве и в городех, денги явят на товар в уезд и с тех имать по десяти денег с рубля [1]).

Из уставной грамоты 1654 г. о прекращении откупных злоупотреблений.

Божиею милостью, мы, в. г. ц. и в. к. Алексей Михайлович, вс. В. и М. и Б. Р. с-ц,, подражающе

---

[1]) Полностью см. в А. А. Э., IV, № 64 или в П. С. З., I, № 107.

божественных повелений, приклонихом милостивно уши наша в мир слышания и слышахом нечто не полезно, паче ж грешно и миру досадительно... яко во многих градех невемы, како многое злодейство привниде во обычаи человеческие, еже отдавати из наших приказов в нашем царствующем граде Москве и во всех градех на откуп мыт и мостовщину и на реках перевозы и с людей головщину и ядомые всякие харчи и иные всякие мелкие промыслы, також в наших дворцовых селах и патриарших, митропольих, архиепископлих и епископлих, монастырских, боярских и всяких чинов людей в вотчинах и поместьях проезжия пошлины и мыты и мостовщины сами держат и на откупы отдают; и тии откупщики, врази богу и человеком, немилосердием ревнуют прежним окаянным мытарем и прочим злодеем, сами седя по мытом и по мостом на дорогах, емлют с товаров проезжую пошлину, и мыт, и мостовщину не против нынешнего указу, лишнее воровски, и приметываются к проезжим торговым и всяких чинов людям своим злым умыслом напрасно, и правят на тех людях промытные деньги, и задерживают их, и от того им в торгах чинится безторжица и убытки великие; торговые люди торговых промыслов отбыли, а иные многие обедняли, меж двор скитаются, и наших податей взяти стало не на ком и служеб служити некому; а тех откупов откупщики и мытчики теми богоненавистными откупы прибытки себе чинят многие, и мир в том их враждебном промысле погибает, а они творятся, аки нашей, в. г-ря, казне прибыль чинити. И понеж не точию нам, в. г-рю, такими неправедными прибытки богатитися чужде и жизнь свою строити, но и всякому человеку малого чина и великого, ... указали есмы такое злодейство к тому в царствующем граде Москве и повсюду в градех и в селах упразднити, от сего времени нововсчинных проезжих пошлин и мытов, по рекам с судов посаженного и привального и грузового, и с людей головщины, и с саней полозового, и с телег и на гости-

ных дворех с рыбные складки в лавки и в погребы, и с разделки и с мытья, и с рыбных бочек, с бою и с выборки не имати, и в откупы не отдавати, и ядомых харчей всяких и иных всяких мелких промыслов: квасу, сусла, масла конопляного и коровья, ветчинного сала, солодорощенья, овсяной трухи, хмелевой труски, хлебного и соляного и важенного и бережного извозу, сенной труски, шелку, пищей площадки [1]), на реках прорубного, золы всякой, мыльного резанья, ворванья сала, свечь сальных, смолы брусковые, нарезь, дегтю, уголья и рогожного товару, лаптей, шлей, хомутов на откуп не давати, кроме воскобоя и ледяного и банных откупов; також есмы указали в патриарших, митропольих, архиепископлих, епископлих, монастырских, боярских, думных людей, стольников, стряпчих, дворян московских и всяких чинов людей в вотчинах и в поместьях мытов и проезжия пошлины и головщины имати, и на откуп отдавати не велели; а те проезжие всякие мелкие пошлины и мыты, которые были в таможнях на вере сбираны и в откупы отданы, мы, в. г-рь, велели приложити в торговую рублевую пошлину и сбирати в таможнях выборным, верным головам и целовальникам,... а которые проезжие люди на всех реках, во всякое время, похотят ехать на брод, мимо перевоза и моста: и тем людем не насиловать и никакою нуждою их к перевозу не волочить, переезжать им повольно без перевозного. А на которых реках запружена вода для мельниц и построены для того мосты и перевозы: и на тех реках мосты и перевозы держати по прежнему, а перевозити и по мостам пропущати всяких людей безденежно [2]).

---

[1]) В московском государстве были не состоявшие на государственной службе частные „площадные“ подъячие, напоминавшие нотариусов, работавшие артелью с разрешения властей и располагавшиеся зимой на площади возле приказов в „писчей избушке“, а летом на „писчей площадке“.

[2]) Полностью см. П. С. З., I, № 122.

Из сочинения Котошихина о России в царствование Алексея Михайловича[1]).

Глава 10. О торговых людях.

Гости; и в тех гостех бывают ис торговых людей, гостиной и суконной сотен, и ис посадцких людей. А бывают они гостиным имянем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовалниках у соболиные казны; и в таможнях, и на кружечных дворах; и торги своими торгуют и всякими промыслы промышляют; и волно им в домех своих, про свой росход, держати питье, и варити и курити, чрез целый год, так же волно и вотчину купити, и держати, и под заклад имати. И будучи в гостех, потомуж бывают в царских службах, по переменам, у соболиные казны и у денежных зборов в головах и во дьяцех. А будет их блиско 30 человек; а торги своижи торгуют в году всякой человек тысечь на 20 и на 40 и на 50 и на 100 рублев.

---

[1]) О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина. 4-е изд. Археогр. Комис. Подъячий посольского приказа, т.-е. один из младших чиновников тогдашнего ведомства иностр. дел, Котошихин во время русско-польской войны бежал в 1664 г. в Польшу, предлагал свои услуги польскому королю, но не имел особенного успеха и перебрался в Швецию, куда он ездил в качестве царского гонца в 1661 г., по окончании прошедших при его участии мирных переговоров со шведами после русско-шведской войны, и где он имел старых знакомых. Хотя сам К. причиной своего бегства выдвигал принуждение его одним из воевод к ложному доносу и указывал также на конфискацию его имущества в Москве по обвинению его отца в растрате (сумма которой, по его словам, равнялась лишь 5 алтынам), но несомненно, что еще в 1663 г. К. уже сообщил за плату некоторые секретные инструкции и бумаги Посольского приказа шведскому агенту в Москве и делал это неоднократно. В 1666 г. К., перейдя в лютеранство, поступил на государственную шведскую службу и до своей казни в следующем году (за убийство своего хозяина в ссоре из-за жены последнего) успел по поручению шведского канцлера написать сочинение о России, поражающее точностью, верностью и широтой кругозора и являющееся одним из наиболее важных источников для ознакомления с Россией XVII века.

Гостиная, суконая сотни устроены для того: на Москве и в городех бывают у зборов царские казны, з гостми в товарыщах, в целовалниках, и торги своими торгуют же и всякими промыслы промышляют, и питье всякое в домех своих велено им держать без заказу; а крестьян купити и держати им заказано. А будет их с 200 человек.

Московские торговые люди устроены сотнями и слободами, так же и во всех городех посадцкие люди устроены слободами ж: и бывают погодно выбираны в царские службы, в таможни и на кабаки, и к иным промыслом, в верные головы и в целовальники; а иные таможни, и кабаки, и всякие поборы, откупают они из царские казны на свои денги.

А торгуют они, всяких чинов торговые люди на Москве и в городех и в отъездех всякими торговыми промыслы. И против той их торговли и промыслов положено царское тягло, на всякой год, со всякого города, что доведется взяти, окладами; и те все вышеписанные чины, на кого что положено, сметяся сами меж собою по своим промыслом и животом, с кого что взяти, положат на себя сами меж собою; а кому чего не в мочь платить, збавливают и накладывают на иных, и выбраны у них бывают для таких дел старосты. А собрав по указу и по окладу деньги, отдают в приказех и в городех воеводам, или сами привозят к Москве.

А питья им, посадцким людем, кроме гостей и гостиные и суконные сотен, в домех своих держати никому не велено. А когда лучитца им купити вина или пива сварить, или меды ставить, для своего надобья, и тогда бьют челом царю: и им повелено держати на указные дни и недели, и платят с того питья в царскую казну пошлины, по указу. А заказано им то питье держати для того, чтоб утаясь, на сторону не продавали и в домех своих корчмы и наложства не чинили. А понадобитца ими варити квас, или мед поставить, или на ежу смолоть ржи, или чего иного, или быка,

или корову и свинью и овцу убить, не на продажу: и то волно, и пошлин царских с того не платят никаких.

А кому гостем, или торговым и посадцким людем, лучитца на каких-нибудь людех чего искати и отвечати: и им велено искати, на Москве и в городех, у бояр и у воевод и у приказных людей, где кто ведом и судим; а своих у них судов ни в каких делах не бывает.

А которой человек гость и торговой человек, будучи в головстве и таможне и у иных сборов и у продажи и у соболиные и иные казны, в котором году год перед годом казны соберет болши: и им за тое службу от царя бывает похвала, и бывает им жалованье, по купку или по ковшу серебряному, да по сукну, да по камке; а товарыщам их, целовалником, по ковшу ж серебряному, да по сукну и по тафте, смотря по прибыли и по человеку.

А будет которой гость, или иной человек, будучи у сбору или у продажи, перед старыми годами прибыли соберет менши прошлого году, своим нерадением, гулянием или пиянством: и тое прибыль, которой было быть в котором году, счотчи против иных городов прибылей, берут на них на самих; да сверх того бывает наказание кнутом. А будет они, верные головы и целовалники, и истинны не соберут сполна, за дороговью или за иным чем-нибудь, а не своим нерадением: и таким за такие дела не бывает ничего.

Глава 12. О торговле царской.

У Архангельского города торговля — хлебом, пенкою, поташью, смолчюгою, шелком сырцом, ревенем. А собирают тот хлеб в Поморских и в Понизовых городах, с уездных черных слобод с крестьян, и закупают тот хлеб и пенку во многих городех, на царские казенные денги ис Приказу Болшого Приходу [1]), и с при-

[1]) Приказ большого прихода был важнейшим из финансовых приказов и в него поступали таможенные сборы.

езжими иноземцы меняют на всякие товары, и продают на денги.

Поташные и смолчюжные заводы; учинены буды в царских диких лесах, на Украйне: также и бояр и околничих и думных и ближних людей и гостей и торговых людей буды учинены в тех же и в-ыных царских лесах на откупу; а сверх откупу на царя берут поташи и смолчюги десятую бочку. И те товары, хлеб, пенку, поташ, смолчюгу проводят к Архангельскому городу на царских ямских подводах и наймуют. Ревень присылается из Сибири, собирают с таможилцов.

Торговля на Низу — учюжные рыбные промыслы, что остается за дворцовым обиходом; так же и соль ламают и варят и возят, вверх по Волге реке, до Казани и до Нижнего и до Москвы. И тое рыбу и соль, что остаетца за царским расходом, на Москве и в городех продают всякого чину людем.

С Персидцкими купчинами — шолком, сырцом и вареным и всякими тамошними товарами, в Астрахани, и в Казани, и на Москве. А ценят те Персицкие товары по тамошней их цене, по чему купят в Персии; а на Москве, за те товары дают ис царские казны соболи и иную мяхкую рухлядь, а ценят тое мяхкую рухлядь против роздачи с прибавкою. А как те купчины бывают в Астарахани, и в Казани, и на Москве: и им дается до поезду их царское жалованье, корм и питье и суды, в чем им ехать водою, и гребцы, безденежно.

Гречаня — приезжают к Москве ежегодь и привозят с собою товары всякие: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные, с каменьем с алмазы и сь яхонты и с-ызумруды и с лалы, и золотные портища, и конские наряды, седла и муштуки и узды и чапраки со всяким каменьем; и царице и царевнам венцы и зарукавники и серги и перстни с разными ж каменьи, немалое число.

А приехав, те товары царю подносят они в дарех; а после того те товары ценят торговые люди, иноземцы

и мастеры, по тамошней Турецкой оценке; а вместо того даетца им соболми ж и рухлядью. И таких товаров на всякой год покупается множество, потому что боярам и иных чинов людем купити, окромь царя, никому не волно, а в царскую казну приходят они якобы даром.

А бывает тех Гречан на год по 50 и по 100 человек, и живут на Москве для продажи многие годы; и даетца им корм и питье доволное. А которые товары подносят они царю, и в царскую казну те товары не годятца: и им те товары отдаютца назад, и волно им продати всякого чину людем.

Из главы 7.

I. Да в том же Приказе [1]) ведомо: как присылаются ис Казани и из Астарахани конские табуны, Нагайские и Татарские, к Москве, ежегодь, лошадей тысечь по 30 и по 40 и по 50 и болши на год, на продажу, и будучи в Астарахани и в Казани, у тех Нагайских людей и татар ис табунных лошадей выбирают воеводы про царской обиход лошадей тысечь по 5 и по 6 и по 8, и, записав и запятнав, присылают к Москве с ними ж табунными людми; а на Москве, взяв у них тех лошадей, на царском дворе ценят против их тамошней цены и дают денги ис царские казны, а досталные лошади велят им продавать всякого чину служилым людем и иным чином, и собирают с продажи тех лошадей и з записки у купцов записные денги в конюшенной приказ; а покупают и продают те табунные лошади рублев по 5 и по 7 и по 10 и по 15 лошадь, и покормя месяц времени или другой, продают те лошади Русские люди своей братье, дорогою ценою. А как они,

---

[1]) Приказ Казанского дворца ведал финансами Казанской области и до 1634 г. также Сибярью. Подобные приказы, управлявшие отдельными областями государства, возникали при первоначальном присоединении к Москве удельных княжеств или соседних областей и иногда оставались на целые столетия.

Нагайцы и Татары, табунные свои лошади испродадут, и на отъезде своем бывают у царя, что и Калмыцкие послы, и бывает им стол на царском дворе доволной; а приезжает их с теми лошадми на год человек по 200 и болши, и платье им ис царские казны дается, смотря по человеку, что и Крымским же послом. А люди они подданные царские, Казанского и Астараханского государств; и даются им от Москвы до Казани, на чем ехать водою, суда и проводники, безденежно.

...А присылается из Сибири царская казна, ежегодь: соболи, мехи собольи, куницы, лисицы черные и белые, горностаи, белка в розни и мехами, бобры, барсы. А сколко числом тое казны придет в году, того описати не в память, а чаять тое казны приходу в год болши штисот тысечь рублев.

И у той соболиной и у всякой мяхкой казны, для оценки и приему и роздачи, бывают погодно: голова гость, а с ним товарыщи, целовалники и сторожи, торговые выборные люди, погодно; а выбирают их к той казне своя братья, гости и торговые люди, за верою и крестным целованием, что им тое царские казны не красть, и соболей своих худых, и иные мяхкие рухляди в казну не приносить и не обменивать, также кому велят тое казну продавать или за службы и за товары давать цены лишние для своей прибыли не прибавливать и для дружбы никому за худые не давать добрыми; а велено им цена ставить всяким зверям по прямой Московской цене, дешевле торгового малым чем, как про царя, так и в роздачю и на продажу врозне.

Так же та казна посылается во окрестные государства к потентатом в дарех и платят Персицким и Греческим купчинам и купетцким людем за товары и кому что будет от царя приказано дати. А когда бывает той казне умножение, а расход бывает малой, продают торговым и всякого чину людем и дают в долг с поруками, по указной цене, а цену на них кладут они что чего стоит; а которой год лову и привозу тем зверям

зачем бывает иных годов менши, и тогда соболей не продают и цену накладывают свыше прежнего, с царского повеления... Таким же обычаем, которые соболи добрые самые, а годятца они в царскую казну, купити воеводам и служивым и торговым людем и из того государства вывозити и продавати не велено ж, и поставлены для того заставы; и у кого объявятся добрые соболи, пара свыше 20 рублев, а сорок свыше 300 рублев, по Московской цене, и у таких людей емлют те соболи на царя, безденежно. А кто такие соболи дорогие похочет вывезть и переделает в платье, и в платье им про себя вывозити волно; а кто хочет утаить и солгать, что добудет болши указные цены, и у них то вынимают, и бывает за то середним людям наказание и пеня жестокая.

И ныне самых добрых соболей от Москвы в ближних городех звериной лов помешался, а ловят соболи середние и плохие, потому что многие звери отпужаны и умалелося; а доставают самые добрые соболи и иные звери в самых далних отстатних Сибирских городех, на Лене; и от того соболи почали быть перед старою ценою дороже.

II. Да в том же Приказе[1]) ведом Денежный двор, а в нем сидит, для досмотру денежного дела, дворянин да диак. А делают денги серебряные мелкие: копейки, на одной стороне царь на коне, а на другой стороне подпись: „царь и великий князь“, имя царское и титла самая короткая; денги, половина копеек, на одной стороне человек на коне с саблею, на другой подпись царская, такая ж, что и на копейках; полушки, четвертая доля копеек, денег половина, на одной стороне голубь, а на другой написано: „царь“, из ефимочного серебра, ежегодь. А привозят ефимки и серебро, прутовое и тянутое, к Архангел-

[1]) Приказ Большого Дворца был главным из дворцовых приказов, ведавшим дворцовое хозяйство по всей России и собиравшим пошлины с более чем 40 подведомственных ему городов.

скому городу, из Галанской земли, и из Венецыи, и из Любка, и из Амбурка; а покупают они на те ефимки всякие товары ис царские казны, или серебро ж меняют на всякие товары, а берут те ефимки у них за товары, и серебро против еѳимков по четыре гривны и по 14 алтын ефимок, а товары царские ставят дорогою ценою и ис тех еѳимков или ис серебра в серебряных деньгах царю бывает прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходит дешевою ценою, а в деле Московских денег выходит из ефимка по дватцати по одному алтыну по две денги и от всякого ефимка прибыли царю по 7 алтын по 2 денги и по осми алтын; так же и пошлину у Архангелского города и в-ыных порубежных городах емлют с чюжеземцов ефимками ж, по такой же малой цене... А в Московском государстве золота и серебра не родится, хотя в крониках пишут, что Русская земля на золото и на серебро урожайная, однако, сыскати не могут, а когда и сыщут, и то малое, и к такому делу Московские люди не промышлены; а иных государств люди те места, где родится золото и серебро, сыскали б, а не хотят к тому делу пристать для того, что много потеряют на завод денег, а как они свой разум окажут и потом их ни во что промысл и завод поставят и от дела отлучат.

Указ 1660 г. о посылке Гебдона за границу.

По нашему в. г-ря ц. и в. к. Алексея Михайловича, вс. В. и М. и Б. Р. с-ца, указу, околничему нашему Федору Михайлову сыну Ртищеву да думному нашему дворянину Григорью Михайлову сыну Оничкову. по нашему, в. г-ря, указу послан с Москвы за море для наших, в. г-ря, дел резедент иноземец Иван Иванов сын Гебдон, а что ему для наших, в. г-ря, дел будет надобно ефимков, и ему те ефимки велено иметь в займы в Галанской земле в Амстрадаме у бурмистров из их городовые казны. А за те заемные ефимки пла-

тить им из нашие, в. г-ря, казны товарами: поташем и смольчюгою и пенькою добрыми у Архангельского города, в нынешнем во 169 году и впредь погодно, которые товары куплены и впредь будут покупаны у тебя окольничего нашего, из Приказу Большого Дворца[1]. А сколько которого товару в платеж бурмирстрам будет надобно, о том наш, в. г-ря, указ в Приказ Большого Дворца прислан будет впредь. Писан сей наш, в. г-ря, указ в наших царских полатах. Лета 7169 году ноября в 7 день[1]).

---

[1]) И. Я. Гурлянд. „Иван Гебдон, коммисариус и резидент". (Ярославль, 1903), стр. 58.

Практиковавшиеся еще в XV и XVI веках посылки иноземцев русской службы, а иногда и русских посольств, для закупки в Европе товаров и найма мастеров особенно участились в XVII в.; Баклановский в 1618 г. должен закупить в Голландии 1100 пудов пороху и 3000 пуд. свинцу; англичанин Юрий Родионов в 1621 г.,—нанять рудоздатцев и др. мастеров (а также подыскать невесту царю); в 1628 г. золотых дел мастер ф.-Эксель,—заказать в Голландии 10000 мушкетов и нанять мастеров и т. д. В 1630 г. голланд. купцом поставлено 500 мушкетов и др. оружие, в 1631 г. ведутся переговоры о 3000 мушкетов и 3000 стволов, в 1637 г. заказ на пушки и ядра; в 1653 г. подъячий Головнин послан в Голландию за порохом, свинцом и 20000 мушкетов, „Роман Болдвинов" за порохом, капитан ф.-Керк за карабинами и пистолетами, богатый московский иноземец Андрей Виниус за порохом из Голландии; в 1655 г. купец-иноземец Буш и подъячий Амаров за 20000 мушкетов, в 1660 г. голланд. купец Сведен за ружьями в Голландию и Гамбург, др. иностранец за 10000 мушкетов, гость Петр Микляев за 300 пушек и др. оружием; и т. д. При Алексее Михайловиче посылаются преимущественно жившие в Москве и торговавшие с Россией иноземные купцы, хотя бы и не состоявшие на царской службе. Размеры закупок вырастают в десятки раз. Типична посылка торговца англ. Ив. Гебдона, жившего в России уже в 40-х г.г. XVII в. Он держал икряной откуп на 5 лет, обязуясь грузить в Архангельске ежегодно не менее 500 бочек икры. С 1659 г. он получил на 6 лет и смоляной откуп.

В 1652 и 1656 г.г. Гебдону дважды поручалось купить за границей на 10000 р. венецианских „узорочных товаров" и нанять мастеров, а в 1658 г. он послан для закупки оружия в Голладию. В 1660 г. Гебдон посылается уже со званием не только „коммиссариуса" (подобно Виниусу и Сведену), но и „резидента" с поручением вообще наблюдать за русскими торговыми интересами в Голландии и др. соседних государствах. Во время своих разъездов

Доклад царю по отчетам, присланным от Гебдона.

По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца, велено иноземцу Ивану Гебдону купить в Немецких государствах:

20000 мушкетов, ценою по рублю з гривною или по 40 алтын; итого 22000 или 24000 рублев. 30000 аршин сукон розных цветов по 26 алтын по 4 денги аршин; итого 24000 рублев. Всего на тое покупку надобно 46000 или 48000 рублев.

Да емужь велено сверх тово купить по росписам Виницейские, и всякие узорочные товары и наймовать мастеровых всяких людей. А на тое покупку ись Приказу великого государя Тайных Дел[1]) дано ему, Ивану, 10000 рублев, что взяты из Новые Чети[2]). Да что на нем, Иване, довелось взяти в приказ государевы Большие Казны за икру 166-го году 25707 ефимков.

по Европе Гебдон из местных купцов завел своего рода торговых русских представителей (некоторые из которых были „пожалованы гостиным имянем") в Любеке, Амстердаме, Кролевце, Митаве и пр., исполнявших царские поручения и пересылавших „отписки".

[1]) И. Я. Гурлянд, „Иван Гебдон", стр. 50. Приказ Тайных дел образовался в 1654 г. и будучи чем-то вроде личной царской канцелярии, служил для проведения личной инициативы царя в дипломатических, военно административных и отчасти хозяйственных делах. Ведал также царской стрелецкой гвардией, соколиной охотой и изготовлением гранат.

[2]) Возникшие в XVI в. „чети" первоначально назывались третями и насчитывались в числе трех: Галицкая, Владимирская и Костромская, к которым в XVII в. прибавились Устюжская, а затем Новгородская. Такие четверти учреждались для сбора денег на жалованье служилым людям с тех округов, где вместо наместничьего управления было введено самоуправление, а натуральный „корм" наместнику заменен денежным сбором. „Новая" же четверть была учреждена в 1619 г. для сбора кабацких доходов.

Да емуж, Ивану, велено взять за морем на иноземце на Мартыне Бихлинке 8800 рублев, что довелись взять на нем за пеньку в Приказ Большого Дворца, и зачтены те деньги в Приказе Большие Казны за взятье долговых денег, что взял было в Приказе Большого Дворца. И те деньги и ефимки велено ему давати за товары в Немецких государствах. Да Ивану ж Гебдону велено взяти по верющей грамоте в Амстрадаме у гостей 20000 или 30000 рублев. И сентября в 10 день писал к великому государю Иван Гебдон, что он взял в Амстрадаме у гостей ефимков на 10000 рублев. Всего у Ивана в приходе 41639 рублев.

А по росписи ценовной, какову прислал из-за моря, купил он 4920 мушкетов з банделеры; дал за 3600 мушкетов 3600 рублев, а за 1320 мушкетов по 32 алтына по 4 денги, итого 1293 рублев 20 алтын; обоево за 4920 мушкетов—4893 рублев 20 алтын. Да Виницейских и иных всяких товаров на 12500 рублев. Всего покупки на 17320 рублев на 20 алтын. А за тем у Ивана в остатке 24295 рублев 13 алтын. И февраля вь 18 день писал Иван Гебдон, что он взял в Амстрадаме у гостей ефимками на 16000 рублев. Всего у Ивана в остатке 40295 рублев 13 алтын 2 деньги.

И уговорился он поставить в новой год 20000 мушкетов, 30000 аршин сукон, 2 кореты отдать делать, лошадей у него куплено 20, а иных закупить послать, бархаты двоеморховые золотной и без золота делают и иные всякие покупки, все что сыскать мочно. Изготовлено будет к новому лету. А на те де на все покупки и что дано за Виницейские товары, по смете, надобно больши 60000 рублев.

А ныне емужь велено купить или уговоритца зделать 80000 мушкетов з банделеры. А на тое мушкетную и на суконную покупку надобно денег 104000 рублев, опричь иных покупок. Емужь велено приговорить всяких мастеровых людей.

Из письма Гебдона к кн. Ю. И. Ромодановскому 25 февр. 1661 г.[1])

Продал яз здеса 100000 пудов пеньки Литовского доброво ценою по 9 рублев берковец, отдать им у Архангельского городу, без пошлину. А с пошлину больши с полтину по 8 рублев не хто не даст, для того что у Архангельского города гости государева пошлину збирают против большого цене. А у Архангельского городу пенок и всякого товару было в прошлом году в дорогою цене, для того что яфимку продали по 20 алтын, а золотый з гривною по сороку и без гривны по полутора рублев серебряными деньгами. А здесь, государь, торговые людей наложил у продаже по дватцати рублев на сто. Сам, г-рь, я у пятдесят бочек поташю [2]), что закупил у Архангельского городу у всякой берковец наложил по 2 рубли. Бога ради, г-рь промышляй, что б мне было здеса деньги. И так, г-рь, у меня в розходе 61000 рублев словет, ц вышло всего 107. Тебе знатно будет в отписки моих, что писано к в. г-рю. Да о том, г-рь, чтобы пеньку против записи отдали, и того на крепко приказать, чтоб воровской пенок не было. Ныне, г-рь, во всякой Руской товар такой оман, что стидно слышеть, не такмо видеть. И о том здеса многие бьют челом бургимистером. И с одного челобитья список послал я, иноземец, к в. г-рю. Милости, г-рь князь Юрья Иванович, прошу: всех тех Немецких писем вели перевесть и в. г-рю объяви про все. Да ведома тебе, г-рь, даю, что Ивана Фансведена товарыщи ево, которые живет в Анбурхе торода, написали к многим людем здеса, чтоб они держали с ними в пай в ржаном покупку, быто ржи продажного есть из Московского Государства. И та слава мне много помешка

---

[1]) Гурлянд, „Ив. Гебдон", стр. 73.

[2]) „Сам я, иноземец, поташю купил у Архангельсково города, у боярина у Бориса Ивановича Морозова у людей ево... 50 бочек поташю".

зделал, для того что нехто не хочет поташь и смольчугу купить. Всяк просит ржи. От себя, г-рь, вели про такова дела сыскать, и будет есть, для чево мне не приказано продавать? А будет, г-рь, ложь, изволь, г-рь, ко мне о том отписать, чтоб мне надежно им в том дело отказать. А будет, г-рь, что ржи есть продажно, доспей, г-рь, чтоб в. г-рь мне пожаловал и велит бы мне продать 15000 чети ржи или больши по 40 ефимки ласт или мало чем больши, чтоб мне было малой прибылишка, чем б здержки свои лехчи. Поверь, г-рь, что на месец больши ста рублев ставитца, а для его, в. г-ря, честь нижи нельзя мне жить.

Перевод жалобы голландских купцов на недоброкачественность русской пеньки.

Перевод с челобитной Галанских Амстрадама города торговых людей к бурмистром и ратманом.

Шляхетне и великопочтенныи господа наши бурмистры и владетели города Амстрадама. Объявляем и бьем челом посадских людей и мастеровых, которые корабельные канатные снасти делать умеют, что в нынешнее время учинилась с Шведы война. Из Риги и из Лифлянт пеньку в Галанскую землю приваживали многую добрую, прямую, а ныне от города Архангельскова пеньки привезли и вперед привезут. А сначалу что от города привезли Литовскую пеньку, и та пенька была добра, а ныне от году до году объявляется пенька гораздо хуже и в серетках всякая худая положена, гнилая. И которые целовальники к тому делу приставлены, и они тое пеньку осматривают, и та пенька живет сверху добра, и в серетках гнилая. И чтоб тем целовальникам было приказано, чтоб они тое пеньку осматривали, бунты разрезывая, чтоб гнилово и худово не было, чтобы от тово убытков и хлопот не было, и впредь пеньку возили добрую, немешеную. А прежь сего и пз Риги приважи-

вали такую ж пеньку, у которой ф серетках худая, и вам, бурмистром и ратманом, бивали челом, и вы нас пожаловали, приказали тем целовальником бынты все разрезывать и пересматривать все до конца. А Рижане, видя такой позор, приказали впредь возить добрую. И ныне привозят пеньку добрую. Итак бы ныне нас пожаловали, приказали бунты целовальником разрезывать и пересматривать до конца, чтоб от города приказано было привозить пенька добрая немешаная, чтоб впредь в том остуды и убытку, и хлопот, и тяжбы не было[1]).

---

[1]) Гурлянд, „Иван Гебдон". „При покупке нужно сильно остерегаться, потому что они (т.-е. русские) часто смешивают сало с водой и испорченными веществами и делают также бочки из дерева такими толстыми, что иногда теряешь при этом 8%"— пишет Кильбургер в 1674 г. (Курц. „Сочинения Кильбургера о русской торговле" с. 103) о русском экспортном сале. Трижды посетивший Россию в 1634, 1636 и 1639 г.г.. секретарь Голштинского посольства Адам Олеарий, написавший капитальный труд о России, пишет о русских: „Их смышленость и хитрость, на ряду с другими поступками, особенно выдаются в куплях и продажах, т.-к. они выдумывают всякие хитрости и лукавства, чтобы обмануть своего ближнего. А если кто их желает обмануть, то у такого человека должны быть хорошие мозги. Так как они избегают правды и любят прибегать ко лжи и к тому же крайне подозрительны, то они сами очень редко верят кому либо; того, кто их сможет обмануть, они хвалят и считают мастером. Поэтому как-то несколько московских купцов упрашивали нашего голландца, обманувшаго их в торговле на большую сумму денег, что бы он вступил с ними в компанию и стал их товарищем по торговле. Так как он знал такие мастерские приемы обмана, то они полагали, что с этим человеком будут хорошо торговать. При этом странно, что хотя на обман они не смотрят, как на дело совести, а лишь ценят его как умный и похвальный поступок, тем не менее многие из них полагают, что грех не отдать лишек человеку, который при платеже денег по ошибке уплатит слишком много. Они говорят, что в данном случае деньги даются по незнанию и против воли и что принятие их было бы кражею, (в случае же обмана) участник сделки платит по доброй воле и вполне сознательно. По их мнению торговать нужно с умом и смыслом, или же совершенно не касаться этого дела". („Описание путешествия в Московию", пер. Ловягина, изд. Суворина; стр. 181).

Из показаний московских торговых людей в 1660 г. о причинах вздорожания съестных продуктов.

И гости и гостиныя и суконныя сотни торговые люди сказали[1]): хлеб учал быть на Москве и в городех дорог от недородов, от кружечных дворов, от многого винного куренья и пивных варь и от многих закупщиков и кулащиков и вязщиков и от винных подрядчиков; а из которых украинных городов в прежних годех хлеб к Москве привозили на продажу и из тех городов хлеб продавали в Черкаские городы и на Москве стрельцы и стрелецкия жены хлеб покупают у скупщиков и у вязщиков в четверики дорогою ценою. И будет в-й г-рь ц. и в. к. А-й М-чь, вс. В. и М. и Б. Р. с-ц, укажет в своем государстве свой государев милостивый указ учинить: на Москве и в городех отставить кружечные дворы и поварни, где вина уговорныя сидят, и стрельцам свое государево хлебное жалованье дать все хлебом; а хлеб на свое государево жалованье стрельцам укажет взять у патриарха и у властей и в монастырех, который у них будет хлеб влишке за обиходом, и около Москвы за 100 верст в городех и в селех всяких закупщиков и вязщиков и кулащиков отставить; а на Москве на хлебном торгу у возов, у стругов и у съедомого харчю до шестого часа дни закупщикам и вязщикам и кулащикам купить не велеть и в те часы им на тех торгах не быть и того стеречь верному человеку

---

[1]) С. Г. Г. и Д., IV, № 18. Царским указом было предписано 17 окт. 1660 г. опросить гостей и торговых людей о причинах дороговизны хлеба и вообще вздорожания всех съестных продуктов и скота: „от того ли, что на Москве и в городех хлебу и всякому съестному и скоту многие закупщики и что где купят, над тою куплею вяжут вязку и вязкою многую цену на все прибавляют?“ и подешевеет ли хлеб от отмены винной монополии? Показания опрашиваемых интересны для выяснения роли скупщиков и посредников на хлебном рынке. Объяснения же их о причинах вздорожания необходимо сопоставить с рассказом Котошихина и показаниями торговых людей в 1662 г. о влиянии медных денег.

накрепко и из ближних городов и из сел и деревень учнут привозить к Москве крестьяне сами и перед откупщиками продавать многим дешевле и от того ото всего хлеба будет больше и цена дешевле...

А московских черных сотен и слобод сотские старосты и тех сотен и слобод тяглые торговые люди лучшие и середние и молодшие сказали: в прошлых годех до морового поветрия хлеб к Москве привозили и хлеб был недорог и после морового поветрия пашенных людей стало меньше, потому и хлеб и всякое съестное стало дороже. А преж сего было в-го г-ря хлебное жалованье ружным попам и всем церковникам и стрельцам и государевым дворовым людям розных чинов; а ныне дают тем всем людям государево жалованье за хлеб деньгами и те все люди на Москве и в городех стали хлебу купцы. А преж сего из дворцовых сел и из волостей хлеб государев привозили к Москве на Житный дворец; а ныне с тех сел и с волостей емлют за хлеб оброчный деньгами. А зимою крестьяне с городов и из уездов хлеб на возех привозят и тот хлеб перекупщики у тех приезжих крестьян покупают дешевою ценою, а сами те перекупщики продают тот хлеб дороже и к себе в лавки и в шалаши с возов ссыпают и продают по своей воле, как им перекупщикам надобно; а летом, как хлеб приходит Москвою рекою в стругах и тот хлеб перекупщики покупают дешевою ценою и тот хлеб пересыпают из стругов к себе в струги на Москве реке и те перекупщики сами продают дорогою ценою и от того богатеют. А которые зимнею порою патриарши и митрополичьи и архиепископли и боярские и окольничих и дворян московских и монастырские крестьяне и розных помещиков привозят на возах хлеб к Москве и всякое съестное и тот хлеб и всякой запас продают дорогою ценою; а для чего дорого продают, того они не ведают, а ведают про ту дорогую цену крестьяе, которые хлеб привозят. А что на кружечных дворех винную продажу отставить и от того

хлеб дешевле будет ли и они того не ведают, потому что хлеб в Божей воле...

Черных сотен и слобод торговые люди били челом в-му г-рю, чтоб у закупщиков, где хлеб закупили, и тот бы у них хлеб переписать; а закупают де хлеб на Рязани, в Шацком, в Темникове, в Красной слободе, в Нижнем Новегороде и в иных во многих городех, из которых городов водяный путь к Москве, и чтоб тот хлеб поднять к Москве в-го г-ря казною и продать бедным людям, а тем бы закупщикам за тот хлеб дать по их цене деньги.

Да бьют челом в-му г-рю черных же сотен и слобод торговые люди, чтоб в-й г-рь пожаловал, закупщикам рыбным многие рыбы покупать в городех из насадов заочи не велел; покупают де волскую рыбу в Нижнем из насадов заочи и от того де рыбе дороговь безмерная и привозят к Москве и продают многою дорогою ценою[1]); а про иные де статьи, что гости сказали, и их де теж речи.

Из „сказки" 1662 г. о причинах дороговизны.

170 апреля в 23 день, по указу великого государя[2]), боярин Илья Данилович Милославской допрашивал гостей и гостиные и суконные сотни торговых

---

[1]) В царской грамоте 1665 г. белозерскому воеводе о сборе оброку с рыбаков на Белоозере, р. Шексне и др. реках говорится (Д. кл. И. V, № 7): „а веспою де рыбные закупщики, прасолы, закупают у рыбных ловцов рыбу на рыбных пристанях после взятья нашей оброчные рыбы, а иную рыбу, являся на рыбном дворе у приказных людей и у целовальников, закупают у рыбных же ловцов, ездя по рекам и по озерам подле берегу и с тех людей имать бы . броку попрежнему с лодки по полуполтине ж да вновь безденежно по три рыбы судаков и щук".

[2]) Ропот на ростущую дороговизну заставил правительство назначить комиссию для допроса гостей, гостинной, суконной сотен и черных слобод и сотен торговых людей о причинах дороговизны, мерах борьбы с ней и изыскании средств для усиления запаса серебряных денег в виду быстрого падения курса медных. См. Чтения, 1890, III (Зерцалов, „О московских мятежах").

людей, от чего на Москве и в городех хлеб и всякие харчевые запасы и товары стали дороги и чем бы той дорогой цене учинить помощь. И гости и гостиныя сотни торговые люди сказали: на Москве и в городех учинилися русские товары: шапки, сапоги, седла, узды и прочие всякие мастерские товары и съестные всякие запасы дороги от хлеба потому, что в прежних летех мочно было мастерскому человеку и с женою быти сыту днем алтынным хлебом, а ныне мастерскому человеку одного хлеба саму другу надобно на 20 алтын[1]) и для того всякие мастерские товары стали дороги и дешевым им быть от хлебные дорогови невозможно, а всякой хлеб и скот и сено и дрова и всякой деревенской запас для чего продают дорогою ценою, то ведают помещики и крестьяне их[2]), а в рядех которые были прежних лет немецкие товары дешовою ценою покупаны, и те товары распроданы во 168 и девятом году не с большою прибылью на медные деньги, а после того и сами те товары покупали у немец на серебреные и на медные деньги большою ценою... потому что иноземцы ныне товаров своих русским людям на медные деньги не продают ни в тридцать цен, просят против тех своих товаров русских товаров, а русские товары, которые были иноземцам годны, все взяты у торговых людей на Москве и в городех на в. г-ря и ныне нам немецких товаров купить стало не на что, которые у нас были деньги серебреные и те все перевели в медные и которые ныне люди хотя и дорогою ценою продают

---

[1]) „Черных сотен и слобод сотские и старосты и все тяглые люди", отвечая на тот же вопрос, приводят цифру 26 алтын.

[2]) В чернослободской „сказке" объяснено: „хлеб учал дорог быть высокою ценою от медных денег потому, что вотчинники и помещики и их крестьяне хлеб и сено и дрова продают на медные деньги большою ценою, а на серебряные деньги ржи четверть купят рубля по два с полтиною, а иные многие помещики и вотчинники и крестьяне на медные деньги и не продают и в таком дорогом хлебе и во всяком харчу скудные людишки погибают" (Зерцалов, стр. 265).

остатные немецкие товары на медныя деньги и те деньги без торгу проедают и в таком дорогом хлебе и во всяком харче тех им денег станет не надолго и ныне они торговые люди стали без серебряных денег и без товаров и все ожидают себе конечные нищеты, да мы ж ныне торговые люди сверх того от не разсуждения стали возненавидены ото всех чинов за тое товарную продажу, а ныне в промыслех всяких немецких и персидских товаров у торговых людей перед прежними леты нет и в десятую долю потому, что изстари в прежних летех всякими торгами и промыслами по указу в. г-ря торговали одни торговые люди и с того в. г-рю всякие подати и пошлины платили и тем его в. г-ря казну и государство полнили, а ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин [1]), оставя и презрев всякое государственное правление, и в том их торгу и промыслах чинится государству не малая тщета и неуправление и в. г-ря казне в пошлинах и во всяких податях великая убыль.

---

[1]) 28 апреля „гости и гостиные сотни“ люди добавили, „а на Москве во всех рядех от гостей и гостиные сотни торговых людей самих и детей и племянников и сидельцов в лавках сидят меньши 40 человек, а торгуют во всех рядех всякими товары кадашевцы, и садовники, и всех сотен и слобод торговые люди, и стрельцы, и пушкари... А у духовного чина промыслов за патриархом на Волге учуги рыбные и соленые посады и икряные и клейные промыслы и в варзуге рыбные ловли, а торгуют в тарханах беспошлинно, да за казанским митрополитом насад в тарханех и за Троицким Сергиева монастыря и за Соловецким и Кириловским, и Сийским и Прилуцким и Кандалавским монастырем соляные и рыбные промыслы все в тарханех, а на Москве и в городех от попов и от чернцов сидят в розных рядех сидельцы. А воинского и судебного чина стольники и стряпчие и дворяне и дияки и подьячие и боярские люди торгуют поташем и смолчугою и пенькою и собольми и немецкими товарами“ (Зерцалов, 262).

Суконные сотни торговые люди заявили: „а всего нас в сотне на Москве и в городех 40 человек и беспристани в его государевых службах“ (стр. 264).

И будет в. г-рь укажет дать во всех торгах и во всех торговых промыслах повольно торговать одним торговым людям на Москве и во всех своих государевых городех против прежнего своего государева указу и соборного уложенья и в том торговом промыслу от торговых людей будет его государевой казне в пошлинах и во всяких податях немалая прибыль и в государстве немалое пополнение, а без того его государевой казне и государству в деньгах в серебряных и в пошлинах и в товарех пополнения и дешевые цены на товары не будет, для того что всякой не торговый чин, обогатяся торговым промыслом и добыв деньги и всякие вещи, задерживают у себя и с тех промыслов в. г-ря пошлины и всякие доходы пропадают, а торговый всякий человек, что больши распространяет своего промыслу и от того его в. г-ря казне в пошлинах и во всяких податях чинится великая прибыль и в государстве всякими товары пополнение для того, что торговые люди со всех промыслов и с тех, которые ныне не за торговым чином, станут в. г-рю пошлины и всякие подати и доходы платить без тарханно[1])...

Об отмене тарханов из грамоты Старорусскому воеводе в 1672 г.

... Да в памяти ж из Приказу Казанского дворца, за его же Григорьевою приписью, маия в 21 день написано: указали мы, великий государь, и бояре наши приговорили: прежних великих государей царей и вели-

---

[1]) Кончается „сказка“ заявлением, что „о поможении всяких товаров дешевой цены“ одни они „подлинно недоумеются для того, что то дело всего государства всех городов и всех чинов“ и просят „взять изо всех чинов на Москве и из городов лутчих людей по 5 человек, а без них нам одним того великого дела на мере поставить невозможно“; суконной сотни торговые люди тоже заявили, что „то дело великое всего государства всей земли“.

ких князей Росийских и отца нашего государева, блаж. пам. в. г-ря ц. и в. к. Михаила Федоровича, вс. Р. с-ца, и наши, в. г-ря, жалованные грамоты, которые даны патриархом и митрополитом и в Троицкой Сергиев и в иные монастыри, на низовые их насадные промыслы, отставить и впредь никому в тех местех тарханом не быть для того, что те тарханшики многие товары привозят сверх жалованных грамот и на судех и в паузках кладут розных чинов торговых людей всякие товары лишние и называют своими и провозят безпошлинно и от того в городех таможенным пошлинам чинятся недоборы великие; а ныне с тех их тарханшиковых промыслов таможенные пошлины имать в нашу великого государя казну таможенным головам и целовалником так же, как и с торговых людей, а с кого имяны имать пошлины и тем тарханшиком роспись. А в росписи написано: патриарши Астраханские учюги и судовой промысл, Казанского митрополита судовой же промысл, Астраханского митрополита учюжный промысл, Троицкого Сергиева монастыря судовой промысл, Чюдова монастыря Самарской рыбной и судовой же промысл, Нового девича монастыря судовой промысл, Свияжского Богородицкого монастыря судовой промысл, Казанского Преображенского монастыря судовой промысл и с Казани ж Пречистыо богородици новоявленного образа девича монастыря судовой промысл, Астраханских монастырей: Троицкого, Преображенского, Вознесенского рыбной и соляной промысл; также и с Руских людей, и с мурз, и с Татар, и со всяких иноземцов, которые торговали в Низовых промыслех по тарханным грамотам, безпошлинно, а ныне с них таможенные пошлины по нашему, в. г-ря, указу велено имать, а тарханом не быть [1]).

---

[1]) Д. к А. И., VI, № 61. Предоставление монастырям тарханов снова встречается, однако, в конце века, хотя в редких случаях. Окончательно уничтожены они уже при Петре.

Из челобитья Кельдермана о пожаловании его „гостиным именем“ [1]).

Ц. г. и в. к. Алексею Михайловичю, в. В. и М. и Б. Р. с-цу, бьет челом холоп твой, Московской торговой иноземец Томаско Андреев сын Келдерман. Служил отец мой Андрей изстари прежним великим государем, во всяких ваших государевых делах, верно и радел безо всякие хитрости, до своего живота, бл. пам., отцу твоему государеву, г. ц. и в. к. Михаилу Федоровичю в. Р., и тебе в г-рю служил многие службы: в прошлом, г-рь, во 121 году посылан на вашу государеву службу, в Аглинскую землю, с Алексеем Зюзиным да с дьяком Алексеем Витовтовым, для переводу; да в прошлом, г-рь, во 123 году посылан был Розрядного Приказу [2]) с подъячим с Иваном Грязевым; да в прошлом, г-рь, во 125 году посылан был отец мой на вашу государеву службу, в Аглинскую землю, с послами, с Степаном Волынским да с дьяком с Марком Поздеевым для переводу; да в прошлом, г-рь, во 141 году посылан отец мой на вашу государеву службу, в Свейскую землю и в город в Ригу, а с ним было послано вашей государевы казны, соболей и горносталей и белок, болши десяти тысяч рублев, жил он в Риге полтора года и вашей государеве казне учинил прибыль болшую; да в прошлом, г-рь, во 158 году, как пришел к Москве Аглинской посол и подал тебе, в. г-рю, грамоту и ту грамоту и иныя писма отец мой не по одно время, в Посолском Приказе, с переводчичиком с Иваном Фоминым переводил; а за те службы отцу моему вашего государя денежного жалованья и корму ничего не дано. Да в прошлом, г-рь, во 155 году по твоему, в. г-ря, указу посылан был боярин Илья Данилович Милославской в послах, в Галанскую землю, и втепоры я, холоп твой, посылан к нему

1) Д. к А. И., т. VI, № 53. Ходатайство Кельдермана было удовлетворено.

2) Разрядный приказ ведал военное дело, вообще службу и служилых людей.

в Галанскую землю с листом, а на подъем мне, холопу твоему, твоего государева жалованья денежного ничего не дано и ездил на своих харчах; а которые моя братья посыланы были для таких же твоих государевых дел, и им твое государево жалованье давано рублев по двести и по триста. А ныне я, холоп твой, служа тебе, в. г-рю, в Приказе Болшие Казны, у досмотру шолку сырцу и у Архангелского города с гостьми, у покупки твоих государевых узорочных товаров и питей и пряных зелей, помочь и радение чиню. Да я ж, холоп твой, в прошлом во 173 году, по твоему в. г-ря указу, писал за море в твою в. г-ря Оптекарскую Палату о всяких оптекарских лекарственных запасех: и по моему, холопа твоего, писму те оптекарские лекарственные запасы из-за моря к Арханґелскому городу присланы и те запасы я, холоп твой, от Архангелского города привез к Москве с великим бережением. Да в прошлом же, г-рь, во 176 году по твоему, в. г-ря, указу посылан я, холоп твой, с твоими государевыми грамотами к цысарю християнскому, и к Виницейскому князю и к Статом. Да в прошлом, г-рь, во 178 году, по твоему же в. г-ря указу, посылан я, холоп твой, из твоей, в. г-ря, Болшия Казны, за море, в Голанскую землю и к Статом, для пополнения серебра, и что было приказано продавать твой, в. г-ря, поташ и иные товары и те товары все проданы на ефимки Любские, и те, г-рь, ефимки привезены к Москве. Милосердый г-рь ц. и в. к. Алексей Михайловичь, в. В. и М. и Б. Р. самодержец! Пожалуй меня, холопа своего, за многие службы отца моего и за мои, холопа твоего, к тебе, в. г-рю, многие службы, своим в. г-ря жалованьем, чем тебе, в. г-рю, обо мне Бог известит. Царь государь, смилуйся!

II. ...И выписано ему, Томасу, за его службы, на пример:

В прошлом во 137 году пожалован гостиным имянем, за прибыль хлебные покупки, Галанец торговой иноземец Андрей Денисов сын Виниюс.

В прошлом во 163 году пожалован гостиным имянем [1] города Любка житель Яган фон-Горн за то, что он Новгородцу Петру Микляеву в поимке вора Тимошки Анкудинова [2]) вспоможенье чинил.

Во 168 году пожалованы гостиным же имянем Галанцы, торговые иноземцы, Петр фан-Людцын, Данило да Иван Бернарцы за то, что они царского величества комиссару Ивану Гебдону во всяких государьских делех вспоможенье чинили и в займы ефимки давали.

Рейтенфельс о московском рынке.

Перед царским дворцом и на соседних площадях постоянно производится торговля съестными припасами и иными предметами, необходимыми в жизненном обиходе, при густейшем стечении народа. К этому рынку примыкает другой, полукругом расположенный, тянущийся почти на полмиллиария, где лавки для разного товара устроены так, что каждый отдельный, какой угодно, товар выставлен для продажи только в назначенном для него месте; так, напр., в одном месте видишь шолковые ткани, в другом шерсть, в третьем полотно; в одном золотые и серебряные вещи драгоценные камни, в другом благовония, в третьем иностранные вина, причем до 200 погребов

---

[1]) И, кроме того, получил право беспошлинной ежегодной торговли на 10.000 руб. в течение 8 лет.

[2]) Мелкий подъячий Анкудинов выдавал себя за внука царя Шуйского, испытал много приключений заграницей и был, наконец, выдан России герцогом Голштинским. В 1634 г. Голштинский посол заключил с Москвой договор о беспошлинной торговле шелком через Россию с Персией, за что Голштиния обязывалась платить ежегодно 300.000 руб. Договор оказался настолько невыгодным, что герцог казнил заключившего его посла и тщетно просил Москву о расторжении этого договора. В 1640 г. Москва выразила свое согласие, но лишь на условии уплаты ей обусловленной в договоре суммы. В 1653 г., в обмен за Анкудинова, Голштинии удалось, наконец, добиться согласия Москвы на отмену договора без всяких условий и вознаграждений.

расположено в ряд под землею; в четвертом разные иного рода напитки, приготовленные из меда, вишен и др. ягод. Одним взором можно увидеть здесь в одном месте дорогие меха разного рода, в другом колокола, топоры, подсвечники и иные металлические изделия, в третьем кожи, рукавицы, чулки, ковры, завесы и разные ткани. Особый ряд занимают масло, сало и ветчина, особый свечи и воск, особый, наконец, разные изделия из дерева. В кожаном ряду лежат кожаные изделия, возжи и прочая конская сбруя, в меховом, — шубы и шапки. В одном месте выставлены лечебные разные зелья и травы, в другом запоры, ключи, гвозди, далее, — шелк нитками, канитель, женские украшения, браслеты, — все в особом месте. Также продаются каждое в своем особом месте рынка и обувь, и поножи, и хмель, и ячная крупа, и рыба соленая, и сено, и овес. Не говоря уже о многом другом еще, — и муке, и зерновому хлебу и иным всякого рода вещам и починщикам обуви и низеньким лавочкам цирюльников, — всему точно определен свой ряд и все они прекрасно и удобно расположены так, что покупателю дается полная возможность выбрать наилучшее из всех собранных в одном месте тех или других товаров [1].

---

[1]) Рейтенфельс „Сказания светлейшему герцогу Козьме III Тосканскому о Московии" (Падуя 1680 г.). Москва, 1905 и в „Чтениях" 1905, III и 1906, III. Рейтенфельс, племянник царского врача, жил в Москве с 1670 по 1672 г. Он перечисляет далеко не все ряды, которых в XVII в. было более 80. По Петрею (1608 г.) в Китай — городе был „главный рынок московитян и гостиный двор, выстроенный из кирпичей в виде четвероугольника, на каждой стороне которого 20 улиц (рядов), где купцы имеют свои лавки, погребки и лавочки". В 1641 г. были выстроены „таможня и гостиный двор каменный, в нем палаты двухкровные и трикровные", а в 1664 г. рядом с этим старым еще более обширный Новый двор. По Рейтенфельсу, кроме этих двух гостиных дворов (в Новом „хранятся главным образом товары немецкие"), были еще греческий и персидский, где „армяне, персы и татары содержат около 200 лавок", а по словам Невилля (1689 г.) к Рождественской ярмарке „в декабре месяце возводились на площади

Кильбургер
о гостях или „царских коммерц-советниках".

Гости, — царские коммерц-советники и факторы и неограниченно управляют торговлей во всем государстве. Это есть корыстолюбивая и вредная коллегия, довольно многочисленная, имеет начальника или старшину и все они — купцы; они также имеют среди себя несколько немцев, именно: Клинк Бернгарндт и Фогелер в Амстердаме и Томас Кельдерман в Москве. Они проживают в разных местах по всему государству и имеют под видом своего звания право повсеместной первой покупки, хотя это не всегда бывает к выгоде царя, а так как однако они не в состоянии одни одолеть так далеко рассеянной торговли, то назначают во всех больших городах одного, двух или трех из живущих там знатнейших купцов, которых под видом царских факторов заставляют пользоваться хотя не именем, но привилегиями гостей и препятствуют по большей части ради своей частной выгоды торговле во всех концах. Но это замечает и хорошо знает простой

2000 деревянных домов для восточных и европейских купцов". По данным переписи еще 1626 г. в Китай—городе т.-е. главном средоточии московской торговли, было 657 лавок, $46^1/_2$ незанятых лавочных мест и 208 саж. таких же незастроенных. Но из общего количества 1368 торговых мест 541 принадлежало мелочным торговцам (267 скамей, 47 шалашей, 62 бочечных и 32 кувшинных места и т. д.). Кильбургер пишет в 1674 г. о Москве: „она имеет ту большую выгоду, что только ее жители от самого знатного и до самого простого любят купечество. что и есть причиной того, что в г. Москве попадается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы в целом ином княжестве. Но здесь не отрицается что эти лавки маленькие и иногда плохой важности. но хочется только доказать, что русские любят торговлю; сравнивать же совсем нельзя; потому что иначе надо согласиться, что может быть из одной амстердамской лавки можно сделать десять и более московских" (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера; стр. 88) и „большая часть из них так малы и узки, что купец часто едва может надлежащим образом повернуться между своими товарами". Он отмечает, что и за пределами Китай — города „встречается в разных местах почти бессчисленное множество мелочных и др. простых лавок" (стр. 174).

купец, потому и говорит плохо о гостях и можно опасаться, что если когда-нибудь произойдет бунт, то шеи всех гостей будут свернуты чернью. Они оценивают товары в Москве в царской казне, также распоряжаются в Сибири соболиной ловлей и соболиной десятиной, как и Архангельским рейсом и дают совет царю и проекты к учреждению царских монополий. Они беспрестанно думают о том чтобы совсем и совершенно притеснить торговлю на Восточном [1]) море и нигде не позволить никакой свободной торговли, чтобы только они могли тем лучше разыгрывать хозяина и набивать свои собственные карманы.

Кильбургер о вывозе хлеба.

Хлеб прежде был собственностью царской торговли и в Архангельск шло почти ежегодно около 10.000 лас-

---

[1]) т.-е. Балтийском. Б. Г. Курц. „Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. „Киев, 1915 г. В составе свиты шведского посольства, Кильбургер в 1674 г. около 6 месяцев пробыл в Москве и основательно ознакомился с нею Его сочинение было написано не с оффициально служебной целью, а для ознакомления шведских читателей с русской торговлей. Позже Кильбургер служил секретарем торговой коллегии в Риге и нотариусом в Стокгольме. Хотя сочинения Родеса и Кильбургера были напечатаны лишь в XVIII, а Котошихина в XIX в., но в рукописных списках они были известны читателям и в XVII веке. Наряду с донесениями Родеса записка Кильбургера является важнейщим источником по истории русской торговли. (В переводе Курца записка снабжена обширными комментариями и фактическими данными о торговле XVII в.). По мнению Кильбургера, Россия обладает исключительными удобствами и выгодами для торговли, но „нельзя, однако, сказать... что русские еще теперь получают десятую часть пользы, которую они могли бы, по мнению здравого смысла, извлечь из торговли... Торговлю можно сравнить с маленькой птицей в руке человека: если ее сжимают слишком крепко, она должна умереть, но, если предоставить ее слишком много своей воле, она улетает и хозяин опять имеет убыток. В этом последнем русские еще никогда не погрешали, но в том первом случае слишком погрешают. Они притесняют и препятствуют торговле различным образом, потому что они учредили много царских монополий и доверяют плохо поставленной и вредной интересам государства коммерц-коллегии, а именно, тем корыстолюбивым гостям“ (стр. 89).

тов ржи, пшеницы и ячменя, которые должны были там долго лежать, пока хлеб не достигал высокой цены, и потом обыкновенно продавался ласт за 25 рублей, но теперь такая торговля прекратилась и весь хлеб потребляется в стране и много винокуренными; немного привозится также из Сомерской области в Нарву [1]).

Жалованная грамота гостю Никифору Веневитову 1679 г. [2]).

Божиею милостью мы, великий государь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великие и Малые и Белые России самодержец, по своему государьскому милосердому смотрению, пожаловали гостя нашего Никифора Федорова сына Веневитова, велели дать сю нашу в. г-ря жалованную грамоту, против его братьи гостей, для того: в нынешнем во 187 году февраля в ... день, бил челом нам в. г-рю он, Никифор: в прошлом во 154 году отца нашего государева, блаженные памяти Алексея Михайловича, в. г-ря ц. и в. к., вс. В. и М. и Б. Р. с-ца, дана жалованная грамота, за красною вислою печатью, отцу его гостю Федору Лукъянову сыну Веневитову, за многие службы, что служил он Федор блаж. пам. деду нашему государеву, в. г. и в. к. Михайлу Федоровичу вс. Р., и отцу нашему государеву, бл. пам. в. г-рю, в прошлых годех, Архангельского города у карабелной пристани и в Казани у таможенного и кабацкого сборов, а после де кабацкие службы у нашего, в. г-ря, икреного промыслу был три годы, да он же провадил наши государские пособные запасы с трех городов, с Темникова, с Алатыря и с Кадома, седмь лет, беспровозно, и учинил нам, в-м г-м, прибыли многие; да отец же его Федор бил челом отцу нашему государеву, бл. пам. в. г-рю, чтоб

[1]) Курц, „Сочинение Кильбургера“, стр. 111.
[2]) А. И., V, № 43.

те запасы с тех городов провадить в Астрахань и впредь, по его записям, беспровозно ж и по указу отца нашего государева бл. пам. в. г-ря, велено имать на Мордве, против отца его записей, в нашу, в. г-ря, казну денгами; да он же бил челом отцу нашему государеву, бл. пам. в. г-рю, на пустое разореное место завести в Старой Русе варницы, и варницы завел, и на его промысл смотря в Старой Русе завели варницы многие торговые люди, и нам, в. г-м, та прибыль учинилась отцом его Федором многая, и за ту службу деда нашего г-ва, в. г-ря, жалованье в жалованной грамоте все написано имянно; а после де тех служб отца его служил он, Никифор, отцу нашему г-ву, бл. пам. в. г-рю, в Перми, в зырянских усольях, со 170 году по 181 год, поочередно, две службы, и в тех службах в соляной выварке учинил нам, в. г-рю, прибыль болшую, и в тех Зырянских усольях, в Кривце и на усть Явы реки вновь нашим государским счастьем построил росолные трубы и ныне де тот промысл пополнился им, Микифором, а в нынешнем де во 187 году по нашему, в. г-ря, указу послан он Никифор в туж третью службу в Зырянские усолья; и нам, в. г-рю, пожаловати б его, велеть за прежние службы отца его и за его службы, дать вновь нашу в. г-ря жалованную грамоту. А в жалованной грамоте отца нашего г-ва бл. пам. в. г-ря, какова дана гостем и гостиной сотни торговым людем в прошлом во 151 году, за нашею государьскою вислою красною печатью, написано: отец наш г-в, бл. пам. в. г. ц. и в. к. Алексей Михайлович, вс. В. и М. и Б. Р. с-ц, гостей и гостиные сотни и торговых людей пожаловал за их терпение и за Московское осадное сиденье, что они в междоусобную брань от Московского Государства не отлучалися, и к Полским и Литовским людем и к русским ворам не приставали и в осаде на Москве не сидели, и нужы и тесноты и всякий голод терпели, и против Поляков и Литовских людей и Русских воров стояли неподвижно, безо всякого сумнения, с их

со всех дворов тягла и на Земской двор, на наем ярыгам денег, никаких податей имати не велел, и в Болшом Городе, от Троецкого мосту к Николаевским воротам, и в Китае городе с Ильинского кресца к Богоявленскому монастырю мостов, и у Живого мосту взмостов мостить, и на Земском дворе избы ставить не велел же, а велел им жити во своем царьском жалованье, на льготе; а где им лучится в отъездех быть самим или их детем, и племянником, и людем их, и бояром нашим и воеводам и всяким приказным людем ни в чем их не судить, а кому будет в чем до них дело, и их судить на Москве, в Приказе Болшие Казны; а где они станут на ком искать, или кому отвечать, в котором Приказе на суде, а по суду дойдет до крестного целованья, и им самим и их братье и детем креста не целовати, а целовать крест людем их; и с черными сотнями никаких им дел не делати и не тянути ни в чем; и питье им про себя держать безъявочно и безвымянно; и стоянцев у них во дворех и всяких иноземцев не ставить; и во дворех у них избы и мылни топити волно беспенно, и печатати у них не велено, и огню у них не вынимати; и подвод у них, во всех городех нашего Государьства по ямом и по дороге, не имати; и в дороге им лучится ехати, для своего промыслу, на реках перевозов и на мостах мостовщины, и проезжаго мыта на них не имати, а перевозити их и пропущати на мостех безденежно, чтоб им в том мотчания не было; а кто их чем обесчестит, а по суду доищется, и им гостям указано бесчестья, по прежнему указу отца нашего г-ва, бл. пам. в. г-ря, по пятидесяти рублев человеку. — И мы, в. г. ц. и в. к. Федор Алексеевич, вс. В. и М. и Б. Р. с-ц, гостя нашего Никифора Веневитова пожаловали: ему со всякими товары, с повеления нашего царьского величества, и сказав о том боярам нашим и приказным людем, ездити со всякими товары с весчими и невесчими в пограничные государьства, которые с нами, в. г-м, и с нашими великими государьствы

в мирном поставлении и дружбе и в любви, из которых государьств иноземцы, гости и торговые люди, со всякими товары в наши великие государства приезжают, а заповедных товаров ему, гостю Никифору Веневитову, из наших государьств, где ему лучится ехати, не провозити никоторыми делы; а где ему лучится в отъезде быти самому, или его детем, и племянником, которые с ним живут не в разделе, или приказщиком и людем его, и нашего государьства по всем городам наши бояре и околничие и воеводы, и дьяки, и всякие наши приказные люди нигде ни в чем их не судят, а кому будет до них дело, и мы, в. г. ц. и в. к. Феодор Алексеевич, вс. В. и М. и Б. Р. с-ц, судим их на Москве или кому мы, в-й г-рь, укажем; а где станут они на Москве, в котором Приказе нибуди, или в городех на ком искати или кому отвечати, а по суду дойдет до крестного целования и ему, Никифору, самому, и детем его, и племянникам креста не целовати, а целовати крест в их место людем им; и с черными сотнями никаких им дел не делати и податей и тягла на нем, Никифоре, и на детях, и на племянниках и на приказщиках и на людех его на Москве и в городех не имати, и в службы их не выбирати, потому что ему, гостю Никифору Веневитову, указали мы, в. г-рь, нашего в. г-ря службы служить и подати всякие и тягло платить на Москве, с его братьею с гостьми вряд; а на Москве и в городех с лавок его и с промыслов, в нашу, в. г-ря, казну, денежной оброк имать на нем, Никифоре, по прежнему: и во дворех у него, на Москве и по городом, стоялцов никаких русских, иноземцев и всяких чинов людей не ставити и тягла и никаких податей не имати; и летом у него во дворех, на Москве и в городех, избы и мылен не печатати и огня не вынимати; и питье им про себя, на Москве и в отъездах по городом, держати безъвыимочно; и подвод у него во всех городех и в дорогах нашего государьства и по ямом не имати, а куды ему, Никифору Веневи-

тову, или его детем, или племянником, которые с ним живут не в разделе, или его приказщиком и людем, лучится ехати с своими товары для своих промыслов и по городом в таможнях, и на реках перевозов, и на мостех мостовшины, и проезжего мыту и с судов и с саней и с телег, и с лошадей, головщины нигде не имати, а перевозити и пропущати их на реках и на мостех безденежно, чтоб им в том мотчания не было. А будет ему, Никифору, и детем, и племянником, и приказщиком и людем его, лучится ехати нашего Российского Государьства в Верховые и в Понизовые городы, в Казань и в Астрахань и в иные городы, и за море, с своими товары, и во всех городех его, Никифора, и детей, и племянников, и приказщиков и людей его пропущать везде, без задержания; а в службы их ни в какие во всех Верховых и в Понизовых, и в Сибирских и в иных городех нигде не выбирати, и зимним путем и летом никакого намету не наметывать, и подмоги с них ни в какие во всякие росходы и поделки, и подвод с них, во всех городех на ямех и на реках, не имати, и городовых дел никаких им не делати, и обид, и задержания и убытков никаких им не чинити, везде их пропущати безо всякого задержания. А кто его, гостя Никифора Веневитова, или его детей и племянников в чем изобидит или чем обесчестит, а по суду доищется, и мы, в. г. ц. и в. к. Феодор Алексеевич, вс. В. и М. Р. с-ц, указали ему бесчестье, против прежняго, пятдесят рублев, и жити ему Никифору в нашем царском жалованье на льготе и в покое; а кто, через сю нашу в. г-ря жалованную грамоту, их изобидит, и им быти от нас, в. г. ц. и в. к. Феодора Алексеевича, вс. В. и М. и Б. Р. с-ца, в опале. К сей нашей в. г-ря грамоте мы, в. г. ц. и в. к. Феодор Ал-ч, вс. В. и М. и Б. Р. с-ц, велели печать свою привесить. А сей список дан ему, гостю Никифору Веневитову, с нашей, в. г-ря, с подлинной жалованной грамоты, какова ему дана из Приказу нашие, в. г-ря, Болшие Казны, за

нашею, в. г-ря, красною вислою печатью, для проезду в городы, а сей список писан в нашем царьствующем граде Москве, лета 7187, Марта в ... день. — А у подлинной в. г-ря грамоты припись дьяка, Артемья Степанова; справа подъячего Семена Черново.

VI. Борьба туземного капитала с иностранным.

Челобитная 1627 г. Московских и всех городов торговых людей об изгнании иноземных купцов [1]).

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии бьют челом холопи ваши, гости и торговые люди москвичи и казанцы и ярославцы и нижегородцы и костромичи и вологжане и всех ваших государевых городов, на торговых немец, на галанцов и на амбурцов, на иноземцов, опричь аглинских гостей, и Кизильбашские и Бухарские земли на тезиков.

От Московского, государь, разоренья почали те торговые немцы ездить в вашей государеве отчине с ярмонки от города Архангильского по городом: на Колмогоры и до Устюга и до Вологды и до Ярославля и до Москвы. И поставили дворы свои по городом,

[1]) Из найденных до сих пор челобитных торгового класса московскому правительству самой ранней является эта челобитная, опубликованная Павлом Смирновым в статье „Новое челобитье московских торговых людей о высылке иноземцов 1627 г." (в „Чтениях о-ва Нестора летописца", 1912 г., кн. 23, вып. I и отдельно, Киев, 1912 г.). По мнению Смирнова челобитье это, подписанное 3 гостями, 6 чел. гостиной и суконной сотен и 22 торговыми людьми разных городов, является заявлением депутатов торгово-промышленной курии земского собора. Сравнение челобитных 1627 и 1646 гг. показывает, как развилось самосознание торгового класса той эпохи, а сопоставление их с новоторговым уставом 1667 г. (и с уставной грамотой 1654 г., напечатанной выше в извлечении) обнаруживает степень влияния этого класса на торговую политику правительства в XVII веке и на изменение этой политики в сторону ярко выраженного протекционизма.

покупая у посадцких людей тяглую землю. И привозят товары свои и ставят на своих дворех, а не на гостином дворе, а иных товаров и не дуявливают, и в том ваши государевы пошлины пропадают; и камни и отласы продают врознь, в портище и в аршин, и от того по городом чинятца в таможнех недоборы; а вещие товары продают врознь же, в полпуда и в гривенки, и у нас, государь, холопей и у сирот ваших, торги отняли, и стали мы бес промыслу, оскудели. И те заморские немцы у Архангильского города перекупают соль и возят до Вологды на своих дощениках, и тот промысл у нас, холопей и у сирот ваших, отнели ж. И приехав к Архангельскому городу с рускими товары, и теми товары торгуют меж себя у города, а в таможне записывают те товары в проезд, и в том твоя государева пошлина пропадает. А ныне те немцы на Вологде и в Ярославле и на Москве сидят по анбаром и по лавкам и продают всякие товары врознь. А при прежних государех, блаженные памяти, при г. ц. и в. к. Иване Васильевиче всеа Русии, прихаживали в Ругодив заморские торговые многие немцы, на лето по сту и по двести кораблей, а на Руси с товары дале Ругодива не пущивали. И в то время ваши государвы пошлины збирали, а нам, холопем и сиротам вашим, были торги пространные. И в те лета нам, холопем и сиротам вашим, ваши государские службы служить было радеючи, а не плачючи, а вашим было государевым товаром, шолку, икре и соболям и всякому товару, цена была дороже, потому: только бы тех немец на Русь дале Колмогор не пущали, а нам бы, холопем и сиротам вашим, был торг и промысл, а руским бы товаром цены оне не ведали, и ваша б государьская пошлина збиралась многая. И тех немец на Руси умножилось, а нам, холопем и сиротам вашим, от них стала скудость великая, что торги у нас всякие отняли. А ныне, государи, по вашему указу, кои торговые немцы приезжают во Псков, и те немцы торгуют во Пскове, а изо Пскова ни в которые в ваши госуда-

ревы городы дале Пскова не пущают. А Кизыльбашские и Бухарские земли тезики из Астарахани и ис Казани ездят по всеи вашей государевой вотчине; и оне свои товары також продают врозь, большою ценою, а не свалом,—и у нас, холопей ваших, оне и последние промыслы отняли.

И в вашей государеве вотчине, у Студеного моря, за немцами рыбные ловли; и на море на промысл, на утбу и на сальную добычю, в поморские реки приходят карабли и хлеб всякой, рожь и конопли и горох, в карабли насыпают, — и от тои, государи, хлебной дорогови на Колмогорах и у города и в Усть Коле и всее поморские места помирают голодом, и последние людишка оскудели и обдолжали великими долги. И в Сибирь галанские немцы торговые и тезики своих промышлеников посылают.

И вашим государевым товаром, шолку, икре и соболям, и сукнам и всяким руским товаром те немцы, на Руси вызнав цену, и проезжают горами и зимою посылают в свою неметцкую землю подвожды, и про руские товары у них ставитца ведомо, почему какой товар на Руси купят. И приехав те торговые немцы на Русь, меж себя заговором свои немецкие товары продают не торопясь большою ценою, и по всем городом в вашей государеве вотчине сидят по анбаром и по лавкам и продают товары врознь, а у нас, холопей и сирот ваших, руские товары покупают також заговором меньшою ценою. А кои у них товары вскоре не продадутца, и за теми товары оставливают товарыщев своих, и живут в вашей государеве отчине лет по пяти и больши, а в те поры к ним из заморья, горами, подвозят грамотки, и по грамоткам у нас закупают заговором руские товары. И вашим государевым всяким промыслом чинятца от того порухи великие, а мы, холопи и сироты ваши, от тех иноземцов стали без промыслу, и многие торговые люди от своих промыслов отбыли и оттово оскудели и одолжали великими долги.

А блаженые памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии и при г. ц. и в. к. Өедоре Ивановиче в. Р. борабонские и галанские и амборские торговые немцы, оприч аглинских гостей, дале Архангельсково города и Колмогор не езживали и на промысл морской и на рыбные удбы не отпускивали. А ныне, государи, Голанские земли немчина у Карпа Демулина в реку унбу карабли ходят, будто на удбу, и хлеб посылает на ладьях будто на унбу, а сыплет тот хлеб в те корабли, кое будто на удбу корабли ходят, и тот хлеб отпускает в кораблях за море. Да у нево ж, государи, в Поморье покуплены деревни тяглые, одной помним имя деревни,—Загорки, а на Колмогорах покуплены дворы тяглые ж. И как ваш государев боярин, князь Ондрей Васильивич Хилков, был у Архангельсково города и на Колмогорах воеводою, и при нем немцы вверх дале Колмогор не ездили, и вашею государевою вотчиною, горою, не езживали ж, и дворов своих по городом не ставливали, и в лавках и в анбарех не сиживали, и промыслов на море и в Сибирь не бывало ж, кроме аглинских гостей. А кизыльбашские и бухарские тезики дале Астарахани и Казани не езживали ж, окроме к Москве посольских людей. А ныне, государи, по всей вашей государеве вотчине и в Сибирь тезики сами ездят и отпущают приказщиков своих, а у нас, государи, отнели везде промысл, и вашему государеву товару от их разных промыслов стала поруха великая: расходу не стало вашим государевым всяким товаром.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Өедорович всеа Русии и великий государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии! пожалуйте нас, холопей и сирот своих, возрите, государи, в свою государеву вотчину и в нас, холопей и сирот своих, чтобы, государи, те барабанские и галанские и амбарские немцы, кроме аглинских гостей, попрежнему дале Архангельсково города и Колмогор в вашу государеву вотчину не

ездили, [1]) и дворов бы своих на Руси не ставили, и на руском берегу у Стюденого моря и в Сибирь промыслов своих попрежнему не отпущали; а кизыльбаские и бухаръские тезики дале Астрахани и Казани вверх вашу государеву вотчину токо же б не ездили, чтоб впредь вашим государьским промыслом порухи не было, а мы, холопи и сироты ваши, бес промыслов не были. Государи, смилуйтесь пожалуйте!

[Далее следует подклеенная к челобитной роспись:] Голанские торговые люди: Петр Петров, Тимоѳий Брун, Павел Кашпиров, Аврам Фамбек, Иван Корнильев, Давид Миколаев, Яков Деватер, Иван Клерк, Фрянъчик Мерима, Инъдрик Гакс, Юстр Балбитан, Аврам Горькой, Онъдрий Стефанов, Федор Сталь з братом, Елисей Ульянов Нос, Онъдрей Смоленая шия, Юрьи Крефт, Исак Деватер, Яков Кузарт, Иван Онъдриев, Фавкен Бурх, Мануйла Спранъчеров. А инех имян не знаем, кое на Вологде и в Ерославле.

[На обороте челобитной, разными почерками и чернилами, следуют подписи челобитчиков; мы выпускаем повторяющиеся в связи с каждой подписью слова: „к сей челобитной" такой-то „руку приложил"]. К сей челобитной... [подпись и слова „руку приложил" выцвели]; Надейка Светешников; Гриша Твердиков; Максим Твердиков; Судовщиков; москвитин Андрошка Спиридонов; в место отца своего Грязново Селиваново сын ево Мишка; Бориско Невзоров; Рудельфик Булгаков; москвитин Алеша Левашов; соцкой Ярославской, Никитка Кирьянов, вместо Ярославцов торговых людей руку приложил; Алешка Епифанов; Оверкейко Безсонов; Иванка Микляев; ярославец Тимоха Ступин; Петр Федоров; Гурка Нозерьев; Осипко Облезов в отца своего место Семена; Ивашко Ипатьев; володимерец

---

[1]) По сделанному Флетчером (посетившим Москву в качестве английского посла. в 1588—89 г.г.) беглому замечанию, русские уже в 1589 г. „рассуждали между собою о переводе всех иностранных купцов на постоянное жительство в пограничные города" („О государстве русском", изд. Суворина, стр. 56).

Иващко Денисов; Митька Гладкой; Гурко Туренин; Федорко Меженинов; Левка Подошевников; Елизар Щолкунов; Панкрат Шубин; Семейко (?) Парфеньев; Ивашко Афонасьев; ярославец Васка Попов; Ивашко (?) Артамонов... ван...;

[Резолюция на челобитной:] Государь и великий государь святейший патриарх пожаловали указали быти по прежнему: которым иноземцам велено торговать на Москве,—тех и пропущати; а которым велено торговати у города [1]) и тех к Москве не пущати. Также и тезиком торговати в Казани, а к Москве и по городом не пущати, опроч Кизыльбашских купчин по шаховым грамотам. А немцом, которым не велено торговати на Москве, принести имяна, хто таких немец, опроч аглинских и опроч тех, которые на государеве имяни и опрочь тех, которым подаваны государевы жаловальные грамоты [2]).

---

[1]) т.-е. „Архангельский город",—Архангельск.

[2]) В годы Смутного времени английская компания успела было добиться у Димитрия I разрешения ездить в Персию, но уже Василий Шуйский отказал им в этом. Нужда в деньгах при Михаиле побудила просить о займе Голландию, Данию, Францию и Англию. Поэтому компания получила жалованную грамоту 1617 г., бывшую повторением грамот Федора и Годунова и дававшую право: свободно и безпошлинно торговать внутри государства, держать свои дворы в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах, Архангельске, судиться лишь в Посольском Приказе в Москве и т. д. Переписанная несколько раз, она в 1628 г. была возобновлена в последний раз на имя Джона Мерика и 22 др. членов компании. В ней попрежнему отсутствует разрешение ездить в Персию и запрещается торговать розничной и мелочной торговлей где бы то ни было в России, но кроме того англичанам предписывается на своих дворах „руских людей на Москве у себя и по городом в службе и в дворникех не держати". В ней прямо говориться и о праве др. англичан приезжать в Россию, но с уплатой пошлин: „а которые агличане торговые люди учнут приезжать в Московское государство сверх сее нашие жалованные грамоты... и пошлины с тех их товаров имати потому ж, как и на иных иноземцах".

Хотя Ост-Индская и Московская компании собрали до 100.000 р., но царь получил лишь 20.000 р., к великой радости голландцев, боявшихся усиления англичан. Тем не менее, грамоты 1617—1628 г.г. определяли положение англичан в России вплоть до 1649 г.

Из царской грамоты 1643 г. Астраханским воеводам.

Бьют нам челом Юргенского царя послы Эмин Багатырь, а сказал: ездят де из Астарахани наши Руские люди сквозь Юргенское государство торговать, а Юргенской царь в том им за.... чинить не велит и как они исторговав поедут в Астарахань и он их и провожати велит; а как де их юргенские торговые люди в Астрахань поедут и им в далном проезде до морской пристани ставятся многие убытки; а как приедут к морю и у моря де наши торговые люди, которые приходят на судах торговать, бьют челом приказным своим людем, чтобы они их, Юргенских торговых людей, на суды не сажали для того, чтоб они товары свои продавали в неволю, дешевою ценою, и приказные де люди их, Юргенских торговых людей, на суды не сажают, а говорят, чтоб они торговали туто, а толко торговать не похотят и они б товары свои повезли назад; и чтоб нам пожаловати, велеть послать наше повеленье в Астарахань, чтоб Юргенских торговых людей, которые похотят ехать в Астарахань с товары, на суды сажали и судовой бы наем с них и с товаров в Астарахани пошлину имали и назад их отпущали, как им, Юргенским торговым людем, от государя их наказано будет [1]).

Челобитная 1646 г. торговых людей разных городов о притеснениях их иноземцами, живущими в русских городах по торговым делам [2]).

Царю государю, великому князю Алексею Михайловичу всеа Росии бьют челом холопи и сироты твои государевы, гостишка и гостиныя и суконныя сотни и черных сотен торговые людишка, и многих твоих

---

[1]) А. И., III, № 295. Ходатайство хивинского посла приказано было удовлетворить и впредь не чинить препятствий поездкам хивинских купцов в Астрахань.

[2]) А. А. Э. т. IV, № 13. Челобитная 1649 г., сходная с этой по содержанию, напечатана в „Сборнике Хилкова", СПБ. 1879, стр. 238.

г-вых розных городов, Казанцы, Нижегородцы,Ярославцы, Костромичи, Суздальцы, Муромцы, Вологженя, Псковичи, Устюжане, Романовцы, Галичаня, Угличаня, Белозерцы, Каргополцы, Колмогорцы, и иных многих твоих г-вых городов торговые людишка. Жалоба нам, г-рь, на иноземцев, на Англичан и на Голанцов торговых людей и на Бараборцов и на Анбурцов, которые ездят торговать к Москве. Преже, г-рь, сего, при прародителех твоих г-вых, блаженные памяти при г-рех ц. и в. к. Росийских, прадеды и отцы наши торговали изстари с иноземцы, розных окрестных государств с Немцы, у корабельной пристани в Иванегороде, всякие руские товары на заморские товары меняли: и в то, г-рь, время были всякие заморские товары в Московском государьстве дешевле нынешняго вполы, а товары, г-рь, вывозили нынешняго лутче вдвое; а как господь бог поручил Иваньгород прадеду твоему г-ву, блаж. памяти г-рю ц. и в. к. Ивану Васильевичу всеа Росии, и с тех наших торговых промыслов в Иванегороде на ярмонках сбиралось в вашу г-ву казну пошлин перед нынешним, как ныне сбирается у Архангелского города, вдвое, по пятидесят тысяч и болше на год; а пошлины, г-рь, иманы нынешняго менши, всего по три денги с рубля против торговой записки; а в таможнях, г-рь, головы лишнего не накладывали; а Аглинские и иных земель иноземцы из Иванегорода Московского государьства ни в которые городы с торговыми промыслы не отъезжали и от тех торговых промыслов прадеды и деды и отцы нащи полнились и богателися, и ваше государьское государьство множилось и богатело, и всякие люди полнилися. А при деде твоем г-ве, блаж. пам. при г-ре ц. и в. к. Феодоре Ивановиче в. Р., Аглинские Немцы поехали было торговать на ярмонку к Иванюгороду и тех Аглинских Немец в кораблех с товары погодою занесло к Двинскому устью, и с Коломогор торговые люди с Аглинскими Немцы товары всякими торговали и меняли, и исторговався Аглинские Немцы поехали назад

в свою землю, и видя они то, что им от Двинского устья в свою землю ездить стало ближе, и с тех мест почали приезжать на кораблех к Двинскому устью и с Колмогорцы учали торговать у Архангелского города; а с Москвы, г-рь, торговые люди с тех мест почали приезжать со всякими меновными товары к Двинскому устью, к Архангельскому городу, и почала быть ярмонка у Архангелского города, и Немцы и всего Московского государьства торговые люди торговати стали, приезжая по вся годы на ярмонку к Архангелскому городу; и Англинские немцы, вымысля чем бы себе болшую корысть получить, били челом блаж. пам. г-рю ц. и в. к. Федору Ивановичу в. Р. ложно, будто они компанеею своею сыскали то Двинское устье, где приставать кораблями в Московском государстве, и почали будто приставать к Двинскому устью собою; и чтоб г-рь их пожаловал, велел им в Московском государстве за то торговать беспошлинно. И блаж., г-рь, пам. г-рь ц. и в. к. Феодор Иванович в. Р. Аглинской компанеи гостей дву человек да одного человека писаря пожаловал, поволил им в Московское государьство ездить с товары своими, которые ведутся в их государьстве, тыми товары торговать беспошлинно. И с тех, г-рь, мест и по Московское разоренье [1]) торговали тое компанеи Немцы в Московском государьстве толко гостей два человека да с ними третей человек писарь; а торговали, г-рь, они на одном дворе, что у Максима Исповедника на Варварском крестце; а иных окрестных государьств Немец дале Архангелского города ни с какими товары не пропускали, а торговали с теми иноземцы Московского государьства торговые люди у Архангелского города. А как, г-рь, Московское государьство Полские и Литовские люди и Черкасы и Руские воры разорили: и нас, холопей твоих, в полон и в расхищение поймали, а иные и по розным городом от скудости розбрелись и всяких торгов своих отбыли.

---

[1]) Т. е. до Смутного времени.

И после, г-рь, Московского разоренья, как воцарился отец твой г-рев, блаж. пам. г-рь ц. и в. к. Михайло Федорович в. Р., и Аглинские Немцы зная то, что им в торгех от Московского государьства прибыль многая, и хотя всяким торгом завладеть, подкупя думного дьяка Петра Третьякова многими посулы, и взяли из Посолского Приказу грамоту, что торговать Аглинским гостем у Архангелского города и Московского государьства в городех двадцати трем человеком, а нам было, холопем и сиротам твоим, в то время челобитья их встретить и грамоту остановить [1]) некому, потому что все были разорены до конца и, от разоренья бродя, скитались по иным городом. А как взяли они, Немцы, грамоту из Посолского Приказу, и с тех мест почали приезжать в Московское государьство Агличан торговых людей человек по штидесять, и по семидесять, и болши, и построили и покупили себе у Архангелского города, и на Колмогорах, и на Вологде, и в Ярославле, и на Москве и в иных городех дворы многие и анбары, и построили полаты и погребы каменные, и почали жить в Московском государьстве без съезду, так-же как и в своей земле, и у Архангелского города Руским людем товаров не учали продавать и на Руские товары менять, а учали свои всякие товары к Москве и в иные городы привозить; и как который товар будет подороже и они тот товар учнут продавать, а которой товар подешевле и на которой товар походу нет, и они тот товар держат у себя в домех года по два и по три, да как тот товар подымется ценою, так и продавать учнут. А Руские товары в Московском государьстве, которыми мы, холопи и сироты твои, меняли на их товары, они покупают ныне сами, своим заговором, и россылают покупать по городом и в уезды, закабаля и задолжа многих бедных и должных Руских людей, и те товары покупя, Руские люди привозят

---

[1]) Т.-е. подать встречную челобитную и помешать выдаче грамоты.

к ним, а они привозят в свою землю беспошлинно; а иные Руские товары они, Аглинские Немцы, у города продают на денги Галанским и Бараборским и Анбурским Немцом, а весят у себя на дворе в свои телези, и возят на Галанские и на Бараборские и на Анбурские корабли тайно; и твою г-ву пошлину крадут, и всеми торгами, которыми искони вечными мы, холопи и сироты твои, торговали, завладели Аглинские Немцы и от того мы, холоп и и сироты твои, своих искони вечных старых торговых промыслов отстали и к Архангелскому городу ездить перестали. Да не токмо, г-рь, те Немцы, что нас, холопей и сирот твоих, без промыслов учинили, ино, г-рь, и все Московское государство оголодили: покупая, г-рь, на Москве и в городех мяса и всякой харч и хлеб вывозят из Московского государьства в свою землю. А как придут корабли к городу и они, Немцы, товаров своих на кораблях досматривать не дадут и, не сказав о том головам и не явя из-за моря, на дощеники товары кладут без целовальников, сами, и в таможнях емлют выписи, а в выписях товаров своих не пишут и десятой доли; а как у них те товары придут к Москве и в иные городы, и они тож товары свои записывают по тому же десятую долю или менши; а те все свои товары на дворы свои провозят тайно и твою г-ву пошлину многую крадут. А только б, г—рь, их товары таможенные головы и целовальники досматривали во всех городех так же, как и у нас, холопей твоих, и пошлины с них имать: и с них бы, г-рь, сходило пошлин во всех городех на год тысяч по тридцати рублев и болши. А в жаловалной, г-рь, грамоте написано, что та грамота дана им для прошения Аглинского их Карлуса короля; а они, г-рь, Агличане торговые люди все Карлусу королю не подручны, и от него отложились, и бьются с ним четвертой год [1]). А в жалованной, г-рь,

[1]) Челобитчики подразумевают английскую революцию. Открытая вооруженная борьба между королевскими войсками и сторонниками парламента началась в 1642 г.

грамоте написано, повелено им торговать в Московском государстве беспошлинно, Аглинским гостем Серждану Мерику Книхту[1]) с товарыщи, дватцати трем человеком, имянно, которые в жаловалной грамоте имяны написаны, тем и велено ездить к Москве; а опроче, г рь, того иным Англичаном в Московском гоеударьстве беспошлинно торговать не велено. И те, г-рь, Немцы, которым та жаловалная грамота дана, извелися мало не все; а которые в том числе не многие, человека три или четыре, и живы, и те в Московское государьство с товары не ездят. А которые, г-рь, Немцы ездят к Москве, и те немцы тое жаловалную грамоту, которая дана Серждану Мерику Книхту с товарыщи, у тех Немец, которые из того числа и не живы, и у жен их и у детей их, на всякой год покупают; а здеся, г-рь, называются мертвых Немец братьями, и племянниками, и приказщиками. И того, г-рь, в жаловалной грамоте не написано, что приезжати в Московское государьство Аглинских гостей Серждана Мерика Книхта с товарыщи людем и приказщиком или сродником, а по вашему г-ву жалованью велено, г-рь, ездить самим с своим товары, а привозить им с собою в Московское государьство сукна и камки и отласы и тафты добрые, как бывало наперед сего, и в вашу государьскую казну узорочные товары, которые годятся, и отдавать прямою ценою, по своей цене, без прибыли; а чужих товаров за свои товары не привозить, и закупней Руских людей у себя не держать, и товаров их Аглинскими товары не называти, и иных государьств иноземцов с собою не имати, и у Архангелского города иных земель торговых людей товаров для пошлин за себя не имати и товаров их Аглинскими товары не называть. И Аглинские, г-рь, гости Серждан Мерик Книхт с товарыщи, которым было велено по вашему госу-

---

[1]) Т.-е. сэру Джону Меррику. „Книхт", — английский титул Knight, т.-е. рыцарь (произносится „найт").

дарьскому жалованью для прошенья Карлуса короля, ездить в Московское государьство торговати, ниодинова не бывали; а то ваше г-во жалованье продают иным закупням, торговым людем, и жаловалною грамотою проезжают Немцы иные, которые вашим г-вым жалованьем не пожалованы. Да они же, г-рь, Немцы привозят всякие товары хуже прежнего. А как, г-рь, преже сего приваживали в Московское государьство сукна добрые, не тянутые, и у тех сукон у портища, у моченья, толко убегивало по полувершку, и по вершку, и болше что по два вершка; а как, г-рь, ныне почали вывозить сукна худые и тянутые, и у тех сукон у всякого портища, у моченья, стало убегать вершков по шти, и по полуаршина, и по десяти вершков, и от того, г-рь, их Немецкого лукавства всего твоего г-ва государьства всяких чинов людем в покупке чинятся убытки многие. А в иные, г-рь, окрестные государьства они, Немцы, сукна вывозят против прежняго, не тянутые, по старому; и те, г-рь, сукна чрез иные государьства в твое г-во государьство которые придут, и у тех сукон убежит такожде по полувершку и по вершку у портища или по два: такая, г-рь, их неправда; а в иные, г-рь, государьства те Немцы возят сукна не тянутые, а тянутых сукон возить не смеют. А добрых, г-рь, они товаров из своей земли не вывозят для того, чтоб у них в твою г-ву казну товаров не имали по их цене; а которые, г-рь, товары хотя они и вывезут и в твою г-ву казну и годны будут, и они тех товаров в твою г-ву казну по своей цене не дают, болшою прибылью. Да они же, г-рь, стали торговать не своими товары, вновь, золотом пряденым и бархатами, и камками, и тафтами, и селдьми, и иными всякими товары; а тех, г-рь, товаров у них в Аглинской земли не делают; иных, г-рь, Немец товары, назвав своими товары, для пошлин, привозят к Москве без пошлин. И в Ярославле, г-рь, юфти закупают Агличане на Бараборцов своим именем, беспошлинно же, и привезчи к городу Архангелскому, отпускают на кораб-

лех, за море, к Бараборским Немцам, и в том, г-рь, твоей г-ве казне многая истеря. А наперед, г-рь, сего Аглинские Немцы торговали товары чужими тайно, а ныне, г-рь, почали торговать и явно: в прошлом, г-рь, 153 году, у города Архангелского, Томаса Кемонта да Фируферта Русерма будто прикащики их, Ян Христофоров да Федор Ульянов явили у Архангелского города в таможне Галанских кораблей сукон дватцать один постав с половинкою, будто те сукна Аглинские; а те, г-рь, сукна Галанских Немец, а не их Аглинских. И та, г-рь, их, Аглинских Немец, стала явная торговля, что чужие товары называют своими; а преже, г-рь, сего Аглинские Немцы на чужих кораблях своих товаров, мимо своих кораблей, не кладывали и к городу не важивали, и в таможнях не записывали; а Аглинские, г-рь, Немцы свои товары возили на своих кораблях. И мы бедные, холопи и сироты твои, до конца погибли и торгов своих старинных, искони вечных промыслов, отбыли и оскудели и без промыслов одолжали великими долги. А исстари, г-рь, Аглинских товаров хаживало Двиною вверх толко дощениками по два, и болшое что по три; а ныне, государь, как они стали торговать врознь, и у них стало ходить дощаников по тридцати, и по сороку, и болши, А Анбурские, г-рь и Бараборские и Галанские Немцы, как и почала быть ярмонка у Архангелского города, и они, г-рь, к Москве и по иным городом Московского государьства, и по Московское разорепье не езживали, и о том было на Колмогорах воеводам и приказным людем заказано накрепко, чтоб их в Московское государьство не пропускали; да и по указу блаж. пам. отца твоего г-ва, в-го г-ря ц. и в. к. Михаила Федоровича в. Р., к Архангелскому городу к воеводам посыланы многие грамоты, чтоб Бараборских и Анбурских и Галанских Немец в Московское государьство и в иные городы дале Колмогор не пропускали ни с какими товары. И Анбурские и Бараборские и Галанские Немцы, промыслом своим и дав многие посулы и

поминки, через г-в указ, с товары своими в Московское государьство приезжают по вся годы, показывая у себя по городом ваши г-вы жаловалные грамоты, которым Анбурским и Бараборским и Галанским Немцом даваны были; а те, г-рь, грамоты поимали они из Посолского Приказу ложным своим челобитьем и многими посулы и поминки у думных дьяков, у Петра Третьякова и у Ивана Грамотина. А иные, г-рь, Немцы ездят и без грамот; и Давыд, г-рь, Никулаев, купя на Москве двор, и поставил полаты, и торгует и продает всякие товары на своем дворе врозпь, как и в рядах продают, без вашего государьского указу и без жаловалныя грамоты. А те, г-рь, Немцы, которым даваны были ваши государевы жаловалные грамоты, иные померли, а иные к корабелной пристани в Московское государьство ездить не учали и торгов своих отбыли, а те, жаловалные грамоты попродали иным Немцам, и те Немцы, по жаловалным грамотам, емлют многих Анбурцов и Бараборцов и называют их братьями и племянниками и прикащики своими, и многие товары их привозят, назвав своими же товары, беспошлинно; а осматривать у Архангелского и по иным городом таможенным головам не дают, и привозят к Москве и в иные городы, и те, товары продают беспошлинно, живучи на наемных и на покупных своих дворех. Да те же, г-рь, Немцы, искупя на Москве и по городом всякие Руские розные товары, и приедут с теми товары к Архангелскому городу, и те товары у Архангелского города пишут в проезд за море, и положат на корабли, и теми товары межь себя в ярмонку на кораблях торгуют беспошлинно; а против того у заморских же Немец их товары так же торгуют беспошлинно, и записывают те товары в проезд, будто к ним из-за моря пришли к Москве; и в том твоей г-ве таможенной казне чинится поруха и убыль болшая. Да они же, г-рь, живучи на Москве и в городех ездят через Новгород и Псков в свою землю на год, по пять, и по шестья, и по десятья, с вестми, что

деется в Московском государьстве, по чему какие товары покупают, да которых товаров на Москве дорого купят и они те товары учнут готовить и все делают по частым своим вестям и по грамоткам, сговорясь заодно; а как приедут торговать на ярманку к Архангелскому городу и они про всякие товары цену роскажут, а заморские товары, выбрав лутчие, и те закупят все сами на денги и на Руские товары променяют, и сговоряся меже себя заодно наших товаров покупать не велят, и заморским товаром цену держать болшую, чтоб нам у них ничего не купить и впред на ярмонку не ездить; и мы, г-рь, товаренки свои от Архангелского города возим назад, а иной оставляет на другой год у Архангелского города, и которые, г-рь, должные людишка плачючи отдают товар свой за бесценок, потому что им держать у собя не лзе, люди должные, и от того, г-рь, их умыслу и заговору мы, холопи и сироты твои, ездить к Архангелскому городу перестали, потому что от их заговору стали в великих убытках, а твоим г-вым пошлинам год от году чинится недобор болшой. А как, г-рь, Бараборские и Анбурские и Галанские Немцы к Москве не ездили, и в то время Руским товаром цена была высокая; а Немецкие всякие товары в Московском государьстве дешевле нынешняго были вполы. Да Немцы же, г-рь, Петр Марсенес да Еремей Фелц, умысля лукавством своим, откупили ворванье сало, чтоб твои г-вы торговые люди Колмогорцы и все Поморские промышленники того сала мимо их иным Немцом и Руским людем никому не продавали; а себе, г-рь, емлют они у торговых людей полуценою, и в треть, и четвертою ценою, потому, г-рь, что мимо их никому покупать не велят, и от того, г-рь, многие люди Колмогорцы и все Поморье, которые ходят на море, бить зверя, обнищали и розбрелись врознь и твоя г-ва вотчина, город Архангелской и Колмогорской уезд и все Поморье пустеет. А как, г-рь, тем салом поволено было торговать с розными иноземцы и всяких чинов людми, и с того салного торгу сбирали твоих г-вых таможен-

ных пошлин тысячи по четыре, и по пяти, и болши на год и торговые, г-рь, люди тем промыслом кормились и были сытни; а ныне, г-рь, от тех откупщиков, от Петра Марсенеса и от Еремея Фелца, те твои г-вы пошлины пропали, и многие люди обнищали и податей отбыли, и уезд и Поморье запустело; а от того, г-рь, промыслу ныне пошлины не сберется и дву сот рублев на год. Да по челобитью, г-рь, Галанские земли гостей Немец, Марка Маркова да Юрья Клинка, велено в Колском остроге и у Архангелского города и в иных городех Московского государьства торговать им заморскими товары, а пошлины с них имать вполы, а другие половины с них имать не велено: и те, г-рь, Галанские земли гости Марко Марков и Юрья Клин померли в давное время, и с теми грамотами приезжают иные Немцы, Петр Деладел с товарыщи, и по той жаловалной грамоте пошлин половины нигде не платят; а в жаловалной, г-рь, грамоте блаж. пам. отца твоего г-ва, г. ц. и в. к. Михаила Федоровича в. Р., написано, велено быть приезжать торговать им, Марку и Юрью, а детем и братьям их и прикащиком или кого учнут с торгом присылати в Московское государьство, не написано. А их, г-рь, Немецкое злодейство к нам, холопем и сиротам твоим всего государьства торговым людем, и лукавой умысл тебе, праведному г-рю, мы, холопи твои, объявляем. При державе, г-рь, блаж. пам. отца твоего г-ва, в-го г-ря ц. и в. к. Михаила Феодоровича в. Р., Ярославец торговой человек Онтон Лаптев ездил с товаром, через Ригу, в Галанскую землю, в Астрадам [1]), с соболями и с лисицами и с белками, чтоб ему те товары испродать, а их товаров в их земле закупить: и проехав он, Онтон, их Немецкия три земли и они де, Немцы, сговоряся и сослався о том заодно, у него, Онтона, ничего не купили ни на один рубль; и он, Онтон, из Немецкия земли поехал на их Немецких кораблех с ними, Немцы,

---

[1]) Амстердам.

вместе к Архангелскому городу; и как он, Онтон, приехал из-заморя к Архангелскому городу, и у него Онтона те же Немцы, которые за морем были и у него Онтона торговали и ехали с ним вместе, и те его товары, соболи и лисицы, купили у него болшею ценою. И Московского государьства торговые люди, которые в то время были на ярмонке, Немцом почали говорить в розговорных речах: какая то правда, что г-ря нашего торговой человек заехал с товары в ваше государьство и вы у него, сговорясь, товару не купили и его мало с голоду не поморили, и торговав у него в своей земле соболи и лисицы самою дешевою половою ценою, а здеся купили болшою ценою, а в Московском государьстве вы, иноземцы, торгуете, по милости г-ря нашего, многие люди всякими товары поволно; а заговоров у нас, торговых людей, никаких нет и такие неправды нам, торговым людем, по милости г-ря нашего к вам сделать не сметь; вам было достойно, за милость г-ря нашего к вам, также правда чинить и торговать безо всякие хитрости. И Немцы, г-рь, говорили: для де того у Онтона Лаптева товару не купили, чтоб иным Руским торговым людем ездить в наши государьства не повадно; а толко де в наших государьствах Руские люди учнут торговать, так же, как мы у вас, и мы де все станем бес промыслов, так же оскудеем, как и вы торговые люди; да не токмо де вы, Руские люди, — в наши государьства пытались приезжать Кизылбаши с товары своими, с шолком сырцом, и мы де у них по тому же товаров не купили, и они де живучи долгое время и опять назад с товаром своим поехали к себе и после того и ездить не стали; и вам бы де, торговым людем, и то поставить себе в болшую находку, что его Онтона, и с голоду не уморили. Так, г-рь, они нам, холопем и сиротам твоим, насмехаются. Да не толко, г-рь, что мы, холопи и сироты твои, от них оскудали, ино всего Московского государьства служилым всяких чинов людем при прежнем в дорогой покупки, у сукон и отласов,

у бархатов и у камок, и у тафт, и у всяких товаров многие ... преже, г-рь, служилые люди покупали у нас сукон аршин по четыре гривны и в полтину; а ныне, г-рь, такова сукна аршин по рублю и по сороку алтын покупают; а иные, г-рь, товары по тому же. Да в прошлом, г-рь, во 153 году, из Приказу Болшия Казны продане было Немцом, Давыду Микулаеву с товарыщи, девять сот пуд слишком шолку сырцу, а по уговору взято было на них по семидесят по семи ефимков за пуд: и мы, холопи и сироты твои, ведая то, что наперед сего Немцы у корабелной пристани твой г-в шолк сырец покупали наперед всех товаров ценою болшою, и били челом мы, холопи твои, тебе, в. г-рю, с ними о торгу; и по твоему г-ву указу дан нам торг, и мы, холопи твои, гости и гостиной сотни торговые людишка, в торгу с ними учинили тебе, г-рю, прибыли сверх той цены, по которой было цене им отдан был шолк, с восмь тысячь ефимков. И как, г-рь, с тем шолком послали мы ныне на ярмонку к Архангелскому городу, и те Немцы, сговорясь межь себя с заморскими Немцы заодно, того шолку у нас не купили ни одной гривенки и говорят: мы де учиним то, что купцы Московские гости настоятся в денгах на правеже, да и впред де их заставим торговать лаптями и забудет де у нас перекупаться всякими товары. И от того, г-рь, Немецкого умыслу мы, холопи и сироты твои, всего твоего г-ва государьства торговые людишка стали бес промыслов и впред в конец оскудеть. Да они же, г-рь, Анбурцы и Бараборцы и Галанцы, вымысля с Свейскою королевою, велели торговать Московского государьства торговым людем в Иванегороде беспошлинно, чтоб им перевесть корабелная пристань от Архангелского города, а учинить ярмонка в земли Свейской королевы, чтоб твоя г-ва казна, пошлинной сбор, что сбирается на ярмонки у Архангелского города, перевесть; а учинить бы та прибыль Свейской королеве земле, в Иванегороде. Да в Немецкую же, г-рь, землю, по указу блаж. пам. отца тво-

его г-ва, г-ря ц. и в. к. Михаила Феодоровича в. Р., посылан был гость Назарей Чистого, в купцех, с вашими государевы товары, с шолком сырцом и Немцы все, сговорясь заодно, в своем государьстве у него шолку ничего не купили, а давали дешевою половою ценою, а говорили: как де мы у одного не купим, к нам де и впред никто не поедет, а приехав, г-рь, те Немцы с ним Назарьем вместе к Архангелскому городу, и тот шолк те же Немцы у Архангелского города купили болшою ценою. — Милосердый г-р. ц. и в. к. Алексей Михайловичь в. Р., пожалуй нас холопей и сирот своих, всего государьства торговых людей: возри, г-рь, в нас бедных и не дай нам, природным своим г-вым холопем и сиротам, от иноверцов быть в вечной нищете и в скудости; не вели, г-рь, искони вечных наших промыслишков у нас, бедных, отнять. Вели, г-рь, Аглинским и Анбурским, и Бараборским, и Галанским и Датцким Немцом, гостем и торговым людем, торговать у корабелной пристани у Архангелского города; а к Москве, г-рь, и в иные городы всего Московского государьства пущать не давали б, так же, как наперед сего при прародителех ваших государьских, блаж. пам. при г-ре ц. и в. к. Иване Васильевиче в. Р., торговали в Иванегороде. И ворванья, г-рь, сала не вели держать в откупу Немцам, Петру Марсенесу и Еремею Фелцу, и впредь, г-рь, того салного промыслу отдавать в откуп, чтоб, г-рь, твоя г-ва казна такой пошлинной великой сбор не был в истери и твоя г-ва вотчина, Колмогорской уезд и все Поморье, не запустело, а промышленные люди с голоду б не померли; потому, г-рь, что они Немцы сами жаловалныя грамоты нарушили, учали делать не по тому, как в жаловалных грамотах написано. А как, г-рь, в Московское государьство ездить Немцам не позволишь, и их товары в Московском государьстве будут дешевы, по прежнему; а мы, холопи и сироты твои, от тех промыслишков учнем быти сыти и во всех, г-рь, городех будет тебе, г-рю, прибыль многая. А как, г-рь,

сбираны блаженныя памяти при отце твоем г-ве, при г-ре ц. и в. к. Михаиле Федоровиче в. Р., с нас, холопей и сирот твоих, на жалованье ратным людем пятинные денги, и они иноземцы, за вашу государьскую милость, что торгуют в вашем государьстве такие многие лета беспошлинно, ратным людем на жалованье не дали с себя ни по денги. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Из указа 1649 г. о высылке англичан из России [1]).

...И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руссии указал, а бояре приговорили: вам,

---

[1]) П. С. Г. Г. и Д., т. III, № 138 или П. С. З., т. I; № 9. Грамота начинается словами: „Аглинские гостиные прикащики, Иван Азборн с товарищи!“ и указывает, что будто-бы при царе Михаиле „заморские немцы разных государств“ с русскими „торговали всякими товары у Архангельского города, а к Москве и в иные городы с товары и без товаров не езживали и дворов своих у них нигде не бывало, а вас агличан“ царь М. и его отец Филарет „по прошению государя вашего, славные памяти аглинского Карлуса короля, пожаловали, велели вам торговати в Московском государстве поволною торговлею, сверх иных иноземцев, безпошлинно, и дворы свои на Москве и в городех держати вам велено“ с условием привозить в Россию „всякие товары сукна, отласы, камки, тафты добрыя по прежнему„ и те из них, которые нужны казне, поставлять „по своей по заморской по прямой цене без прибытка. И вы по той государской милости, будучи в Московском государстве, торговали многия лета беспошлинно и тем беспошлинным и вольным торгом обогатели и пожитки себе нажили большие“, а нужных казне товаров „по прямой заморской цене николи не давывали“, привозя вдобавок „тайно табак и иные заповедные товары“ и „покупая у иноземцов шелк сырец и иные заповедные товары“ для тайного же вывоза, „да и в иных во многих статьях ваша многая неправда... и в тех ваших лживых торгех государеве казне чинились убытки многие“. — „А в прошлых годех и в нынешнем во 157 году били челом г-ю царю... гости и торговые всякие люди, что вы, будучи в Московском государстве, торгуете многия лета во всех городех повольною торговлею и от того обогатели, а они Московского государства гости и торговые люди во всяких тор-

Агличанам, со всеми своими животы ехати за море, а торговати Московского государства с торговыми людьми всякими товары, приезжая из-за моря, у Архангельского города, а к Москве и в городы с товары и без товаров не ездити; и которые Агличане вперед похотят торговать с Рускими людьми и им, приезжая из Аглинския земли, торговать с ними у города повольною торговлею и пошлины платить по государеву указу.

Да и по тому вам, Агличанам, в Московском государстве быть не довелось, что преж сего торговали вы в Московском государстве по Государевым жаловалным грамотам, каковы даны вам по прошенью государя вашего Аглинского Карлуса Короля, для братския дружбы и любви; а ныне великому государю нашему его царскому величеству ведомо учинилось, что Агличане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса Короля убили до смерти, а за такое злое дело в Московском Государстве вам быть не довелось.

И выб, Агличане, царского величества указ ведали и из Московского государства со всеми своими животы ехали за море; а кто похочет с государевыми людьми торговати, и теб, из-за моря приезжая, торговали всякими товары у Архангельскаго города повольною торговлею и пошлины с товаров своих платили по прежнему, и исторговався, ездили за море, а к Москве и Московского государства в городы от Архангельского города с товары и без товаров вперед не ездили и у Архангельского города не жили.

гех и в промыслех от вас иноземцев обедняли...“ (затем следует краткое изложение жалоб гостей). „И государь бы пожаловал их, гостей и торговых людей, вас Агличан от Архангелского города к Москве и Московского государства в городы для торгового промысла пропускать и руских товаров на Москве и в городех, опричь Архангельского города, покупать не велел, а чтоб вам Агличанам торговати у Архангельского города по прежнему“. Далее следует вышеприведенное окончание грамоты.

И сесь государев указ Агличанам торговым людям сказан Июня в 1 день 157 года.

Из приказной справки о челобитье Новгородских купцов на иноземцев в 1650 г.[1])

В прошлом во 159 году в марте месяце били челом г. ц. и в. к. Алексею Михайловичю вс. Р. новгородской гость Василей Стоянов да новгородец выборной посацкой человек Микита Тетерин и все новгородцы торговые люди, которые по проезжим грамотам ездят для своего торгового промыслу за рубеж в свейские городы, как де они бывают в свейских городех с своими товары и свейские неметцкие люди врознь локотных и иных всяких товаров их продавать ис приезжими торговыми людми с немцы иных земель торговать им не дают, а велят всякие товары продавать в Стекольне и в Колывани и в ыных свейских городех немцам тутошним жилцам полатником торговым людем не волею свалом, а не врознь и по ярманкам их ис тех городов в ыные города не пущают же и от той де их неволной зарубежной торговли чинитца им убытки немалые, а как де те свейские и любские торговые немцы и иных неметцких городов приезжают в великий Новгород и в пригороды и в уезды и они всякие товары продают в рознь всяким людем, а не свалом, и покупают всякие товары и мяхкую рухлядь и сало и кожи порознь же у всяких людей, и по ярманкам в наших городех и в уездах для торговли ездят и людей своих посылают и продают всякие товары в розню ж, локотной в аршины, а весчей всякой товар, жемчюг в золотники и иные весчие товары в фунты, а не свалом, и с приезжими русскими торговыми людми торгуют всякими товары самоволством в рознь же по своей воле, да те ж де свеяне и любчане и иных горо-

---

[1]) А. С. Мулюкин, „Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве", Одесса. 1912 г., стр. 372.

дов немцы въезжают в государевы порубежные волости и в села и в деревни в Сомерскую волость и в Лятчину и в ыные волости и в деревни и закупают всякие товары лен и пенку и хлеб и мяса и сало и мяхкую всякую рухлядь без государева указу и без проезжих грамот тайно, а в Великий Новгород в таможню являтца не приезжают и оттово государя таможенной казны чинитца убыль не малая, да у тех же де немец у свеян и у любчан в Великом Новегороде на посаде поставлены дворы близко гостина двора и на дворех у себя завели поварни большим заводом и топят сало и иные заводы заводят и те досталные промыслы у них отняли, а по государеву указу в ыных городех немцам товаров продавать и покупать в новь нигде не велено а во Пскове де немецкие дворы поставлены за городом за великою рекою и в город их для торговли и иных дел не пущают, а для государевых пошлин на немецком дворе поставлена таможня на загородных дворах и караул для всякого опасенья устроен, и государь бы их пожаловал велел им дать свою государеву грамоту, чтоб тем неметцким свейским и любским и иных земель иноземцом торговым людем в Великом Новгороде и в пригородех и в уездах по селам и погостам и по деревням и по всяким уездным ярманкам врознь товаров своих руским людем продавати, а у руских людей товаров всяких врознь покупать не велеть, а велеть им всякие товары продавать и покупать в Великом Новгороде у посадцких торговых людей свалом, а не врознь, а иных городов с торговыми с приезжими людми всякими товары на денги именованными товары мимо их посадцких людей не торговати б так же, как у них руским людем заповедано, и в пригороды и в уезды, в села и в деревни Новгородцкого уезду для покупок всяких товаров руских и своих неметцких товаров продаж въезжать им и в Сомерскую волость и в лятцкую и в ыные села и погосты и в деревни для торговых покупок без проезжих грамот не въезжать, и безпошлинно и без явочно никаких товаров нигде

не покупат и сало варные их поварни, в которых на дворах сало топили, отставит[1]).

Из дела о челобитье Вологодских купцов в 1651 г. на торгующих в России голландцев [2]).

От царя и в. к. Алексея Михайловича вс. Р. в Вологду столнику и воеводе нашему Лариону Семеновичу Милославскому да дьяку нашему Дружине Огаркову, били нам челом Вологженя посадцкие люди земской староста Кирюшка Носков с товарищи и во всех посадцких людей место, на галанских торговых гостей, на Марка Маркова да на Юрья Клинкина, на прикащика их Вахромея Иванова, на Московского немчина на Мартына Юрьева, да на галанцов же Володимеря Иванова на Ивана Самойлова, на Елизарья Ульянова на Ивана Андреева, на Петра Иванова и на их товарыщей и на прикащиков, которые приезжают к Вологде; живут де те иноземцы на Вологде своими дворами, а к ним приезжая, ставятца у них во дворех многие иноземцы и живут многое время во всю зиму и всякие торговые промыслы у них отняли, покупают у приезжих людей и у крестьян с возов розными мелкими месты, которые им товары за море в их земле годны, мяса, свиные и говяжьи окорока и языки и щетину и сало сырец и пенку и рогожи и мяхкую рухлядь и иные товары; на своих дворех те немцы сами своими людми

---

[1]) В ответ на челобитную был послан царский указ новгородскому воеводе о запрещении шведским и др. „торговым иноземцам“ 1) торговать в Новгороде, пригородах, деревнях „и по всяким уездным ярмавкам“ в розницу с разрешением покупать и продавать лишь оптом, „свалом“; 2) ездить без проезжих грамот в деревни и волости; 3) закупать беспошлинно и безъявочно; 4) держать на своих дворах „саловарные поварни“, топить и рознично закупать сало, „а покупали б сало топленое в великом Новгороде у посадцких у торговых людей месным делом“.

[2]) А. С. Мулюкин, „Очерки по истории юридич. положения иностранных купцов в Московском государстве“, Одесса, 1912 г., стр. 377.

мяса солят и щетины чистят и поставили поварни и предилны и в поварнех окорока и языки коптят и сало топят и на придилнах пряжу прядут и мяхкую рухлядь правят и покупили себе многие лодьи и дощаники, и в тех своих судех те свои и иных иноземцев и руских торговых людей и с возов и с провозов с Вологды сплавляют водяным путем к Архангельскому городу и от города в тех же своих дощаниках заморские свои и иных иноземцов руских людей товары проводят к Вологде; а с тех своих торговых промыслов, опричь покупной пошлины, против прежних лет перекупных пошлин и никаких наших податей не платят, а наперед сего те немцы сами на площади с возов у приезжих людей и у крестьян мелкими месты и большими статьями тех товаров не покупали, и теми торговыми промыслы не промышляли, а покупали те товары мелкими статьями у них, торговых людей, мяса соленые и щетины чищенные и окорока и языки копченые и пенковую пряжу готовую и сало топленос и те свои товары проводили водяным путем и с провозов на судах у них, торговых людей; и с тех торговых промыслов служили они всякие наши службы, подати платили и с товаров двойные перекупные весчие пошлины большие с покупки платили. А ныне де та вещая перекупная пошлина от той их розничной покупки не збираетца и они без тех торговых промыслов оскудали и одолжили великими долги и нам бы их пожаловати, тем иноземцам и их прикащиком самим на площади у приезжих людей и у крестьян с возов розными мелкими статьями всяких товаров покупать не велеть и дощаников и людей самим им иноземцом делать и судовым промыслом извозничать и торговых промыслов у них посадцких торговых людей от имать не велел, а велел же б тем иноземцам покупать всякие товары местными статьями по прежнему у них, торговых людей, мяса соленые и сало топленые и окорока копченые и щетины чищеные и пряжу пенковую вьюками, как наперед сего поку-

пали, и те их товары с Вологды проводить им, торговым людем, на своих судах и с провозу чтоб им от неметцкие покупки розные нашей казне таможенного збору порухи не было, и как к вам ся наша грамота придет и вы б на Вологде и в Вологодцком уезде велели учинить заказ крепкой, чтоб галанские гости и галанские ж торговые и иных земель приезжие иноземцы и их прикащики товаров своих руским людем врознь не продавали, также и у русских людей всяких товаров врознь не покупали, а продавали б те иноземцы всякие свои товары весчие невесчие на Вологде посадцким людем и у них покупали местным делом, а не врознь, опричь заповедных товаров, которых им без нашего именного указу купить не велено, а в уезде бы в села и в деревни для покупок всяких руских товаров и для продажи своих неметцких товаров не ездили и беспошлинно б и без явочно никаких товаров нигде не покупали и саловарных бы поварен, в которых сало топили, у них на немецких двор ех не было и сала б не топили и врознь не покупали, а заповедных бы товаров отнюдь иноземцом не продавали. А в дощениках своих и в лодьях велети тем иноземцом возити товары свои, а чюжих кладей своей братьи иноземцов и руских людей на те дощаники не класть, того им промыслу у наших руских людей не отъимати, а прочет сю нашу грамоту и списав с нее, список оставили у себя в съезжей избе, а сю б нашу подлинную грамоту отдали им, Вологжаном посадцким людем, впредь для иных наших воевод и приказных людей. Писан на Москве лета 7161 сентября в 10 день за приписью дьяка Андрея Немирова.

Из челобитной торгового человека Семена Гаврилова о притеснениях в Швеции, 1663 г. [1]).

В прошлом, государь, во 171 г., купил я, холоп твой, из твоей великого государя казны в Великом

---

[1]) Д. к А. И., IV, № 152. Дата: 1 сентября 1663 г., т.-е. на московский счет 1 сентября следующего года.

Новгороде пенки чистой на семь тысячь рублев слишком и с тою пенкою и с иными товары ездил я, холоп твой, за Свейской рубеж в Ругодив и в Канцы для торговли, а с иною пенкою и с товары посылал я, холоп твой, в Стеколно прикащика и человека своего для продаж; и мне, холопу твоему, и сиротам твоим торговым людем в Стеколне поволного торгу нет и врознь товаров продавать не дают и иных земель с приезжими торговыми людми торговать не дают и с своими приезжими иных городов с торговыми людми и с уездными торговать не дают же, опричь тутошних городовых торговых людей, а и тем городовым торговым людям указано продавать местным делом, а не врознь; а которой продаст врознь или приезжему и на них емлют пени большие; да как мы, холопы твои и сироты, поезжаем из Стеколна на Русь и у нас торговых людей оставаютца не в продаже товары и мы те свои товары оставляем за рубежем твоим государевым Руским торговым людем для продажи и оне нам вменяют те товары в продажу, а как мы свои досталные товары друг другу Руским людем продадим, и те товары у нас отнимают на ратушу безденежно, да сверх, г-рь, тех же товаров емлют на нас пеню денежную болшую. Да нам же, холопам твоим и сиротам торговым людям, перед прежним учинена налога: которые толмачи к Руским торговым людем приставлены для толмачества и им, толмачом, дан с ратуши указ вновь, чтоб оне, толмачи, над рускими торговыми людми смотрели, чтоб Руские люди врознь и с приезжими людми промеж собою не торговали и без них, толмачей, никакого товару никому не продавали и ни у кого б не покупали... а преж, г-рь, сего такой налоги не было, повелено было торговать и без толмача и толмачных денег на нас, холопех твоих и на сиротах, не имели... Да вновь же перед прежними годами наложили на нас, сирот твоих, торговых людей, пошлину с красной меди, с малого весу с осми пуд, емлют пошлину по шестнадцати ефимков

с полуефимком Любских[1]), да перед прежним же, г-рь, вновь нам, холопем твоим и сиротам, из Стеколна и из иных городов на Русь золотых и ефимков вывозить не дают ничего... Да нас же, холопей твоих и сирот, из Стеколна в иные городы и уезды с товары для торговли не пущают. Да у них же ныне, вместо денег, учинены бумажки... и как у нас, холопей твоих и у сирот, купят товары на золотые и на ефимки и вместо золотых и ефимков дают нам такие бумажки, на сколко кто какого товару купит, и мы, холопи твои и сироты, на те бумажки покупаем у них товары с великою передачею. И от таких их великих налог и обид и истеснения стали мы, холопи твои и сироты, в великом разорении и убытках; а лучитца нам, холопем твоим и сиротам, о чем о своих обидах побить челом и нас, холопей твоих и сирот, волочат многое время. А оне, по твоему в. г-ря указу, в Великом Новегороде и в иных твоих в. г-ря городех и в пригородах и в уездах торгуют поволным торгом, продают всякие товары врознь, в аршины и всякими мелочными статьями; а как им лучитца тебе в. г-рю бити челом на твоих государевых Руских людей и по твоему в. г-ря указу им чинят росправу безволокитно. Милосердый г-рь, ц. и в. к. Алексей Михайлович, вс. В. и М. и Б. Р. с-ц! Пожалуй меня, холопа твоего, вели г-рь, сю челобитную под отпискою послать к себе,

[1]) Во время русско-шведских переговоров 1676 г. о границах и о торговле, русские жаловались на нарушение шведами Кардисского договора и притеснения русским торговым людям. Между прочим, указывалось, что шведы запрещали русским покупать красную медь у частных лиц, заставляя покупать у шведской казны: за берковец меди русские платили до Кардисского договора 30 руб., а теперь по 50 и 60 руб При том еще, когда русские, продав свои оплаченные уже пошлиной товары, покупают на эти деньги медь, то „на них спрашивают новонакладных пошлин с берковца меди по 18 ефимков любских и того имеется по 40 процентов со ста и с одних денег будет другая немерная пошлина, чего не бывало никогда“ („Русский Вестник“. 1889 г., январь; Е. Е. Замысловский, „Сношения России с Данией и Швецией“).

в. г-рю, к Москве, чтоб тебе, в. г-рю, про те их всякие обиды было ведомо. Царь государь, смилуйся!

Отзыв английского посла Карлейля в 1664 г. относительно указа 1649 г. об изгнании англичан [1]).

Ответ, данный ими [2]) на другое письменное заявление относительно привилегий английской компании, был не более вразумителен и хотя они не отказывали определенно в этих привилегиях, но обнаруживали достататочную склонность к тому под следующими предлогами, которые им хотелось выдать за законные причины. Во-первых, они ссылаются на то, что эти привилегии были отняты вследствие мятежа в Англии и что Архангельская компания в нем участвовала. Они утверждают к тому же, что покойный король послал к его царскому величеству некоего Люка Найтингеля, чтобы известить его об этом постыдном мятеже и убедить отменить привилегии английских купцов, потому что они тоже взбунтовались против исполнения своего верноподданнического долга [3])...

---

[1]) Став протектором, Кромвель отправил в следующем 1654 г. своего посла в Москву хлопотать о возобновлении английских торговых привилегий и отмене указа 1649 г. Посол встретил оскорбительный прием и потерпел неудачу. В 1660 г. произошла реставрация и король Карл II отправил в 1663 г. в Москву с тем же поручением гр. Карлейля, пребывание которого в Москве описано в книге „Les trois ambassades du comte de Carlisle". Подобно послу Кромвеля потерпел неудачу и принятый с почетом Карлейль, обменявшийся несколькими письменными заявлениями с особой правительственной комиссией. Критические замечания Карлейля по поводу аргументации комиссии приводятся нами в переводе с французского (Amsterdam, 1700). Было и английское издание (описание Московии из этой книги переведено в „Ист. Библ." 1879, № 5).

[2]) т. е. членами упомянутой комиссии.

[3]) Москва утверждала, что посланный будто бы Карлом I Найтингель был действительно его полномочным представителем, а Карлейль от имени Карла II уверял, что лишь казнь короля помешала ему отослать в свое время отрицательный ответ на отправленное царем в 1647 г. письмо с извещением о приезде Найтингеля. Мы пропускаем далее перечисление тех обвинений против англичан, которые снова повторяются затем критикующим их Карлейлем.

Но, кроме того, ссылаются на различные мошеннические проделки, которыми очернили английских купцов в отношении их торговли. Это-то именно весьма меня и удивляет и дает, повидимому, возможность понять (в чем я не смог бы, однако, убедиться), что его цар. в-во отменил их привилегии не столько из-за принципиального великодушия [1]), сколько по другим особым причинам. Это настолько противоречит тем чувствам, которые питал по этому поводу король, мой господин, и которые внушали ему полученные от самого его цар. в—ва различные письма, что я не могу не привести их ниже хотя бы вкратце. Мне следует, между тем, сказать кое что в защиту купцов, - после сделанного главным боярам и советникам его цар. в—ва заявления, что их ссылки имели бы гораздо больший вес, если бы они назвали в частности кого-либо из виновных в тех мошенничествах, в которых они обвиняют всех купцов вообще. Что касается, во-первых, неснабжения, вопреки их обязанности, складов его цар. в—ва, то несомненно, что купцы никогда, вплоть до времени отнятия у них привилегий, не уклонялись от снабжения упомянутых складов сукном, тканями, свинцом и всеми другими товарами и мануфактурными изделиями, которые производит Англия, а они имеют гораздо более лучший сбыт, чем тот, который могут дать фламандцы или гамбуржцы своим, когда они равняются по добротности англий-

[1]) Оффициально указ 1649 г. трактовался московским правительством, как акт „великодушной“ помощи, оказанной царем своему впавшему в несчастье коллеге против его мятежных подданных. Поэтому и Карлейль упоминал в переговорах с комиссией, что „следует, между тем, согласиться, что его цар. в—во совершил великодушный поступок, когда он, заподозрив английских купцов в злоумышленном поведении, изгнал их из своих земель и конфисковал их дома и денежные претензии, которые они имели по отношению к его подданным“. Теряя терпение в затянувшихся переговорах, Карлейль стал затем настойчиво указывать, что царю не следовало, однако, быть более взыскательным, чем сам Карл II, амнистировавший своих мятежных подданных.

ским. Кроме того, английская компания утверждает, что ее служащие и факторы часто предлагали поставлять товары в склады по той же цене, по какой они продаются в Англии, но не получали согласия на это, а если же товары принимались, то факторы почти никогда не могли получить обратно свои деньги,— по крайней мере не иначе, как при помощи больших подарков, подносимых чиновникам, да и то есть много таких, которые все же так никогда ничего и не добились. Дело обстоит, таким образом, далеко от того, чтобы английские купцы оказались виновными в нежелании снабжать склады его цар. в—ва: они много потеряли от того, что не получили платы за товары, поставленные ими. Что же касается до торговли табаком, то это очень мало вероятно после учреждения компанией того устава, соблюдать который каждый из ее членов клятвенно обязывался и по которому в том случае, если у кого либо из них оказывался табак, таковой сейчас же подлежал отобранию и публичному сожжению в присутствии подданных его цар. в — ва, несколько различных случаев чего можно бы указать. Но главные бояре довольствуются утверждениями без доказательств и не ссылаются ни на один единственный случай или пример с кем либо из членов компании, кто был бы виновен в том, в чем они обвиняют всю корпорацию вообще. Их обвиняют также в покупке товаров у других чужеземных наций с намерением освободить их от пошлинных сборов в качестве своих собственных, но будучи совершенно далеки от этого, купцы подтверждают время от времени в своей среде для предупреждения таких обманов правила настолько строгие, что если кто-либо из них окажется в этом виновен, то его надлежит выдавать правосудию его цар. в—ва без какого-либо заступничества со стороны агента компании или самой компании. Не так даже давно компания посвятила много труда тому, чтобы в этом отношении не было никаких нарушений, и приняла для этого определен-

ное запрещение всем ее членам какой бы то ни было торговли с голландцами, гамбуржцами или др. иностранцами как в Архангельске, так и во всех др. местах на территории, подвластной его цар. в—ву.

После этих обвинений без доказательств ссылаются на челобитную гостей или факторов его цар. в—ва и всех других московитских торговых людей вообще, направленную против английских купцов. Что касается до меня, то я не сомневаюсь, что гости, будучи лишь небольшой кучкой лиц, очень бы хотели сосредоточить в своих руках всю торговлю, хотя бы это и было ко вреду всем другим подданным его цар. в—ва вообще. Но для утверждения, что все купцы и ремесленные люди России, извлекающие большие выгоды из торговли, производимой ими с англичанами, выступили таким образом против них с одной общей челобитной,—слишкам мало вероятия.

Возражают, наконец, что умерли те купцы, которые были поименованы в жалованных грамотах. Но я думаю, что предшественники царя и, как я в том уверен, английские короли никогда и не полагали, чтобы эти привилегии были даны лишь отдельным или частным лицам, от смерти которых зависело бы и прекращение привилегий. Потому что, будь это так, то зачем было бы включать постоянно эти привилегии в договоры, заключавшиеся между двумя государствами их послами? Следует поэтому сделать необходимое заключение, что привилегии не были даны единственно лишь упомянутым первоначально купцам, но и тем, кто был их преемниками в торговле, — одним словом, что привилегии были даром, сделанным целой нации.

Из записки шведских купцов в 60-х годах о притеснениях их Москвою [1]).

Подданные высокой Шведской державы (доселе) могли хвалиться, что в правление прежняго царя

[1]) Записка эта подана была послу барону Спарре (перевод Чумикова в „Чтениях“, 1901 г., IV).

Михаила Федоровича пользовались перед другими нациями некоторыми особыми преимуществами, как относительно уважения, которое (им) Русские повсюду оказывали, как бы страшась и опасаясь нас обидеть, так и относительно бо̀льшей свободой, которая им была предоставлена и дозволена в Русских государстве и землях. Некоторая часть из наших еще помнит, как путь во всех царских землях для шведских купцов был беспрепятственно открыт и по единому предъявлению паспорта в русских порубежных крепостях дозволялось им въезжать в царскую резиденцию и другие города и выезжать из них. Дозволялось им также в городах сколько угодно и как они разумеют со всеми вести торг и не были они стесняемы никакими необычными налогами или притязаниями; напротив, во многих случаях даже поощряли и помогали им в видах продолжения торговых сношений. Так, относительно монеты, важного условия торговли, была соблюдаема умеренность и Русские охотно брали полновесный талер или испанский реал за 52 копейки, а когда затем талер упал до 50 коп., то, соразмерно тому, сбавляли пошлину и, таким обрезом, за каждый талер сбавляли 2 коп., что составляет 4 со ста... По смерти этого царя и при последовавшем вступлении на престол царя, князя Алексея Михайловича, сказанные вольности для шведских подданных были значительно урезаны и различие между ними и прочими нациями почти совершенно прекратилось и стала торговля всеми способами тормозиться и обременяться, как более подробно изъясняется в следующих пунктах:

2. Был им затруднен и прегражден свободный проезд в Москву и другие города [1]).

---

[1]) В п. 4: „особенно во Псков"; в п. 1 говорится о „несправедливости и презрении" к шведским купцам и даже битье их на правеже; в п. 4 и 5 о порче товара, вследствие частого вскрытия возов в пути и назначении на него „тарифа" выше стоимости, и о произвольном расчете пошлин.

5. Неизвинительно и без всякого основания обращались с монетой, заставляя купца взвешивать совсем добрые талера, но и за полновесные давали только 48 и, наконец, только 46, 45 и 44 коп...

7. Несмотря на уверение, данное подданным шведской короны в г. Москве в том, что, по едином внесении пошлины, им будет дозволено свободно проезжать всюду с их товарами, они, с целью затруднить торговлю и, по возможности, отрезать нас от Балтийского моря и земли и провинций шведской короны, вымогали вторично в Новгороде архангельскую пошлину и вообще требовали 8 со ста, после только что заключенного перемирия и сбавленной пошлины; сверх того, ввели они еще другую пошлину, названную ими проезжей, через что торговля сверх меры обременяется и стесняется.

8. Равным образом, дабы уничтожить свободную торговлю для шведских подданных, царь прямо или косвенным образом придумал разные способы. Так, после только что заключенного перемирия, он то всенародно запрещал им всякую торговлю, то, для вида, разрешал ее; между тем, везде назначал своих купцов и факторов, единственно с которыми его подданные принуждены были торговать. Приказами и через бирючей, равно посредством нововведенной пошлины, 10 и более со ста, он установил, что оной подлежит всякий, кто только ведет торг с другой нацией, но освобождается от нее торгующий с его купцами...

Благодаря таким, ничем неоправдываемым порядкам, клятвенно обещанный мир был не только заметно ослаблен, но и нанесен большой вред интересам высокой короны шведской и ее подданным, особливо купцам сего города (Нарвы): они потерпели более, чем от войны, огня и др. несчастий, были частию раззорены как бы преднамеренно и пришли в большое оскудение. Все это привело к тому, что из-за этих спорных статей мы, подданные шведской короны, как бы по личной воле царя, должны были прекратить торговые сношения...

Как из всего этого можно усмотреть, в какой степени свобода торговли, предоставленная подданным высокой короны шведской, была обрезана и ослаблена, даже уничтожена, так и, с другой стороны, легко понять, каким способом можно возвратить ей прежнее процветание и дать ей свободный ход. А именно:

1. Чтобы в силу последняго Кардисского мира подданным высокой короны шведской, во-первых, предоставлено было с их товарами свободно въезжать во все города и провинции царские, как-то: Москву, Ярославль, Переяславль, Н.-Новгород, Холмогоры, Вологду, Тихвин и выезжать из них и чтобы, по предъявлении единожды в первой пограничной крепости своего паспорта, их после того нигде не задерживали.

6. Дабы увеличить количество таких денег (т.-е. мелкой серебряной монеты для размена) и, следовательно, развить торговые сношения, а также, в интересах корол. В-ва и его подданных и особенно ради польз и выгод этого города (Нарвы), желательно, чтобы всеми силами царя к тому склонить, чтобы швед. кор. В-ву дозволено было чеканить равноценную мелкую серебряную монету, как в его государстве и городах, так и для подобного случая в этом городе (Нарве) и чтобы такая монета почиталась доброю и ходячею в его государстве [1]...

---

[1]) В п. 3 говорится о запрете вскрывать возы в пути и осмотре товара лишь в месте торга; в п. 4 — о непринуждении шведов взвешивать их „полновесные“ талеры и в п. 5 — о нахождении запаса мелкой серебряной монеты в пограничных городах; в п. 6 — о том, что так как русские свободны от всяких пошлин в Ревеле, Нарве и Ниене (городок на месте теперешней Охты в Ленинграде) и лишь при морской отправке в Стокгольм платят 2 со ста, могут также продавать кому и где хотят в пределах шведских владений, то желательна такая же свобода от пошлин и стеснений для шведов в России; а в крайнем случае, пусть будет лишь „обычная пошлина, т.-е. с весчих товаров $4^1/_2$, а с невесчих $3^1/_2$ со ста“. П. 10 требует правосудия, а п. 11 — исправления мостов и дорог, чтоб „чрез то товарам было бы легче и удобнее направляться на восток и из-за этих местностей не отдавалось бы предпочтение Архангельскому пути“.

9. Чтобы царь отказался от введенной им монополии и предоставил своим подданным, не отягощая их пошлинами и налогами, торговать, по желанию, с подданными шведской короны, особливо уничтожил бы пошлину 10%, каковую его подданные обязаны платить при продаже своих товаров иноземцам.

Ю. Крижанич о торговых путях из России [1]).

Сие преславное господарство, будучь тако широко и безмерно долго, однакожь от всех стран есть заперто в торгованию. От севера нас пашет студеное море и пустыя земли. От востока и полудня окружают дивии народы; с коими никаково торгование быть не может. От запада в Литве и в Белой Руси ничто ся не родит оных вещей, коих мы потребуем; разве единая медь у Сведов. Торгование Азовское и Черноморское, кое бы сей земле наикорыстнее было, то держат обседено Крымцы. Торгование Астраханское запачают Ногайцы. Торгование с Бухарии в Сибири заседают Калмыки. И тако нам остают токмо три от страхов слободна торговища: по суху Новгород и Псков; а на воде Архангельское пристание: или к тому путь есть несмерно предалек и трудовен.

---

[1]) „Русское государство в половине XVII века", 1859 г. стр. 7. Под этим названием изданы Бессоновым „Политичны думы" хорвата Юрия Крижанича, ученого католического священника, прожившего в России (1659 г.) около полутора лет и сосланного в Сибирь (1661 г.), откуда отпущен заграницу через 15 лет. Написанные в ссылке „думы" отражают, в связи с размышлениями о России, общие воззрения Крижанича,—меркантилиста, протекциониста и сторонника регулирования экономической жизни самодержавной властью правительства, чем Крижанич очень напоминал взгляды Петра. Популярное издание: В. Пичета, „Ю. Крижанич, эконом. и полит. его взгляды", СПБ. 1914 г. Язык Крижанича,—своеобразная смесь сербских и русских слов и выражений. Господарство,—государство; пашет,—ограничивает; дивии,—дикие; запачают,—задерживают.

Из Новоторгового устава 1667 г.

В. г. ц. и в. к. Алексей Михайлович, вс. В. и М. и Б. Р. с-ц, слушав докладные выписки и торговых статей с своими, в. г-ря, бояры и с думными людьми, указал, а е. ц. в-ва бояре приговорили, по челобитью Московского государства гостей и гостиных сотен и черных слобод торговых людей: от приезжих иноземцев во многих обидных торгех, которые проходили в Московском государстве и Великия России в порубежных городех помешкою продолжительные войны и того ради приезжие иноземцы бесстрашно учали товары худые, поддельные как в серебре и в золоте литом и в пряденом, так и в поставах сукнах и в иных заморских товарех, в царствующий град Москву и в городы Великие России привозить, в которых товарех подлинно обличены и такие худые товары сысканы и Руским торговым людем в заповедех и в промытех многие убытки и домовые разоренья учинились; и ныне всемилосердым в. г-ря е. ц. в-ва на всенародное слезное челобитье воззрением, чтоб Моск-го г-ва и порубежных городов Великия России торговые люди имели свободные торги, как годится быти, чего и во всех государствах окрестных в первых государственных делех свободные и прибыльные торги, для сбора пошлин и для всенародных пожитков мирских, со всяким береженьем остерегают и в вольности держат, по нижеписанным торговым статьям, из посольского приказа приезжим иноземцам для ведомостей заморских, чтоб к торговле в порубежные городы приезд их с товары был ведом, на письме дано...[1]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д., IV, № 55 или П. С. З., I, № 408. Подлинник был за подписью „гостей и лучших торговых людей и слобод черных". В Москве и пограничных городах будут выбраны „по очереди и по выбору из гостей и из лучших торговых людей головы и целовальники" для соблюдения „всякой государственной сборов таможенных прибыли и к обороне торговых людей от всяких сторонних разорительных обид... и того накрепко беречь, чтоб мимо торговых людей

1. На Двине у Архангельского города в таможне быти на ярманке гостю с товарищи [1]); а гостя с товарищи воеводам в таможенных торговых во всяких делах ни в чем не ведать, чтоб в том в. г-ря казне в сборех поруки не было.

2. Всякая полная расправа у города Архангельского в торговых делах Руским людем и иноземцам чинити в таможне гостю с товарищи.

12. А что будет у Руских людей всяких товаров в продаже на деньги и на мену и с тех товаров имать гостю с товарищи с прямой продажной цены со всяких весчих товаров по прежнему по 10 денег с рубля, а не с весчих товаров со всяких имать пошлины по 8 денег с рубля, а с сала ворванья и с рыбы имать пошлина по прежнему в. г-ря указу [2]),

13. А который Руской человек явит у Архангельского города на покупку товарную денег и с денег имать пошлины по 8 денег с рубля.

19. А в которых городех все купецкие люди Руские те городские товары учнут продавать и с тех про-

---

чинов белых всякие люди и иноземцы торга и подрядов не чинили, а свои товары прикладывали к Русским торговым людям к высокой цене и к пожиткам добрым, также и торговые маломочные люди у гостей и у лучших людей были в береженьи, чем им торгами завестись меж Рускими людьми складом к большим товарам, а собою в продаже иноземцам цены не портили и в подряд денег у иноземцев не имали; а покажется у них товаров много и в том будут роспрашиваны: от кого, кто торгует, чтоб в утайке ничто не было".

[1]) П. 3: „с Москвы ехать товарищу гостиные сотни да суконной сотни целовальнику... да с ним ж быть в прибавку из Ярославля и с Костромы и с Вологды по 2 человека"; п. 4: „...да гостю ж в прибавку в целовальники с Устюга Великого и с Каргополя и от Соли Вычегодской имать по 2 человека и быти им на ярманке у таможенного сбора".

[2]) П. 17: „а у которых Руских людей за продажею будут какие товары в остатках, не в продаже, и с тех товаров в том году пошлин не имать", а записав в „осталые", брать пошлину „в которых годех те товары в продаже будут... а в которых городех те товары проданы будут, в тех им и пошлины платить".

дажных товаров пошлины имать в тех городех по 10 денег с рубля за всякие мелкия статьи.

23. Московской и иногородней человек какой-ни есть товар привезет от города или откуда ни есть в тот город, в котором живет, и ему платить пошлины с продажных товаров против прежнего государева указа.

27. А которой он товар, живучи на Москве и в городех, всякой на своем городе какой-ни есть товар купит и с тех товаров пошлины не платить по прежнему для того, что живучи все торговые люди с тех торгов в-му г-рю в тех городех служат и всякие подати платят; а платят с тех товаров пошлины те люди, которые привозят из иных городов.

30. А буде кто приедет на который город с деньгами для покупки товаров и ему те деньги объявить в таможне и таможенному голове деньги записать в книги и взять пошлины с денег по 5 денег с рубля; и что он купит каких товаров и поедет с того города на иной город и ему дать выпись, что он с денег пошлину платил... И приехав тому человеку с товаром, на кой город похочет, подать в таможню данную ему выпись и в таможне против выписи записать и велеть товар осмотреть и с продажного товара имать пошлины по 5 денег с рубля, потому что он в том городе, в коем покупал товар, платил по 5 денег.

35. По всем городам и в Сибири всех купецких людей воеводам сухим путем и водяным ни в чем в торговом деле в поездех не держать и не ведать, кроме таможенного уставного права [1]).

---

[1]) П. 18: подтверждая прежнюю отмену проезжих пошлин с проезжих купцов, устав внушает „воеводам по городам и таможенным головам всяких купецких людей с товаром в проездах не задерживать, пропущать везде без задержанья и всяких работных людей передовщиков и кормщиков и извощиков на городех наймовать без ведома воеводского всякому вольно было, потому что воеводы во многих городех для своих корыстей задерживают напрасно“.

38. А перекупной пошлине с весчих товаров быти по прежнему, а иным всяким мелким пошлинам против уставные печатные грамоты быть.

40. А которые иноземцы те Руские покупные товары продадут у города Архангельского своей братье иноземцам и с тех продажных руских товаров имать пошлина по 10 денег с рубля и того смотрить накрепко, чтоб иноземцы Рускими товары у города безпошлинно меж себя не торговали [1]); а проезжие пошлины с тех товаров имать сверх тех торговых пошлин.

42. На Москве и в городех всем иноземцам никаких товаров врознь не продавать; а будет учнут врознь продавать и те товары имать на в-го г-ря.

47. А что у них иноземцев тех заморских товаров у Архангельского города будет в продаже на деньги и на мену, опричь Фряских вин и водок, и те торги записывать им в таможне в книги имянно прямою ценою, всякой товар по чему будет продан, и к тем своим торговым запискам велеть им руки прикладывать впредь для спора.

48. А имать с тех продажных заморских товаров в Государеву казну в таможне у Архангельского города пошлины золотыми и ефимками: с весчих товаров по 10 денег с рубля, а не с весчих товаров по 8 денег с рубля.

50. А приимать за пошлину золотые добрые Угорские по рублю золотой, а ефимки Любские по полтине в довес; а Руским торговым людям и Московским прироженным иноземцам платить пошлина Рускими мелкими деньгами по прежнему.

51. А вина и розных иных питей перед прежним гораздо много привозят и онаго много не нужно надобно; потому что на государевых кружечных дворех чинятся от того убытки и не доборы большие. И в-й г-рь указал: с вин и с иных розных питей

---

[1]) Под страхом конфискации товаров (п. 41).

с иноземцев взять больше пошлин, как с иных товаров у Архангельского города [1]).

53. А в которых городех те питья будут в продаже и с той продажи имать пошлина по 5 алтын с рубля; а с Руских людей с тех заморских питей платить пошлина по прежнему.

56. А буде которые иноземцы похотят товары свои от города возить к Москве и в иные городы и им платить с тех заморских товаров у Архангельского города проезжих пошлин по гривне с рубля золотыми и ефимками для того, что Руские люди и Московские иноземцы пятину и десятину и всякие подати платят и службы служат, а иноземцы ничего не платят.

59. А кои товары на Москве и в городех иноземцы станут те заморские всякие товары, кроме питья, продавать и с тех имать с продажи по 2 алтына с рубля по прежнему.

60. А чтоб иноземцы приезжим торговым людям товаров своих не продавали и у них ничего не покупали [2]), а продавали б в тех городех купецким людям того города, в коих они станут торговать, и у них також товары всякие покупали, а не у приезжих, и подрядов и записей иноземцы с приезжими людьми никаких не чинили и тем бы у тех Московских и городовых купецких людей промыслов не отымали.

61. А Московским купецким людям в порубежных во всех городех и на ярманках торговать с иноземцы всякими товары вольно.

63. Учинить заказ крепкой, чтоб иноземец с иноземцем никакими товары не торговали и не продавали и не меняли, понеже в. г-рю в таможнех в сборех его в. г-ря казне чинятся большие недоборы, а Руским

---

[1]) Перечисляется, с какого вина и на сколько больше пошлина; „а на сахар головной на пуд по рублю, на красной леденец по 40 алтын, на белой и на иной деланный на пуд по полтора рубли“.

[2]) А если будут „хотя и свалом, и те товары имать на в-го г-ря“, т.-е. конфисковать (п. 62).

людям в торгах их помешка и изнищение чинится; и будет иноземцы меж себя учнут торговать, а сыщется про то допряма, и те товары взять на в. г-ря.

66. А как иноземцы с Рускими товары будут у города Архангельского и в Новегороде и во Пскове и в иных порубежных городех и похотят те свои покупные руские товары отпускать во свои государства... и с тех Руских со всех товаров имать проезжие пошлины по гривне с рубля с цены, почему те Руские товары будут в продаже у города Архангельского и в Новегороде и во Пскове и в иных порубежных городех и отпускать их во свои земли без задержанья [1]).

68. На Москве и у города Архангельского и в Новегороде и во Пскове и на Вологде и в Ярославле и во всех городех всем иноземцам в домех своих и в лавках больших и никаких весов не держать и товаров своих и руских им в домех своих и в лавках не весить, а весить им всякие заморские и Руские товары, в таможнях.

71. А будет у коего иноземца сыщут большие весы и за то на них имать великия пени.

72. Который иноземец привезет из-за моря золотые и ефимки и ему с того пошлин не платить и что на золотые и на ефимки купит какого товара и то ему везти во свою землю безпошлинно.

73. А золотые все и ефимки, которые привезут из-за моря, у города Архангельского и в Новегороде и во Пскове и во всех порубежных городех отдавать их в казну в. г-ря, приняв у иноземцев, а имать за них деньги Руские мелкие золотой по рублю, а за ефимки Любские по полтине, по 14 ефимков в фунте [2]). А рускими деньгами у иноземцев старого долга никому не имать.

---

[1]) Оказавшиеся в излишке сверх таможенной выписи товары конфискуются (угроза конфискацией встречается в уставе очень часто).

[2]) За утайку с незаявившего пеня: „от всякого ста золотых и ефимков по 10 без денег“. А за тайный провоз их к Москве конфискация (п. 74).

77. А которые иноземцы из-за моря Кизылбаши, Индейцы, Бухаряне, Армяне, Кумыки, Черкасы и Астараханские жильцы, иноземцы ж всякие, поедут с товары своими к Москве и в иные городы и с тех иноземцев имать с продажных их товаров пошлин по гривне с рубля в Астарахани проезжих; а буде он станет торговать в Астарахани и с них имать пошлин по 10 денег с рубля [1]).

79. А золотых и ефимков им не покупать и Руским людям под заповедью Кизылбашам не продавать; а буде у них сыщут золотые и ефимки, имать на в. г-ря, потому что они многое золото и серебро из Московского государства вывозят [2]).

83. На Москве и в городех всех земель иноземцам никаких заморских товаров врознь не продавать и по ярманкам им ни в которые города с товары своими и с деньгами не ездить и прикащиков не посылать [3]).

85. От города Архангельского и из Великого Новагорода и Пскова пропущать к Москве и в иные городы тех иноземцев, у которых будут великого государя жалованные грамоты о торгах, за красною печатью [4]).

87. А узорочные товары великого государя в казну и всякие заморские вина на обиход учнут подряжать у города и покупать, как в-го г-ря казне прибыльнее и к покупке лучше, кому в-й г-рь укажет, и посылать

---

[1]) При обратном вывозе из России русских товаров с них взимается в Астрахани „пошлин проезжих по гривне ж с рубля“ сверх пошлины в Москве: „а пошлина им платить на Москве по прежнему, по 10 денег с рубля“ (п. 78).

[2]) „Также и с Гречан и с Волохов и с Мутьян и с иных иноземцев тамошних краев“ пошлина с товаров по гривне с рубля (п. 80); но „будет те Гречане станут торговать в Путивле на золотые и на ефимки“, то им представляется безпошлинная торговля со взятием золотых в казну по 1 руб., а ефимков по полтине (п. 18), при мене же на руские товары в Путивле они платят „с их Греческих товаров по 10 денег с рубля“.

[3]) Под угрозой конфискации (п. 84)

[4]) Без этих грамот „тех иностранцев к Москве и в иные городы не пропущать, торговать им у города Архангельского и во Пскове“ (п. 86).

к Москве с Рускими людьми, а не с иноземцы, чтоб своевольные их к Москве приезды для многих ссор отставлены были.

88. Для многих волокит во всех праказех, купецких людей пристойно ведать в одном пристойном приказе, где в-й г-рь укажет своему государеву боярину, который бы приказ был купецким людям во всех порубежных городех и в иных государствах о проездах обороною и во всех городех от воеводских налог купецким людям был защитою и управою.

89. А кому купецким людям лучится побити челом в-му г-рю о своих обидах на кого ни есть, на всяких чинов людей, и чтоб всем купецким людям давати суд и управа на тех людей в том же в одном приказе непременно, чтоб купецким людям, волочась по многим приказам, промыслов своих не отбыть и чтоб всякой торговый промысл без волокит множился и в том в-го г-ря казне будет в пошлинах немалое пополнение.

90. Со всякие рыбы и с соболей на Москве и в городех имать по 10 денег с рубля за все мелкие статьи: подужное, мыты, и сотое, и тридцатое, и десятое, свальное, складки, и повороты, и статейные, и мостовое, и гостиное и иные всякие мелкия статьи отставлены и положены в рублевую пошлину.

91. Подо всякие товары наймуются от купецких людей в извоз государевых дворцовых и монастырских сел и всяких чинов крестьяне и дают в тех товарех в довозе и во всякой хитрости записи и против тех записей многие извощики товаров не довозят и по городам крадут и чтоб в тех недовозных товарех по записям давати суд и полную расправу на Москве и по городам таможенным головам в таможнях на всех извощиков, кто чей ни будь, которые под товары наймоваться учнут, чтоб волочась за тем по разным приказам, купецким людям промыслов своих не отбыть.

93. Да на Москве и в городех Великия России и в слободах и в улицах и в посадех и в уездех всех чинов над беглыми людьми, в приходе и в пристани прихожих новых людей, в-го г-ря ц. в-ва воеводы и приказные люди остереганье имеют; а для всяких ремесленных людей и промышленников во всяких торгех, в черных слободах сотские и всякие и десятские крепко бы всем жилецким людем заказ чинили, чтоб никто приезжих и прихожих людей без объявки и без записи у себя не держали. А кто скажется, каким ремеслом или торговым промыслом захочет кормиться, и в тот бы чин записался и дал от себя на год, а больше и меньше года по расчету, по чему где уложено будет; так же и товаров мимо извычайных рядов и лавок в порозжих местех нигде не продавали б и тем бы ряды не оскужали и лавочные люди в убожестве не были б.

94. Да в порубежных же городех, как на больших ярмонках у города Архангельскаго, так и в Новегороде и во Пскове и в Казани и в Астрахани, в приезде от кизылбаш и от армян и от греков в Путивле и из литовския стороны в Смоленске, головам и целовальникам в летних и в зимних привозех у иноземцев распрашивать и пересматривать в сундуках и в ларцах и в ящиках жемчугу и каменья неоплошно, чтоб ничто всяких узорочных вещей в утайке не было и таковых от покупки и от мены на руские товары беречись, так как и в иных государствах берегут серебро, а излишния такия вещи покупать забороняют и у простых нечиновных людей в ношении под заповедью отнимают, чтоб в убожество от того не приходили; так же и дорогия от шелку и от сукон поставов простые и низких чинов люди не носили и о том держать по указу в-го г-ря от покупки простых людей накладною пошлиною большою и заповедью без пощады, а того берегут во всех государствах и от напраснаго убожества своих людей хранят.

Из отчета о совещании московского правительства с гостями относительно предложения голландского посла фан Кленка в 1675 г. [1]).

И договоры и ответные писма гостям чтены. И гости, выслушав, говорили: те де договоры о шолковом деле, по указу ... г. ц. и в. к. Алексея Михайловича... наперед сего им объявливаны и про то им ведомо и мнитца им, что от того промыслу царского величества казне прибыль будет не малая [2]), а что де Галанской посол в ответных своих писмах написал, чтоб Галанцом и Амбурцом и иных государств торговым иноземцом к Москве и чрез Московское государство в Астрахань и в Персиду дать поволной проезд и новой торговой устав для многово числа их иноземсково приезду

---

[1]) Голландский посол Кунраад фан-Кленк был прислан в Москву с поручением втянуть Россию в войну, которую в то время вела Голландия с Францией. Союзник Голландии, Бранденбург (будущая Пруссия), подвергся нападению французской союзницы, Швеции. Предполагалось добиться выступления Москвы против шведов путем предоставления ей за это Лифляндии, Карелии и устья Невы. Не получив согласия Москвы, связанной войною с Турцией за Приднепровье, Кленк перешел к предложениям торговым: допустить голландцев к транзитной торговле с Персией, разрешить им такую же торговлю с Китаем через Сибирь, отменить Новоторговый устав 1667 г. и дозволить закупку хлеба. Все эти предложения встретили отказ, при чем было созвано совещание гостей для выяснения их взглядов, выдержка из протокола которого здесь приводится. Гостям было предложено после совещания подать „сказку“, т.-е. докладную записку, текст которой напечатан в П. С. З., т. I, № 539 (приложение) и в С. Г. Г. и Д., IV, № 105. Протокол полностью напечатан в „Посольстве Кунраада ф.-Кленка“, СПБ., 1900, стр. CXLIX.

[2]) Бояре напомнили гостям, что „в прошлом во 175 году учинен договор с Армяны, с Степаном Ромодамским да з Григорьем Луспковым, что им шолк-сырец, с которым ис Персидские земли они, Армяне, и кизылбаши ездят и торги с иноземцы немецких реш имеют чрез Турское государство, привозить на продажу в Московское государство, а чрез Турское государство тот торг отставить. А потом в прошлом же во 181 году о том же торгу учинен новый договор с ным же Григорьем Лусиковым“. Жалованная грамота армянской компании (С. Г. Г. и Д. IV, № 56) обязывала их привозить в Россию: 1) „сырцу-шолку все полное

отставить и пошлину с них уменшить и бутто тот устав учинен не к прибыли царского величества казне, но к прибыли малого числа самолюбных человек и то де он приписывает и вину прикладывает к ним, гостям, не делом, потому что новой торговой устав великого государя казне в пошлиных зборах учинен к великой прибыли, так же и они, гости и всего Московского государства торговые люди, учали промыслы иметь и в торговых промыслех заводитца и час от часу полнитца с того числа, как новой торговой устав учинен и впредь того уставу никоторыми мерами отставить немочно, потому что без него царского величества казне в пошлинных зборех недоборы, а им, гостям и всем Московсково государства торговым людем, будет изнищение великое и промыслы их изсякнут, а завладеют теми всеми промыслами их приезжие торговые иноземцы и к городу ефимков в вывозе не будет противу того, как было до нового торгового уставу лет за 10, что привозу ефимков нималого не было [3]). А волного де приезду к Москве и чрез Московское государство в Астарахань и в Пер-

---

число, сколько пудов на всякий год в Персидской земле у всех промышленных людей сделано будет"; 2) „другие дальние пути отставить" и прежних договоров с др. государствами не заключать; 3) при непродаже в России, если „похотят везть за море, и им те товары за море везть вольно", но с заморскими товарами и выручкой возвращаться через Россию же, чтобы Москва не лишалась пошлины. Исполнение договора было задержано восстанием Разина, а созванные гости заявили, что следовало бы разрешить лишь обмен шолком на товары с русскими и тогда ефимки оставались бы в России (С. Г. Г. и Д. IV, № 81). В возобновленном договоре 1673 г. пропуск армян за море был, поэтому, ограничен (С. Г. Г. и Д. IV, № 83). Большого значения договор фактически не имел, так как армяне его не выполнили.

[3]) Отзыв Кленка в русском пересказе: „так же бы и новой торговой вредной устав отставить, которой по се время малой образ в пошлинах ц. в-ва казне, но к великому утеснению посполитых купецких людей и к совершенному разорению купецких промыслов и ко отгнанию всяких чюжеземцов точию х корысти некоторого числа самолюбивых человек, и тогда бы могл весь шолк и иные Персидцкие товары, которые с великими трудами

сиду дать не возможно, потому что за морем торговые иноземцы, так же и в Персиде Армянья и кизылбаши в торговых промыслах имеют заводы и пожитки самые великие и естли иноземцом в Персиду ездить будет невозбранно и они, приехав в Персиду с товары своими, учинят с армяны и с кизылбаши договор, что иноземцам в будущие годы привозить товары на Персидцкую руку, с Армяном и с кизылбашом про иноземцов товары изготовить, какие им надобны, и договорясь, учнут съезжатца и торговать меж собою, а Руских людей до покупки и до промыслов к Персидцким товаром не допустят и принуждены они будут Персидцкие товары купить у них, иноземцов, с прибавочною ценою, а не так, как они ныне купят у кизылбаш и у Армян.

И бояре гостям говорили, чтоб в то время, как по указу великого государя всех государств торговым иноземцом чрез Московское государство в Персиду и ис Персиды к Архангельскому городу и за море дан будет волной проезд и иноземцы, как Галанцы и Амбурцы и Агличане и иных государств, так и Кизылбаши и Армянья учнут промыслы и съезды меж собою в торгах иметь и с товары в оба пути ездить кампаньями, и они б, гости и все Московского государства торговые люди, к ним в склады пристали и торг имели вопче и были во всем им третьими товарыщи и оттого им в торговом промысле помешки и безторжиц не будет.

И гости говорили, что заморские иноземцы и Армянья и кизылбаши люди богатые и торги имеют великие, а они люди маломочные, пожитки у себя и торговые промыслы имеют против их самые малые и затем с ними складов им иметь будет немного, потому что

и проторами чрез Турскую землю трудными путьми кизылбаши возят, обратились в государство в. г-ря нашего, его ц. в-ва, и послышав о том, учали сверх того многие товары привозить из государств и Индейского могала и иных многих принадлежащих к нему".

они учнут их ставить ни во что и мочью своею и богатством от Персидцких и от заморских товаров, которыми они ныне в Астарахани и в Персиде торгуют, отлучат; учнут у Персидцких торговых людей те товары на золотые купити и на свои товары выменивать они, иноземцы, а их, гостей и всех Руских торговых людей, купить тех товаров не допустят.

... Да бояре ж гостям говорили... Да они ж бы у города торги имели кампаниею и на товары свои клали цену общим заговором под жестоким подкрепленьем, как межь иноземцы у города жь водитца, чтоб впредь от иноземцов в том им тесноты, а великого государя казне в пошлинном зборе умаления не было.

И гости говорили: ... чтоб Руским людем о товарах заговор иметь и торговать и на товары цену накладывать кампаниею и то де дело нестаточное, для того что обыкновенья таково межь Рускими людьми напеactive сего не бывало и ныне такой твердости межь ими уставить никоторыми мерами немочно, потому что иноземцы приезжают со многими товары небольшие люди, а Руские люди многим числом всякой с своим товаром, что у кого есть и поползновение и всякая нетвердость бывает от молодчих людей... Как в прошлом во 175-ом году был из них у города Аверкей Кирилов и в то время к такому ж кампанейному делу покусился и с Рускими людьми, на юхотной товар наложа цену, договорился, что никому особо с иноземцы торгу не сводить. И было до того договору две недели, а после того, не дождався последних кораблей, молодчие люди свои товары распродали и договор поставили ни во что. Так же де и ныне им нетокмо меж молотчими людьми и меж собою совершенной твердости никоторыми мерами не уставить.

И бояре говорили, что укажет в. г-рь у того кампанейского договору быть особому гостю и смотреть того всякими мерами, чтоб ис того договору и кампанеи нихто не выступал и без общаго совету с ино-

земцы не торговал, а естли хто так учинит и у него товары и животы все укажет в. г-рь побрать на себя, г-ря.

И гости сказали: есть-ли де такой ц. в-ва указ будет и то де дело, хотя сперва, за необыклостью, и трудно покажетца, однако ж познают и с того общего торгу прибытки будут, то держать постоянно, потому что тому делу приклад явной, как в прошлых годех, по указу блаж. пам. в. г-ря, имали юхотный товар у всех торговых людей в его, в. г-ря, казну и продали у города и в то время иноземцы купили по 6 рублев с полтиною пуд, а иное и менши. А как устроена будет кампания и в то время по тому жь будет всякой товар, что в однех руках.

Из донесения подъячаго Мих. Тарасова в 1681 г. о притеснениях русским торговым людям в Швеции [1]).

Русских людей новогородцов, олонченов, тихвинцов было в Стекольне при его, Михайлове, приезде с русскими разными товары человек с 40 и больши. И из того числа многие, мало не все, при нем же Михайле из Стекольни выехали. А сказывали ему Михайлу русские торговые люди, что им в торговом деле, будучи в Стекольне, пред прежним чинится великая обида. О чем королевскому величеству и ближним его кор. в-ва людем на свеян бьют челом в каких обидах и по тому челобитью никакой расправы им не чинят и ни во что их, русских людей, не ставят.

---

[1]) „Русский Вестник", 1889 г., январь. Е. Замысловский „Сношения России со Швецией и Данией". Опрошенные московским правительством новгородские, ладожские, тихвинские и псковские торговые люди показали в 1673 г., что им „в Стекольне повального торгу нет, в рознь ничего продавать не дают и с иноземцами, которые в Стекольне приезжают и их свейские иногородные уездные люди, и им с теми приезжими людьми торговать не дают и малых статей, а велят торговать в неволю с тутошными посадскими людьми грудным делом, а в рознь ничего не сметь" (Курц, „Сочин. Кильбургера", с. 391).

Из мемориала польского посла Карловича [1]).

... король не может забыть, что за год пред сим [2]) его царское величество изъявил намерение, при содействии его королевского величества, возвратить от Швеции стародавние русские области, дарованные ему богом и правом, и только вследствие внутренних неустройств отторгнутые от московского государства в начале нынешняго столетия.

Хотя уже тогда его королевское величество готов был без всякого прекословия заключить положительный союз, но сам российский государь, вникнув в состояние Речи Посполитой, признал неудобным начинать столь важное дело прежде, чем установится в Польше твердое правительство, которое ручалось бы в надежном содействии его намерениям.

Ныне, когда всемогущий бог благословил мудрыя меры короля к возможному успокоению Речи Посполитой и недавно бывший примирительный сейм искоренил все причины раздора, его королевское величество имеет возможность оказать деятельную помощь в справедливом требовании его царского величества и тем более надеется на успех, что политическое положение Европы наилучшим образом тому благоприятствует [3]). Для этой цели приняты меры вовлечь польскую республику в войну со Швецией так, что никогда высокославным предкам его царского вели-

---

[1]) Генерал Карлович был послан в 1699 г. в Москву польским королем и саксонским курфюрстом Августом II для заключения союза против Швеции. Устрялов, „История царств. Петра В.“, СПБ., 1858, стр. 332.

[2]) Возвращаясь в Россию из Вены, Петр в 1698 г. встретился в Раве с польским королем.

[3]) Готовилась европейская война за испанское наследство между Францией, с одной стороны, и Австрией, Англией и Голландией, с другой. Предполагалось, что Франция будет лишь рада отвлечению внимания северных государств началом Балтийской войны, а что касается до ее противников, то „Англия и Голландия без сомнения громко закричат на расстройство торговли. Посему необходимо в самом начале войны удостоверить

чества не было столь удобного времени утвердиться при Балтийском море; едва ли представится подобный случай и в последствии, в продолжении многих веков.

Теперь от его царского величества зависит извлечь необъятные выгоды, достигнуть всемирной славы, завести цветущую торговлю с Голландиею, Англиею, Испаниею, Португалиею, со всеми северными, западными и южными странами Европы, а что всего важнее и чего ни один государь не в состоянии был сделать, открыть чрез Россию торговый путь между востоком и западом, с исключительным правом на все выгоды [4]). Этим средством его царское величество войдет в ближайшие связи с первыми монархами христианскими; приобретет значение и вес в общих делах Европы, учредит грозный флот и, поставив Россию на степень третьей морской державы, принудит французского короля отказаться от мечты о всемирной монархии; чем скорее, нежели покорением турок и татар, прославится во всем мире.

их, что торговля нисколько не пострадает, даже процветет более прежнего, потому что все преграды, которыми шведы затрудняли ее в Лифляндии, будут уничтожены. Имея в виду одни торговые выгоды, голландцы, конечно, не захотят разорять себя для шведов" (мемориал Паткуля; см. Устрялов, стр. 314). За три месяца до заключения русско-польского договора был заключен в Москве союз с Данией.

[4]) По плану лифляндца Паткуля (подготовившего заговор лифляндского дворянства, недовольного распространенной и на Лифляндию „редукцией", т.-е. отобранием захваченных дворянством государственных земель), надлежало внести в договор с Москвой „обязательство царя помогать его кор. в-ву деньгами и войском, в особенности пехотою, очень способною работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля, чем сберегутся войска его кор. в-ва... Кроме того, трактатом необходимо, в известных случаях, крепко связать руки этому могущественному союзнику, чтобы он не съел пред нашими глазами обжаренного нами куска, т.-е. чтобы не завладел Лифляндиею", почему и следовало „объяснить историей и географией, на какие земли могли они простирать справедливые притязания, т.-е. не далее Ингерманландии и Карелии", так как, овладев Нарвой, Петр „легко овладеет Ревелем, потом всею Эстляндией, наконец, со временем и Лифляндиею". Август II разделял точку зрения Паткуля.

Из донесения русского посла в Константинополе о заключении мира с Турцией в 1700 г. [1]).

Говорили мы здесь о торговой статье сухим путем, также и на кораблях царского величества Черным морем. И неприятель не токмо место сему, но и назриться на себя не дал, говоря, что Черным морем и кругом его всеми берегами владеет один салтан, а инаго государя к тому морю никакого владения, ни места нигде не было и ныне нет. И того ради и ныне и никогда плавания по Черному морю Московским кораблям и никаким судам для торговли от оттоманского государства повелено не будет, понеже от веков никто из иных народов при владении Турском не имел на том море плавания. Просили де у них с великим прилежанием изстари многажды и ныне еще просят Французы, Англичане, Голландцы и Венеты, дабы поволено было иметь плавание кораблям их во Европе на Черном, а во Аравии на Чермном морях, купечества ради. И в том им Порта издревле отказывала и ныне отказывает же, говоря, чтоб они никакой в том надежды не имели и впредь того не просили, понеже позволено им то никогда не будет; а тем морям владетель один салтан, а иной при нем владетель никогда быть не может. И имеет де государство Оттоманское те моря яко чистую и непорочную девицу, и не токмо иметь на них кому плавание, но и прикасатися никого никогда не допустят; и такое у Порты крепкое намерение никогда и ни для чего не отменится и лучше пустить салтану кого во внутренняя своя, нежели поволить иных народов плавание кораблям по тем морям; или разве тогда учинится иных народов по тем морям плавание, когда уже империя Турская вверх ногами обратится. И ныне де, за посред-

---

[1]) После взятия Азова в 1696 г. и своей заграничной поездки Петр отправил в Константинополь для заключения мира с турками думного дьяка Емельяна Украинцева.

ничество Карловицкое миротворное [1]), крепко домогались у Порты Англичане, а наипаче голландцы, чтоб поволено кораблям их иметь, купечества ради, плавание по Черному морю и в том им Порта отказала ж и то прошение их отставила.

И я, видя их в том такую упорность, тою торговою статьею сего мира остановить не посмел потому, что в указе великого государя и в твоем, государя моего, письме писано: велено мне всякими мерами радеть о совершении мирном [2]). И хотя с трудностью, однакож в мирных статьях написали мы, что о той торговой статье имеет договор чинить торжественный посол, который придет от царского величества к Порте для подтверждения сего мира. А слышали мы здесь от Иерусалимского патриарха, что везирь сие перемирное дело, для славы своей, перенял на себя; а Английского и Голландского послов к сему делу не припустил для того, чтоб они по совершении сего дела не учали у них за то паки просить торговли своей на Черном море.

Марпергер о значении балтийской гавани для России.

... На это же указывал недавно всеподданнейше переданный мною его величеству, королю прусскому, мой проект, в котором было показано, как легко можно бы основать в королевском прусском столич-

---

[1]) На конгрессе в Карловицах в 1698 г. Англия и Голландия были посредницами в заключении мира между Турцией и Австрией, союзницей Петра, но ничего не сделали для такого же мира между Турцией и Россией. В их интересах было дать возможность Австрии выступить против Франции в войне 1699 г. за испанское наследство, но оставить Турцию воевать с Россией.

[2]) В конце 1699 г. Петр писал Украинцеву: „толь зело, зело нужно нам, что б мы про сие доканчание ведали в генваре месяце и сие как наискорее сделай“. На другой день по получении от Украинцева сообщения о заключении мира, Петр послал новгородскому воеводе указ об объявлении войны шведам и вступлении в их пределы.

ном и торговом городе Кенигсберге складочный пункт для восточных купцов и доставить государству и стране короля неописуемую пользу, что кроме меня утверждает и заслуженный прусский королевский советник, г. Иоганн Рейер (совершивший различные поездки в Москву в качестве посла курфюрста Бранденбургского); была указана и область, всего в несколько миль, которая оставалась единственной помехой сообщениям, могущим быть учрежденными из Балтийскаго моря с Черным и Каспийским морями через различные реки. На севере Москва располагает так называемым Белым морем, у которого расположены прекрасные торговые города св. Николая и Архангельск. С запада она не далеко от Балтийского моря и, если она, особенно, удержит на нем гавань, то это значительно увеличило бы ее торговлю [1]).

Из рассуждения Петра о причинах Северной войны.

Еще вящшие объявляют, что при Нарве с прочими взят был в полон доктор Григорей Корбонарий, который ясно сказывал, что Шведы давно имели намерение к войне против Россиян и сделан был проект, чтоб Новгород, Псков, Олонец, Каргополь и город Архангельской завладеть, дабы с иностранными

---

[1]) Marpergers „Moscowitischer Kauffmann“, Lubeck, 1705; стр. 51. Марпергер,—образованный коммерсант и один из первых немецких экономистов, член Берлинской академии наук, автор многочисленных сочинений о торговле и экономике современной ему Европы. Под городом св. Николая подразумевается гавань в устье Сев. Двины.

Еще в 1697 г. шведский посол или агент в России и Персии, ездивший в Персию в 1683 г., „Фабрициус не жалел трудов уговорить персов, о чем его умоляли жители Нарвы, всегда ездить через Нарву и рекомендовал это дело настойчивому вниманию камер-коллегии“. (De la Gardiska archivet, том IX, стр. 49). С другой стороны, указом Сенату от 2 марта 1711 г. Петр предписывал „персидской торг умножить и армян как возможно приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда“ (П. С. З., IV, № 2330).

областьми весьма купечество пресечь, которые его слова тогда междо веры и недоверия приняты. Но потом, когда Рига и Ревель взяты, то от многих, из их же подданных и пленных, о том подлинное свидетельство явилось, что, конечно, такое их намерение было давно, но ожидали способного времени... Однакож, по двух или трех годах подлинно хотели начать войну, хотяб и наша не предварила. Того ради разсуди, кая была всегдашняя злоба сих соседей еще при начатии рощения Российской славы и введения добрых порядков!.. Помысли, егда отдачею на сем крае моря допустим так злобного соседа паки внутрь себя, то какова добра впредь ожидать имеем [1])?

---

[1]) Одним из сподвижников Петра, подканцлером Шафировым, издано было в 1717 г. „Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр I к начатию войны против короля Карла XII Шведского имел и т. д.“. Петр вставил в эту книгу собственноручно написанное им рассуждение, частью здесь приводимое (см. также Устрялов, I, приложение № 4), в котором он оправдывает вступление в утомительную и затянувшуюся северную войну (1700—1721 г.г.).

Объяснительный словарь [1]).

Амборский, анбурский — гамбургский.

Безь — толстая бумажная ткань, восточной выделки.

Бирич — бирюч, глашатай, оповещавший население.

Бораборцы — см. борабонские.

Бонделера — бандельера, патронная лента через плечо, к которой привешивались „берендейки“, т.-е. вмещавшие по одному заряду деревянные трубочки.

Борабонские — бораборские, — брабантские, т.-е. из провинции Брабант в Нидерландах (ныне центральная область Бельгии).

Братья — „его братья гостей“, т.-е. такие же, как он сам, гости.

Буды — или будные станы, — поташные заводы.

Буса — персидское каспийское судно, срубленное из бревен, с острыми углами, широкое посредине.

Бязь — см. безь.

Вандыш — снятоk (рыба).

Венеты — венецианцы.

Весчее, вещее — сбор при взвешивании товара.

Вещие, весчие — товары, продававшиеся на вес.

Возничее — одна из торговых пошлин, по мнению Осокина тождественная с „осмичним“ и взимавшаяся с цены продаваемых товаров.

Вор — государственный преступник, изменник; своровать, — совершить государствнное преступление (нашему значению слова „вор“ соответствовало „тать“); наконец, вообще преступник.

Вывет — изъятие, исключение.

Выть — пространство пашни из 12 четей (полудесятин) „доброй“, 14 „средней“ или 16 „худой“ земли в каждом из трех полей, служившее единицей обложения государственными податями и повинностями.

Вязщики — перекупщики, маклаки: вяжут вязку, — сговариваются о цене.

Головщина — сбор, взимавшийся с проезжих при проезде мимо таможенных пунктов, но не с товаров, а с числа лиц, сопровождавших возы или судно.

---

[1]) На стр. 109 осталось по недосмотру непереведенным слово clapboard, т.-е. бочарные доски.

Горою — сухим путем.

Гостиное — сбор или пошлина с иногородних и иноземцев, обязанных останавливаться на гостиных дворах.

Гость — первоначально купец вообще; затем звание крупнейших капиталистов XVI — XVII вв.

Гривенка — равнялась полуфунту для дорогих товаров, золота, серебра и т. п., но фунту для хмеля, олова и пр. „В фунте одна большая гривенка, а малых в фунте 2 гривенки, а золотников 96 в фунте". (Торговая книга 1575—1610 гг.). В гривенки продавать — в розницу.

Грудным делом — оптом.

Двоеморховый — с двойным ворсом.

Деловцы — люди деловцы или деловые люди, — работники, рабочие.

Державец — правитель, губернатор.

Дороги — „дараги," восточные (персидские и др.) шелковые ткани, полосатые, клетчатые или струйчатые, шитые золотом и серебром.

Дощаник — плоскодонное палубное речное судно; набойный — т.-е. с приставными бортами.

Дукат — венецианская монета, в середине XVII в. равная в Москве 1 рублю.

Дьяк — гражданский правительственный чиновник в учреждении; дьяк думный, — докладчик и секретарь боярской думы.

Еренка — сукно **еренга,** т.-е. ирландское.

Ефимок — иоахимсталер, наиболее распространенная немецкая серебряная монета.

Живот — имущество; также жизнь.

„Заказ крепкой" — строгий запрет.

Заказано — запрещено.

Закупни — агенты по скупке, закупщики.

Замыт — „мыт есть пошлина за один проезд с товаром, замыт—пошлина за проезд с правом торговать" (Осокин); был всегда одинаков, независимо от рода товара, пути купца и места приезда, — деньга с рубля.

Занже, занеже — так как, потому что.

Заповедные товары — объявленные монополией казны.

Заповедь — запрет, штраф.

Зарукавники, зарукавы, запястье — обшивка рукавов, пристегивавшиеся или пришивавшиеся к ним украшения.

Заспа — ячневая или овсяная крупа.

Затинщик — стрелок из „затинной пищали", т.-е. большой пищали, стоявшей внутри укрепления и являвшейся уже не ручным, а артиллерийским орудием.

Зауморщина — выморочное имущество; зауморщики, — отбиравшие его должностные лица.

Зелье — порох; порошок, лекарство.

Зуб рыбий — моржевые клыки.

Зуфь — шерстяная материя (от арабского „суф").

Изошлый — умерший.

Ино — так как.

Ипское, ипрское — сукно из г. Ипра на реке того же названия во Фландрии (область Бельгии).

Истома — вред, ущерб.

Кабала — долговое обязательство; в зависимости от способа обеспечения долга: кабала ростовая (под %), закладная (под залог), поручная (под поручительство), служилая (под отработку %), обязывавшая отрабатывать до смерти кредитора, т.-е. делавшая должника временным холопом.

Кадашевцы — жители подмосковной кадашевской слободы, занимавшиеся ремеслом и торговлей и представлявшие особую корпорацию.

Камка — шелковая цветная узорчатая ткань, преимущественно восточной выделки (от персидского „камха").

Каразея, карза — довольно грубое сукно английской выделки (Kersey в графстве Кент).

Кизилбаши — персы.

Киндяк — название крашеной бумажной набойчатой ткани, шедшей на кафтаны, запавесы, мебель.

Кита — пук, связка.

Костки — мелкая проезжая пошлина, взимавшаяся не с товаров, а с людей, проезжавших через мыт (род „головщины").

Котлы — складчина, торговля на паях; также и самый приобретенный в складчину товар.

Крепость — клятва, присяга, грамота.

Кружечный двор — питейный дом.

Кулащик — „кулак", перекупщик, скупщик.

Купы — древнее название денег, которыми были первоначально меха.

Купчина — купец; разъездной агент для продаж и закупок, комиссионер.

Куфа — сосуд.

Куфтерь — особый сорт камки.

Лал — рубин, красный яхонт.

Ласт — мера емкости разного веса в зависимости от рода товара. „В ласте 12 бочек, а бочка по 6 пуд.". (Торговая книга 1575—1610 гг.). Ласт хлеба равняется 20 московским четвертям, весившим в первой половине XVII века чаще около 5 пудов.

Лодья — большое безпалубное как речное, так и морское судно.

Локотные товары — продававшиеся на меру длины.

Локоть — „локоть 10 вершков и 2 $2/3$ вершка, 2 аршина будет 3 локтя". (Торговая книга 1575—1610 гг.), но были разные по длине датские, голландские, любекские, рижские и пр. „локти".

Лунское, лундыш — сукно из Англии, лондонское.

Лутчие люди — лучшие, в значении наиболее богатой и зажиточной группы посадских противопоставлялись „середним" и „молотчим людям", т.-е. среднего достатка и наименее зажиточным.

Мережа — рыболовная снасть.

Месным делом — в розницу.

Мех соли — рогожный куль, насыпанный солью.

Мних — монах.

Молодший человек — см. „лутчие люди".

Московка — в добавление к новгородской валюте с начала XVII века возникла московская серебряная деньга, вдвое меньше „новгородки". 200 „московок" составляли рубль (по 8 долей каждая).

Мостовщина — сбор и с проезжих, и с товаров при переезде через мосты, от которого освобождались дворяне и служебные лица, если они ехали без товаров, а также иноземцы.

Мотчанье — медленность, задержка.

Мыльня — баня.

Мыт — главная таможенная пошлина при проезде через мосты, перевозы и пр., а также самые таможенные заставы (мыты).

Насад — плоскодонное речное судно крупных размеров с высокими „насаженными" бортами.

Немец — иностранец вообще; „англинские, свейские, барабарские немцы", т.-е. англичане, шведы, нидерландцы.

Новгородка — более древняя серебряная валюта, существовавшая позже некоторое время наряду с новой московской, насчитывала 216 денег „новгородок" в рубле (по 18 долей каждая).

Объярь — плотная шелковая волнистая ткань с золотыми и серебряными струйками и узорами.

Однорядка — верхняя долгополая одежда с прорезными рукавами, из сукна или другой шерстяной материи.

Окольничий — второй думный чин (первый — бояре; третий — думные дворяне; четвертый — думные дьяки); первоначально придворный квартирмейстер при разъездах и походах великого князя, впоследствии же звание.

Ошшка — обман, утайка.

Опасная грамота — выданная правительством охранная грамота на время поездки.

Остуда — опорочение.

Отлас — атлас, гладкая блестящая шелковая ткань.

Охапка — судно.

Письмо и мера — при составлении писцовых книг отмечалось, кто производил перепись земли, дворов и населения, чьих „письма и меры" они были.

Пищаль — старинное ружье с фитильным, позже кремневым запалом.

Поворотное — торговая пошлина за право продажи в городах с возов, по одному толкованию; пошлина с покупщика при вывозе купленного товара с гостиного двора, — по другому.

Подвозка — лодка при более крупном судне.

Подъемное — пошлина, иногда дополнявшая весчие сборы и взимавшаяся и с продавца, и с покупателя, преимущественно при продаже крупными партиями (при подъеме на весы).

Подъячий — мелкий канцелярский служащий.

Подклетное село — дворцовое село.

Полатник — член городского совета (относится к прибалтийским ливонским, позже шведским городам).

Полная грамота — свидетельство о покупке человека в полное холопство.

Полница — (в полницу человека купить) полное холопство, т.-е. рабское состояние.

Полоть — кусок, пласт.

Померное — сбор или пошлина при измерении количества товара.

Поминок, упоминок — подарок, взятка.

Портище — отрез материи, количество ее, нужное на платье.

Порудить — отменить, уничтожить.

Порядное — сбор, взимавшийся с цены некоторых весчих товаров, а иногда с помещения, с бочки рыбы, меха соли и пр. Взималось при приобретении местным жителем товаров для лавки, т.-е. для перепродажи.

Посад — в древне-русском городе были: 1) собственно „город“, где в черте укреплений помещались правительственные учреждения, власти, запасы оружия, „осадные дворы“ жителей на случай осады; и 2) „посад“ вне черты укреплений, где были рынки, лавки и дома торговопромышленного и ремесленного населения.

Посадский человек — житель посада, причисленный к посадскому, т.-е. торговому и ремесленному сословию.

Посаженное — см. „тамга“.

Постав — штука сукна, от 20 до 40 аршин; постав блюд, — набор блюд.

Посулы — обещания, взятки.

Потентаты — т.-е. государи, правящие особы (с латин.).

Пошев — лукошко, лубяной короб, мера сыпучих тел.

Правеж — судебное насильственное взыскание долга, часто с истязанием, повторявшимся до уплаты.

Приказы — возникшие в XV веке постоянные ведомственные учреждения, управлявшие то каким-либо делом во всей стране (международные сношения, финансы, военное дело и пр.), то несколькими делами одной какой-либо области. В половине XVII в. их было свыше 40, к концу его свыше 60.

Пропятенье — пеня за неуплату пошлин и неналожение пятна при покупке лошади.

Протамга — пеня за неявку в таможню.

Протамжить — провезти товар без предъявления в таможне.

Протаможье — таможенный штраф.

Против — в значении: согласно, соответственно.

Проторь — убыток, ущерб.

Прочет — грамота „с прочетом“, т.-е. посланная местному представителю власти для предварительного оглашения грамоты в местном правительственном учреждении и передачи ее затем тому лицу, которому она выдавалась.

Пятенная мера — т.-е. мера, снабженная удостоверяющим ее правильность казенным клеймом.

Пятно — клеймо.

Рейхсталер — немецкая серебряная монета.

Реши — т.-е. государства (от немецкого Reich).

Риксдалер — шведское название рейхсталера.

Рогозина — рогожный куль, рогожа.

Ролдуга, ровдуга или **ирха** — замша из бараньей, козлиной или оленьей шкуры.

Росольные трубы — по которым насосами накачивали рассол в варницы при выварке соли.

Рост — ссудный процент.

Ружные попы — получающие жалованье от прихода сбором продуктов или деньгами.

Рукознобное — мелкая пошлина с весчих товаров, взимавшаяся иногда вместо, иногда одновременно с „подъемным“ (см. выше).

Саадак — набор принадлежностей стрелка из лука: лук, стрелы, колчан; также футляр для лука и стрел.

Свалом продавать — оптом.

Свальное — пошлина при складывании товаров для измерения, взвешивания, помещения на гостиный двор; при продаже оптом.

Свея — Швеция (Svea).

Свейский — шведский.

Сдор шелковый — шелка, некрученый шелк для вышивания.

Северское море — Северный Ледовитый океан.

Сиверское море — Северское.

Сидеть вино — заниматься винокурением.

Сила чинится — производится насилие, обида.

Сказка — показание, отчет.

Скорлатный — сделанный из дорогой красной ткани.

Собинной — особый.

Сорок — сорок соболей, упакованных в „сорочку“, т.-е. в обертывающую их материю.

Соха — единица поземельного обложения, а затем и счета площади земли. Большая московская соха включала до 800 четвертей (существовавшая на севере более мелкая „сошка“ насчи-

тывала в разных уездах от 120 до 560 четв.) средней земли и стала в XVII веке нормальной окладной единицей.

Сошное письмо — поземельная перепись „сох“ земли, для посошного обложения.

Смолчуга — род смолы.

Стан — территория московского государства делилась на уезды, заключавшие в себе по несколько станов и волостей. Иногда стан делился на волости, иногда был той же волостью, но пригородной.

Стольники — первоначально разносившие кушанья прислужники за столом государя. Затем, чин, дававшийся обычно молодым членам родовитых фамилий.

Стряпчие — первоначально прислуживавшие государю (державшие шапку, платок, стоявшие на запятках саней и т. п.) придворные; затем, звание ниже стольников. „Стряпать“ — значило сперва делать или выделывать что-либо. Монастырский стряпчий — поверенный.

Студеное море — Сев. Ледовитый океан.

Стяг мяса, — туша.

Съезжая изба — воеводская канцелярия.

Тамга — важнейший из торговых сборов при привозе или продаже товаров на рынке, взимавшийся с цены всех товаров, кроме хлеба, а иногда с судов, — с каждой сажени длины (посаженное); по татарски это слово значило „клеймо“.

Тархан — жалованная грамота, освобождавшая духовных и светских землевладельцев от уплаты таможенных сборов.

Тарханщик — обладатель тарханной грамоты.

Тафта — шелковая ткань.

Тезики — приезжавшие преимущественно через Астрахань восточные, главным образом персидские купцы.

Тесма — узкая опояска с пряжкою и крючком.

Толмач — переводчик.

Тонна — писавшие о России в XVI — XVII вв. иностранцы употребляли это слово в значении „бочки“, т.-е. особой русской меры. сравнивая ее с „четвертью“.—„3 московских четверти составляют 2 новгородских, а 1 новгородская составляет 2 стокгольмских тонны“ (Кильбургер). См слово: ласт.

Тяглое население — не привиллегированное, крестьянское и посадское население, несущее „государево тягло“, т.-е. выполнявшее сперва натуральные, а затем денежные сборы и повинности.

Ужба — уженье, рыбная ловля.

Узолки — прикреплялись с таможенными печатями ко всем товарам во избежание безпошлинной продажи в пути. „Узолцовая“ пошлина взималась с воза всякого товара.

Узорочные товары — дорогие украшения, ценные ткани, драгоценности и т. п.

Украйные города — расположенные на „украйнах“, т.-е. в различных пограничных областях.

Усолье — местность, богатая солью и пригодная для ее выработки.

Устюжка — судно.

Утурное — сбор с судов.

Учуг — перегораживающее реку сооружение для лова рыбы.

Фряские, фряжские — итальянские; фрязин — итальянец.

Хохолок — мелкая, продававшаяся мерой рыба.

Целовальники — выборные мирские люди для несения разных податных и финансовых служб, целовавшие крест, т.-е. присягавшие.

Цка, дска — доска; меховая пластина.

Чапрак — нарядная попона, клавшаяся под седло.

Черкасы — так назывались в московском государстве приднепровские казаки (великорусского происхождения).

Шелом — шлем.

Шиффунт — „один берковец — один шиффунт или 400 фунтов" (Кильбургер).

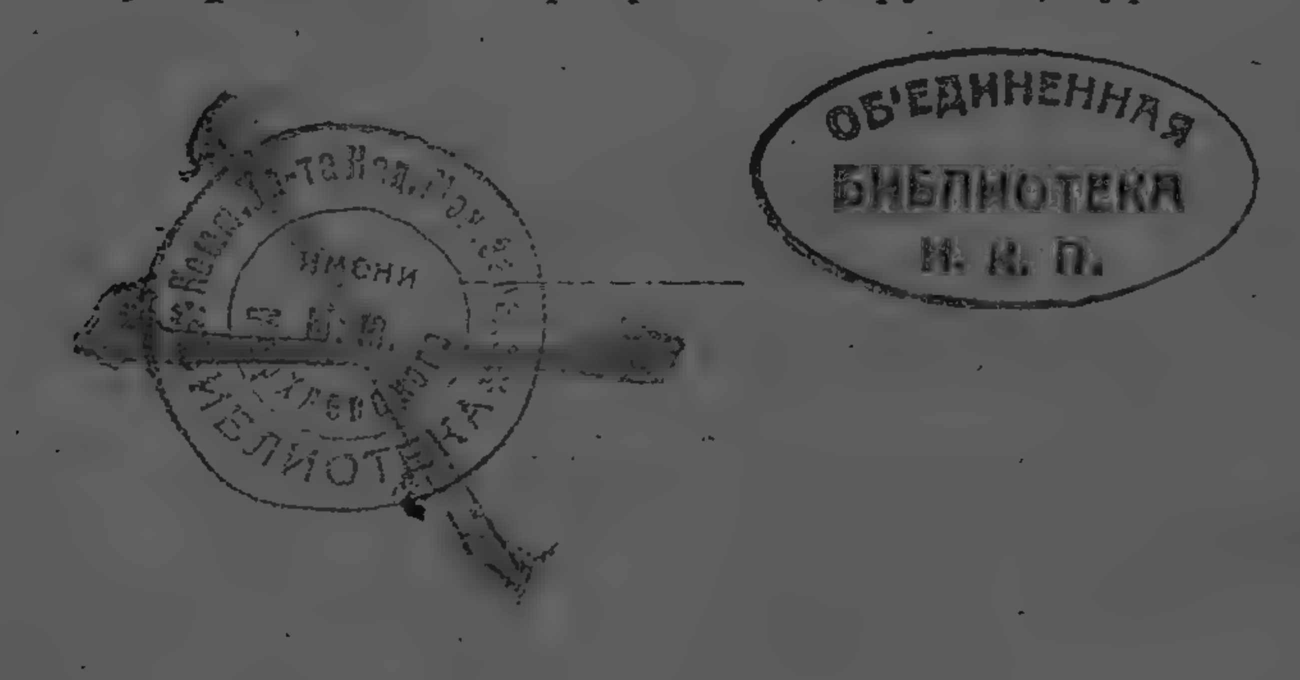
Шкота — вред, убыток.

Юфть — выделанная дубленая кожа.

Явка, явочное — сбор, уплачивавшийся при заявлении таможенникам о провозе товара, обычно лишь иногородними в зависимости от дальности пути.

Ям — почтовый пункт или станция.

Ярыга, ярыжка — чернорабочий, грузчик, бурлак и т п.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение 3
Источники и литература 11

I. Борьба за торговые пути.

1. Из описания путешествия Контарини в 1473 г. 18
2. Из грамоты 1492 г. великого князя Ивана III турецкому султану 21
3. Из наказа русскому послу в Крым в 1500 г. 23
4. Грамота Василия III турецким купцам, 1516 г. 25
5. Из жалованной грамоты Василия III датским купцам, 1517 г. . . 26
6. Из письма рязанца Зудова и азовского правителя Санчаги вел. кн. Василию III в 1521 г. 27
7. Герберштейн о Казани 28
8. О проекте транзитной торговли с Индией (из книги Павла Иовия) 29
9. Из грамоты о причинах Ливонской войны 32
10. Из дипломатического отчета 1567 г. нюренбергского купца Фейта Зенга о ливонских делах 33
11. Письмо ревельцев к датскому королю в 1560 г. 35
12. Из письма „царского комиссара“ в Нарве, Иеронима Линде, к корсару Роде, 11 июня 1570 г. 36

II. Русский рынок в XVI веке.

13. Таможенная Белозерская грамота 1497 г. 37
14. Герберштейн о русской торговле 40
15. Из царской грамоты в Дмитров об отмене тарханов в 1549 г. . 44
16. Из таможенной Белозерской грамоты 1551 г. 46
17. Из отчета Чэнслера о своем путешествии 1553 г. 47
18. Из письма Джона Хасса в 1554 г. 48
19. Из таможенной Весьегонской грамоты 1563 г. 52
20. Из летописного отрывка 1563—1567 г.г. 55
21. Штаден о ярмарке в Холопьем 56

72. Из показаний московских торговых людей в 1660 г. о причинах вздорожания съестных продуктов 207
73. Из „сказки“ 1662 г. о причинах дороговизны 209
74. Об отмене тарханов из грамоты Старорусскому воеводе в 1672 г. . 212
75. Из челобитья Кельдермана о пожаловании его „гостиным именем“ 214
76. Рейтенфельс о московском рынке 216
77. Кильбургер о гостях или „царских коммерц-советниках“ 218
78 Кильбургер о вывозе хлеба 219
79. Жалованная грамота гостю Никифору Веневитову 1679 г. . . . 220

VI. Борьба туземного капитала с иностранным.

80. Челобитная 1627 г. Московских и всех городов торговых людей об изгнании иноземных купцов 225
81. Из царской грамоты 1643 г. Астраханским воеводам 231
82. Челобитная 1646 г. торговых людей разных городов о притеснениях их иноземцами, живущими в русских городах по торговым делам 231
83. Из указа 1649 г. о высылке англичан из России 245
84. Из приказной справки о челобитье Новгородских купцов на иноземцев в 1650 г. 247
85. Из дела о челобитье Вологодских купцов в 1651 г. на торгующих в России голландцев 249
86. Из челобитной торгового человека Семена Гаврилова о притеснениях в Швеции, 1663 г. 251
87. Отзыв английского посла Карлейля в 1664 г. относительно указа 1649 г. об изгнании англичан 254
88. Из записки шведских купцов в 60-х годах о притеснениях их Москвою 257
89. Ю. Крижанич о торговых путях из России 261
90. Из Новоторгового устава 1667 г. 262
91. Из отчета о совещании Московского правительства с гостями относительно предложения голландского посла фан-Кленка в 1675 г. 271
92. Из донесения подьячего Мих. Тарасова в 1681 г. о притеснениях русским торговым людям в Швеции 275
93. Из мемориала польского посла Карловича 276
94. Из донесения русского посла в Константинополе о заключении мира с Турцией в 1700 г. 278
95. Марпергер о значении балтийской гавани для России 279
96. Из рассуждения Петра о причинах Северной войны 280
Объяснительный словарь 283

Цена 1 р. 80 к.

